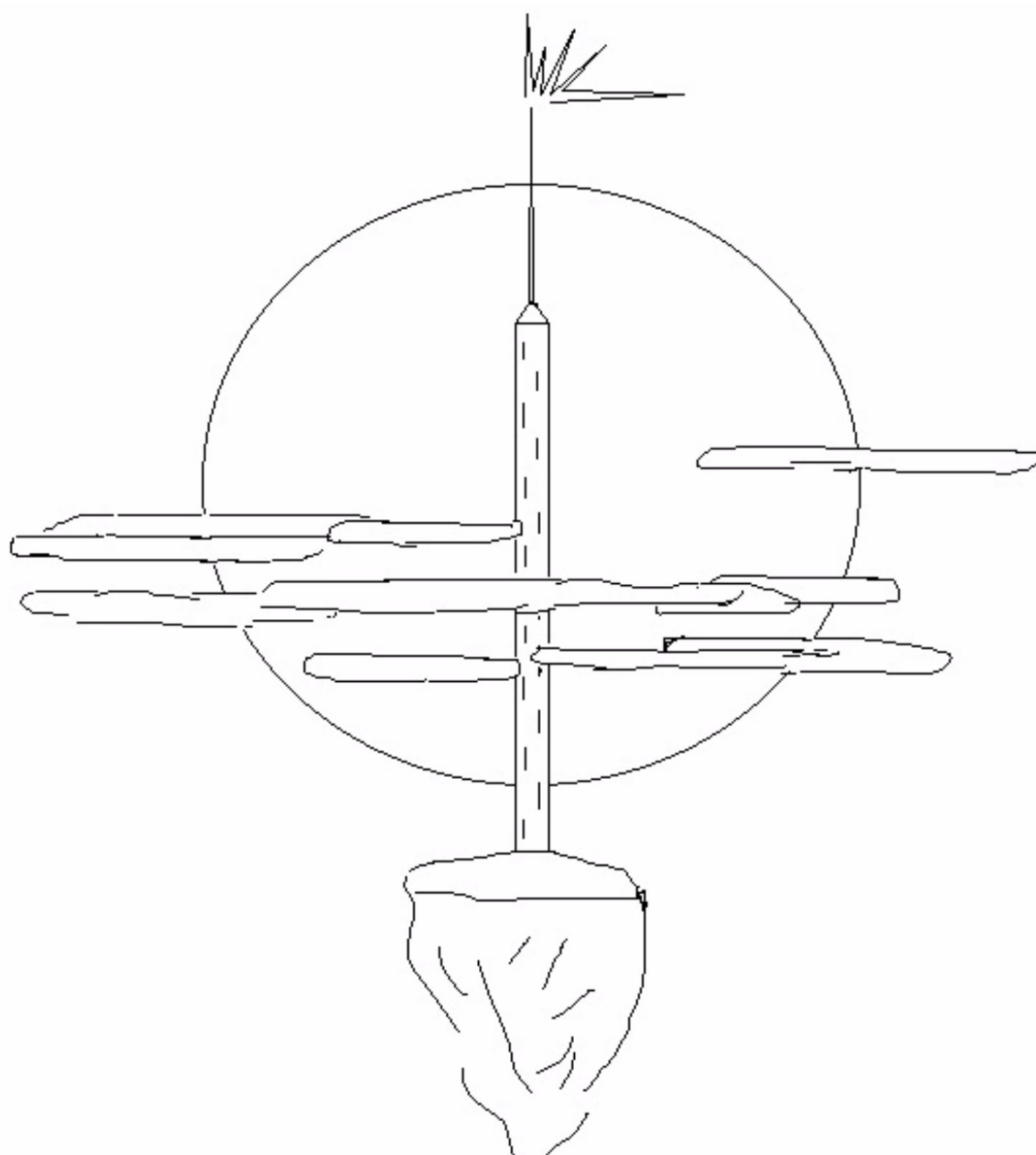

Анджей Беловранин

Там, далеко, за порогом дома

Анджей Беловранин
Там, далеко, за порогом дома

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Беловранин А.

Там, далеко, за порогом дома / А. Беловранин — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Идея гиперромана заключается в гармоничном соединении и одновременном развитии трех литературных миров — трех популярных жанров: фантастики, авторской сказки и фэнтези. При этом на первом месте для автора стояло уважительное и бережное отношение к указанным жанрам, позволяющее избежать их разрушения (что неизбежно происходит в пародийных текстах, смешивающих надуманную «грубую реальность» окружающей нас жизни с искренностью и непосредственностью хрупких и прямых текстов). Роман написан таким образом, чтобы оказаться интересным самой разнообразной читательской аудитории: детям и взрослым, мужчинам и женщинам. Почти целиком он написан легким, «любящимся» стилем; но есть в нем и места, над которыми хочется задуматься. В романе нет ненормативной лексики или откровенных эротических сцен, но нет и ханжеского пуританизма. В центре повествования — три главных героя, три принца из разных «измерений» («королевств», «миров»). Каждый из них — носитель «сокровенной сути» своего мира — попадает в мир, живущий полностью по другим законам. Все их качества и представления приходят в прихотливое взаимодействие со средой: их слабости и их сильные стороны нередко просто меняются местами. Точно так же покидают свои измерения и три антигероя романа — три существа, в поисках которых принцы отправляются в путешествие. Но в пути (в Мире Дверей) все окончательно перепутывается... Само собой, в каждом из миров у принцев оказывается множество захватывающих приключений. Особо хочется подчеркнуть, что ни один из персонажей не проходит проверки «нашим», так называемым «реальным» миром — они существуют только в мире литературы; как и читатель, погружающийся туда вслед за ними...

© Беловранин А., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Анджей Беловранин
ТАМ, ДАЛЕКО, ЗА ПОРОГОМ ДОМА
роман

ПРЕЛЮДИЯ СРЕДИ ЗВЕЗД

1.

Дверь эйр-лока пришла в движение, и воздух с шипом ворвался в шлюзовую камеру, выравнивая давление на шаттле и боевом крейсере «Катрин VII». Четыре гвардейца встали по стойке смирно, одинаковые, словно статуи, отлитые в одной и той же форме. Но принц знал, что под непроницаемыми, зеркально-черными забралами шлемов – живые лица солдат, выражающие сейчас заинтересованность, трепет, а то и страх. Слишком много слухов – и правдоподобных, и совершенно безумных – ходит про принца Нота Мэйдена. И сам Нот был прекрасно осведомлен обо всех этих слухах, ведь многие из них появились не без его деятельного участия.

Принц прошел мимо стражей, и черный – под цвет волос – голо-плащ за его спиной взметнулся, словно движимый внезапным порывом ветра. Лицо его не было скрыто ни маской, ни капюшоном – лишь монокль поливизора на левом глазу интриговал темным провалом нанообъектива (про этот монокль говорили, что с его помощью принц может видеть в любом спектре и в любой среде, даже в иррациональных пространствах). Правый глаз принца раскрывал тайну цвета его зрачков – карий.

У выхода из шлюза принца встречал лейтенант службы внутренней охраны крейсера; на стальном бейдже его униформы была гравировка: «Лт. Унт Дорон».

– Добро пожаловать на «Катрин VII», сэр, – обратился он к принцу. – Все системы корабля приведены в полную готовность; команда находится в ожидании ваших приказов.

Принц чуть склонил голову к правому плечу; в объективе его монокла произошли стремительные трансформации: нанороботы изменяли его структуру. И Унт ощутил странное волнение – ему показалось, что принц заглядывает ему прямо в душу.

– Капитан? – ровным голосом спросил Нот Мэйден, и этот голос показался присутствующим куда более мелодичным, чем можно было предположить; лейтенант тут же вспомнил, что про принца говорят, будто он мастер Игры в Песни.

– Капитан Рейсс ждет вас на мостике, сэр, – отрапортовал Дорон.

– Прекрасно. Ведите.

Они вышли из шлюза: лейтенант, следом за ним принц; замыкали шествие четыре гвардейца, шагая в ногу, словно единый, великолепно отлаженный механизм.

Они вошли в просторный лифт, и через несколько секунд оказались на Первой Палубе – в самом сердце боевого крейсера.

– Здесь по коридору, потом налево, – предупредил лейтенант. «Зачем я сказал это? Ведь все равно мы идем вместе, я ему все покажу...» – пронеслось у него в голове; Унт Дорон волновался намного сильнее, чем следовало бы, и сам не мог понять причины этого волнения.

Они прошли по коридору, а потом повернули налево. При их приближении отъехала в сторону широкая стена: сканеры входной двери опознали Дорона, а лейтенант обладал должным уровнем авторизации для доступа на мостик.

– Добро пожаловать, принц Ложи! – капитан крейсера кивнул головой. Дин Рейсс, благодаря своему статусу, имел право носить бороду – и охотно пользовался этим правом: густая черная порось, обрамлявшая низ его лица, придавала ему сходство с отчаянным флибустьером. Ироничное воображение Нота шутливо пририсовало на плече капитана огромного цветастого попугая, а на голове – потрепанную треуголку; но принц не стал воплощать свою фантазию в голограмму: сегодня он был Жестоким и Целеустремленным принцем Ложи Равновесия,

агентом Службы Исполнения Приговоров, тайным и явным представителем Сената, высоким и владетельным Нотом Мэйденом.

– Здравствуйте, капитан, – приветствовал «корсара» принц, и голо-плащ за его спиной всплеснул, очеркивая его первые слова. – Сегодня нам предстоит послужить на благо Федерации. Работа опасная, но легкая, а главное – быстрая. Я планирую закончить все за двенадцать часов. После этого вы и большинство ваших людей получите недельный отпуск – и неплохие премиальные, чтобы не скучать в течение этой долгой недели. Но только в том случае, если все пройдет так, как я запланировал... – принц сделал многозначительную паузу.

– А если что-то пойдет не так? – Дин Рейсс догадался, что принц ждет от него этого вопроса.

– На случай нашей неудачи Сенат уже вынес решение о посмертном награждении всего экипажа «Катрин VII» – и меня заодно – орденом «За отчаянное мужество».

– И в том, и в другом случае – прекрасная перспектива для бойца Звездного Флота, сэр, – улыбнулся капитан. – Ваши инструкции?

– Подготовьтесь к гиперпрыжку в систему Ван Зейн.

– Мы летим на Ван Зейн Прайм?! – Дин Рейсс ждал от принца чего угодно... но только не подобной глупости!

– Да, капитан. Сегодня нас ожидает встреча с ересиархом Энергий.

– Но... ваше высочество! Всем известно, что атака на Ван Зейн Прайм – это самоубийство! В прошлый раз ересиарх Лотам уничтожил своим таинственным энергетическим полем эскадру из семи крейсеров – прежде, чем они успели активировать оружейные системы!

– Именно поэтому – как вы уже догадались, – многозначительно заметил Нот, – у меня есть кое-какой сюрприз для Повелителя Энергий.

Принц протянул руку; в черной кентаровой перчатке лежал портативный блок монокристаллического информационного носителя.

– Здесь записаны параметры перенастройки силовых экранов для боевого крейсера. Немедленно передайте их оружейникам «Катрин VII» – пусть займутся делом, пока навигаторы готовятся к гиперпрыжку.

Дин Рейсс с поклоном принял инфо-блок и передал его своему адъютанту – тот сразу же отправился в оружейный отсек. Затем капитан отдал по интеркому необходимые распоряжения о подготовке гиперпрыжка.

– Ваши приказаны исполнены, принц. Желаете отдохнуть до конца перелета на Ван Зейн?

– Не надо стесняться своего любопытства, капитан – это не самый страшный порок, – на лице Нота появилась легкая улыбка. – Я же вижу, что вы очень хотите спросить...

– Благодарю вас, принц, – Дин Рейсс осмелился улыбнуться в ответ. – Не скрою, мне хотелось бы знать ваш план – чтобы, в случае необходимости, оказаться вам полезным.

Принц сделал четыре шага, оперся о блестящую трубку перил, ограждавших капитанскую платформу, и устремил взор в просторный зал мостика, где за своими пультами сидели несколько десятков операторов. Его голо-плащ пришел в движение; все, кто был поблизости, услышали иллюзорное шуршание дорогой ткани.

– Ученые Службы Исполнения Приговоров долго исследовали феномен энергетического поля ересиарха Лотама. И им удалось выяснить, что природа этого поля в некотором роде... органическая. Лотам каким-то образом то ли пленил, то ли заключил договор о сотрудничестве с довольно занятыми существами, которые представляют собой пока малоизученные структуры из сложно взаимодействующих чистых энергий. Им дали название DJ-437 по Звездному каталогу биосубстанций. Но можно называть их проще – джинны. Тем более что эти существа действительно чем-то похожи на мифологических демонов.

Принц резко повернулся на пятках, голо-плащ его описал красивый полукруг и реалистично запутался в перилах платформы.

– Так вот: джинны легко могут справиться с любым энергетическим или традиционным оружием; теоретически они могут даже поглотить энергию взрыва термоядерной бомбы. Для них не представляет проблем и преодоление какого бы то ни было защитного поля. Но все же эти существа не всемогущи! Большую часть времени, экономя силы, они находятся в стазисе – некоем «состоянии покоя» – не имея возможности ни двигаться, ни как-либо воздействовать на окружающий мир. Но в любой момент, по собственному желанию, они могут начать трансформироваться в ту или иную форму для взаимодействия с любым типом энергии. Те параметры силовых экранов, что устанавливают сейчас оружейники «Катрин VII» – это вариация энергетического поля, преодоление которого потребует от джиннов наиболее долгой трансформации. У нас будет около получаса, прежде чем прислужники Лотама смогут напасть на нас. За это время вы сумеете доставить меня в его цитадель – и я улажу все разногласия между ересиархом и Федерацией.

– Не могли бы вы уточнить, сэр, – обратился Дин к принцу, почувствовав, что тот закончил свою речь, – если на доставку вашего высочества на Ван Зейн Прайм мы затратим как раз полчаса, не возникнет ли... каких-либо препятствий для возвращения «Катрин VII» из системы Ван Зейна?

– Я понимаю вашу обеспокоенность, капитан, – в голосе Нота Мейдена звучало уважение. – И ценю вашу заботу о своих людях и о собственности Федерации. Но исчезновение ересиарха, по моим данным, автоматически разорвет договор между ним и джиннами, и те, оказавшись на свободе, не причинят ни крейсеру, ни его команде никакого вреда, ведь, по сути, этим существам совершенно безразлична судьба того или иного объекта материального мира. С другой стороны, в случае, если я потерплю неудачу – или отдам вам соответствующий приказ – вы должны будете немедленно покинуть систему Ван Зейна. Поэтому гипердвигатель корабля, естественно, должен быть готов к прыжку в любой момент.

– Я уверен: ваше высочество не забыли о том, что на уход корабля в гиперпространство после активации двигателя требуется около пяти минут, – в очередной раз поклонился Дин Рейсс.

– Не беспокойтесь, капитан, вы успеете. Я об этом позабочусь.

– Последний вопрос, сэр.

– Я в нетерпении.

– Почему для столь ответственной операции Ложа Равновесия решила использовать всего один корабль – даже такой прекрасный, как «Катрин VII», когда весь Звездный Флот с радостью поучаствовал бы в низвержении ересиарха Энергий?

– Это не боевая и даже не десантная миссия, капитан. Скорее я назвал бы ее диверсионной. Ложа не видит необходимости рисковать большим числом кораблей, чем один – ибо в случае неудачи джинны легко уничтожат хоть весь Звездный Флот целиком. Причем им потребовалось бы для этого лишь несколько минут. А так на кону окажутся лишь жизни экипажа прекрасной «Катрин»; причем, еще вероятнее, что этот список сократится до одной жизни. Моей.

– Мы не бросим вас на растерзание проклятой нечисти, ваше высочество! – в энтузиастическом порыве воскликнул Унт Дорон. Принц с легким удивлением воззрился на лейтенанта службы внутренней охраны крейсера; нанообъектив поливизора вновь пронзил его душу насквозь.

– Бросите, если таков будет мой приказ.

Нот повернулся к капитану:

– А теперь проводите меня в каюту, где я мог бы отдохнуть, и пришлите за мной – ровно за десять минут до выхода из гиперпространства. И не забудьте подготовить для меня десантный катер с перенастроенными силовыми экранами.

– Какие-нибудь особые пожелания, сэр?

– Да, пожалуй. Пусть меня разбудит лейтенант Дорон. Общение с этим человеком доставляет мне истинное удовольствие.

2.

Принц внимательно оглядел аскетически убранную каюту и, не оборачиваясь, кивнул головой:

– Можете быть свободны, лейтенант.

Унт закрыл дверь, и принц остался один. У него было примерно восемь часов для отдыха, медитации и размышлений.

Он выключил голо-плащ, вынул из глаза монокль, снял китель и перчатки. Одежда небрежно упала на стол, и Нот несколько секунд любовался, как переливается ткань: от черного к глубокому, сияющему зеленому. Все облачение принца было сделано из кентара; помимо красоты, у этого материала было еще несколько весьма ценных достоинств: он прекрасно мог защитить своего хозяина от холода и жары, неплохо – от токсинов и радиации, сносно – от физического воздействия; а при определенной доле везения, благодаря рассеивающему эффекту, – и от залпа из бластера.

Чтобы немного размяться, принц сделал пятьдесят отжиманий (один из имплантатов в его теле контролировал пульс и дыхание), потом полностью разделся и принял душ. Это расслабило его ум.

Принц активировал голосовой модуль управления каютой.

– Легкую музыку, – попросил он, и комната наполнилась звуками: скрипка солировала под аккомпанемент тихих электронных переливов. – Добавить виолончель, – его приказ был исполнен, и музыка стала более задумчивой.

Тогда Нот Мэйден голосом включил зеркало. В идеальной поверхности отразилось тело атлетически сложенного высокого мужчины – но зеркало не выявляло сотен имплантированных в него миниатюрных приборов, инструментов и оптиматоров, которые делали его одним из самых опасных и могущественных киборгов изученной Вселенной.

Нелегко превратить обычного человека в Жестокого и Целеустремленного принца Ложи Равновесия. Сначала обучающие вирусы изменили структуру его клеток, сделав его более быстрым и сильным и менее восприимчивым к любым видам агрессий. Потом долгие тренировки подготовили его тело к чрезмерным нагрузкам. И, наконец, 54 операции позволили вживить в его тело все, что могло понадобиться принцу Ложи Равновесия для работы в Службе Исполнения Приговоров...

Принц сел на пол напротив себя-зеркального, сложил ноги в удобную для медитации позу и сплел пальцы в мудру философского успокоения. Мысли его тут же пришли в полный порядок, и он без опасений отпустил их на свободу.

Нот Мэйден лучше многих понимал, как хрупка жизнь – наверное, именно потому, что его собственную жизнь оборвать было очень и очень трудно. Поэтому же он особенно явственно ощущал неизбежность смерти. И это последнее чувство заставляло его ценить жизнь больше всего на свете – больше силы и власти, больше красоты и больше любых творений человеческого (и нечеловеческого) разума и духа. Именно поэтому ради жизни он готов был не только умереть сам – но и нести смерть другим.

И именно поэтому особенно мерзким казалась принцу философия ересиарха Лотама. Ради своей религии Повелитель Энергий не собирался считаться с жизнью. Все существа, насе-

ляющие Вселенную, рассматривались им единственно как инструменты на пути к безграничной власти над неорганическим миром – миром бездушных раскаленных и потухших солнц, гравитационных вальсов галактик и безбрежной пустоты, пронизанной волей ее хозяина.

Лотам был единственным оставшимся в живых продуктом проекта «Гений». Генетики Империи, планируя ускорить наступление очередного научного прорыва, затеяли опасную игру с человеческой природой. Они построили секретную лабораторию на планете Ван Зейн Прайм и создали в ней два десятка «образцов» – людей с необычным способом восприятия мира, способных легко устанавливать парадоксальные связи между явлениями и находить самые невообразимые ассоциации.

К счастью, на поверку «образцы» большей частью оказались эклектичными безумцами, неспособными адекватно оценивать действительность. Все они подлежали уничтожению. Но в двух случаях имперским енгеникам удалось получить то, чего они желали. Первую «удачу» – девочку по имени Кина – пришлось умертвить в возрасте двенадцати лет. Она была очень общительна и любила вести долгие разговоры с наблюдавшими за нею учеными. В результате три ведущих специалиста проекта «Гений» покончили с собой, впав в депрессию, а еще восемь стали безнадежными шизофрениками со сложной структурой личностей-заменителей. Разговаривая с ними, Кина, помимо своего желания, делала примерно то же, что хороший хакер делает с электронными системами защиты: она «взламывала» их разумы, легко подбирая к ним нужные ключи. Ее смущали внутренние противоречия и скрытые страхи людей, а также спрятанное глубоко на дне сознания ощущение вины. Кина «читала» все это в их умах так же просто, как любой из нас читает книгу – и пугалась этого, ведь подобные «изыски» человеческой натуры были для нее непостижимы. И она извлекала подсознание своих жертв на поверхность, чтобы разобраться. Из одиннадцати людей, подвергшихся ее воздействию, ни один не смог вынести ее «исследований» в области психики. В конце концов, поняв, в чем дело, ученые отравили Кину, страшась утратить рассудок.

Даже сейчас, во время мыслительной медитации, Нот Мэйдэн взволновался. Жестокость генетических экспериментов – и проводивших их людей – вызывала у него омерзение; возможно, потому что сам он был способен на не меньшую жестокость – чтобы не допускать подобного впредь.

Вскоре после провала проекта «Гений» Империя пала, а вознесшаяся на ее руинах Федерация немедленно и строжайше запретила все исследования в области енгеники; но причиной этого запрета были отнюдь не только невинные шалости малышки Кины...

Лотам оказался именно тем «образцом», которого так ждали генетики! Молодой уникум своим появлением оправдывал название проекта. Он способен был совершить переворот в науке – и совершил его.

В двадцать один год он создал первый во вселенной Искусственный Разум. Но, вместо того чтобы заставить его служить на благо человечеству, Лотам соединил его со своим! Парадоксальная алогичность мышления «образца» и абсолютная логичность Искусственного Интеллекта – фантастический симбиоз, явивший миру ересиарха Энергий.

В поисках пути к господству над законами мироздания Лотам заключил союз с «джиннами» (как ему это удалось, до сих пор оставалось загадкой), а с их помощью легко поработил планету, на которой когда-то был сотворен. Так система Ван Зейна получила прозвище «Черная дыра» – любой корабль, входивший в нее, бесследно исчезал.

Но Федерации все же удалось запустить на Ван Зейн Прайм несколько жучков-шпионов – замаскированные под метеориты, они падали на поверхность планеты Лотама.

Выяснилось, что сумасшедший гений убил далеко не всех ее обитателей: большинство жителей подверглись сложной операции на мозге, и в результате стали слугами-зомби провозвестника новой веры – веры в божественную сущность нового мессии.

Тогда же узнали и то, что Лотам вообще мало интересуется людьми: его занимали только законы гравитации, управляющие Вселенной. И ересиарх работал над тем, чтобы поставить их себе на службу...

Потом была печально известная атака на Ван Зейн Прайм, когда семь могучих крейсеров Федерации были уничтожены меньше чем через минуту после выхода из гиперпространства. А затем – долгое исследование энергетического феномена Лотама.

И, наконец, были еще ненависть и отвращение, и инстинктивный ужас, которые испытывали все граждане Федерации – стоило им вспомнить о чудовищном порождении их собственных алчных умов...

«Безграничное стремление к власти (над людьми или над природой, не важно) – самый страшный из людских пороков, – думал принц, уже находясь на пороге перехода к созерцательной медитации. – И ограничение этого стремления – естественная функция общности людей; для этого и существует Федерация. Для этого и существует должность Исполнителя Приговоров в Ложе Равновесия...»

Через три часа принц прекратил медитацию, заказал и съел суп из каллерианских моллюсков, запив их довольно средненьким белым вином (лучшего на «Катрин VII» не было), и лег спать. Он видел во сне метагалактику и симпатичную девушку из рекламы косметического салона на Легате IV; девушка собирала крупные красные ягоды, растущие у самой земли на зеленой поляне, и улыбалась ему...

Еще через четыре с половиной часа его разбудило взволнованное обращение из интеркома.

3.

Унт Дорон несколько минут стоял у двери каюты, не решаясь войти, и эта нерешительность столь явно отражалась на его простом и открытом лице, что это было уже даже непристойно для офицера службы внутренней охраны.

Почему принц обратил на него такое внимание? Чего хочет от него этот непостижимый человек-загадка? Его просьба – знак доверия, странное наказание или какая-то неведомая проверка? И – как теперь обратиться к нему?..

Наконец лейтенант нажал кнопку интеркома:

– Ваше высочество, капитан ждет вас на мостике!

Через две секунды раздался знакомый мелодичный голос:

– Прекрасно, лейтенант. Но пусть он подождет еще немного. Войдите в каюту.

Дверь исчезла в стене, и Унт подчинился.

Нот Мэйден одевался; он выглядел свежим и отдохнувшим, и Дорона взяло сомнение, что это он разбудил принца: быть может, тот совсем не спал, ожидая его прихода? Но зачем? К чему все это представление?..

Принц надел китель, вставил в глаз монокль, натянул перчатки. Повернулся к лейтенанту. Объектив поливизора вновь впился в Унта, и на лице принца тотчас же появилась ободряющая улыбка.

– Ваше высочество! – вдруг произнесли губы Дорона. «Что я делаю?!» – Будет ли мне позволено задать вам вопрос?

– Браво, лейтенант! – улыбка принца стала шире; казалось, он искренне обрадовался словам Унта. – Считайте, что вы уже задали его. И получили положительный ответ.

«Положительный ответ?.. Что бы это значило?..» – недоумевал Дорон.

– Да: мое внимание к вам действительно неслучайно. И для вас это, бесспорно, хорошая новость... То, что я скажу сейчас, вам, несомненно, покажется неожиданным. Но мой анализатор сделал вывод, с которым я полностью согласен, – Унт замер, боясь шелохнуться; улыбка

не сходила с лица Нота Мэйдена. – Вы обладаете потрясающей интуицией. В девяносто девяти случаях из ста вы точно знаете, как нужно поступить – и почти никогда не ошибаетесь. Причем происходит это подчас помимо вашей воли. К сожалению, вы не всегда отдаете должное своим предчувствиям – а зря!

– Но... как такое возможно?! Разве есть способ определить... уровень интуиции? – поразился Унт.

– Да. По особому энергетическому рисунку в одном из спектров. Ученые еще не нашли разумного объяснения этому феномену – но уже научились пользоваться им. По-видимому, это как-то связано со свойствами четвертого – временного – измерения.

С этими словами принц включил голо-плащ и вышел из каюты. Дорону оставалось лишь последовать за ним.

Они вошли в лифт, и Унт уже думал, что на этом их разговор закончится, но принц неожиданно обратился к своему спутнику:

– Вполне возможно, что Ложе Равновесия понадобится агент на этом корабле. Вы подходите мне наилучшим образом. Возьмите это, – принц протянул Дорону простое кольцо белого металла.

– Тяжелое... – поразился Унт, взяв его в руку.

– Наденьте и носите не снимая. Кольцо само определит необходимую силу сдавливания, так что можете надеть его на любой палец и не бояться потерять.

– Спасибо. Красивое...

Принц в очередной раз улыбнулся дипломатическому дару Унта:

– Это не украшение. Кольцо – мандат и одновременно носитель информации. Предъявив его капитану и поместив в инфо-сканер для проверки подлинности, вы сможете получить полномочия агента Ложи. В этом случае «Катрин VII» перейдет в полное ваше распоряжение.

– Но зачем?

– Просто сделайте это, если почувствуете, что капитан поступает неправильно! Помните: ваша интуиция практически никогда не даст вам ошибиться.

Лифт остановился; открылись двери; они вышли и направились в сторону мостика; осталось все несколько шагов и несколько секунд: принц отлично высчитал время для этого разговора – ни больше, ни меньше.

– Добро пожаловать в Ложу Равновесия, лейтенант! – голо-плащ привычно отчеркнул слова Нота. – И верьте в свою удачу!

Они свернули налево, и отъехавшая в сторону стена впустила их на капитанский мостик.

4.

– А, принц? – капитан Рейсс на мгновение оторвал взгляд от мониторов и бросил взгляд на вошедших; но через мгновение опомнился и поклонился, – простите, ваше высочество...

– Извинения приняты, – нейтральным тоном ответил Нот. – Судя по вашей сосредоточенности, мы приближаемся.

– Да, через несколько минут «Катрин» выйдет из гиперпространства.

– В таком случае, самое время обсудить детали...

Принц подождал, пока капитан отдаст последние команды; Дин Рейсс приготовился слушать.

– Цитадель Лотама находится в северном полушарии, на западном побережье самого крупного континента Ван Зейн Прайм. Обнаружить ее по тепловому и радиоактивному излучению не составит труда – на планете нет больше ни одного места, где работала бы хоть одна электростанция. Вы займете позицию на геостационарной орбите прямо над цитаделью, после чего я десантируюсь на планету. Вы будете находиться на постоянной связи со мной. В случае,

если связь прервется – действуйте по ситуации. По моим данным, джинны смогут атаковать вас не раньше чем через тридцать две минуты после выхода из гиперпространства. Но я приказываю вам активировать двигатели ровно на двадцать пятой минуте (если, конечно, к тому времени проблема с ересиархом еще не будет улажена). В этом случае вы успеете покинуть систему и спасти крейсер. Это все.

– Все ваши приказания будут исполнены, ваше высочество, – Рейсс кивнул головой.

Принц кивнул в ответ и вышел из помещения мостика. Унт сопровождал его до десантного отсека.

Нот не без труда поместился в узкое пространство одноместной автономной капсулы. При этом голо-плащ картинно «мешал» принцу, не позволяя ему удобно устроиться. Лейтенант с интересом наблюдал, как Нот деловито справлялся с иллюзорной тканью, и в голову ему пришла крамольная мысль: а что, если этот сверхопасный, безгранично таинственный и во всех смыслах непостижимый над-человек... просто разыгрывает веселую шутку? Но Унт тут же отгнул эту мысль как совершенно недостойную.

– Удачи, лейтенант! – попрощался Нот Мэйдэн.

– Вам тоже, сэр, – склонил голову Дорон, а про себя отметил, что капитан не удостоился от принца такой чести как прощание.

Захлопнулся фонарь капсулы; кран тут же спустил ее на уровень ниже – в стартовую камеру десантной катапульты; насосы с шипением принялись откачивать из камеры воздух.

Нот установил связь с мостиком.

– Как там у вас дела, Рейсс? – спросил он, одну за другой активируя системы катера.

– Полторы минуты до выхода из гиперпространства. По последним прикидкам, мы вынырнем не более чем в пятистах километрах от намеченной точки орбиты. Значит, нам понадобится минут семь-восемь, чтобы доставить вас к месту высадки.

– Прекрасно. Не забывайте информировать меня о любых изменениях ситуации...

Оставалось лишь ждать. Принц не любил такие моменты – последние секунды перед схваткой. Раньше он нередко пытался занять их медитацией... но, по правде говоря, ему не удавалось расслабиться, когда каждая клеточка тела уже ощущала напряжение следующей минуты! Вновь Нот подумал, что нет пределов самосовершенствованию...

Как всегда, это произошло неожиданно: перед глазами пробежала вызывающая тошноту рябь, и весь мир словно попал в полосу атмосферных помех. И, как всегда, через мгновение все кончилось. Принц включил таймер на наручном компьютере.

– Мы вышли из гиперпространства! – раздался голос капитана.

– До точки десантирования четыреста тридцать километров... – сообщил один из операторов. – Расчетное время прибытия – семь с половиной минут.

– Активировать миноритарные двигатели, – приказал капитан. Крейсер ощутил легкую перегрузку, которую мгновенно скомпенсировал корабельный гравитатор.

«И вновь ожидание...» – печально подумал принц; но ожидание длилось всего несколько секунд:

– Зафиксирована атака на силовые поля! – воскликнул оператор оружейников. – Энергетический всплеск неустановленной формы на носовых отражателях... Еще одна атака, по левому борту... – в голосе говорящего чувствовалось неприкрытое волнение; но корабль шел ровно – похоже, экраны прекрасно справлялись с нагрузкой. – Сорок семь атак по всей поверхности полей! – оператор сорвался на крик.

– Спокойнее, Гутнис, – перебил его капитан. – Нет никаких оснований для паники: вы же видите, что эти нападения не приносят нам никакого ущерба.

– Простите, сэр, – уже нормальным голосом ответил оператор.

После этого в эфире установилась тишина, только время от времени бесстрастный голос оператора машинного отсека сообщал:

– Три минуты до прибытия... Две... Полторы...

Принц вдруг вспомнил двух забавных киарских медвежат. Пару лет назад он видел, как они играли на залитой синим солнечным светом поляне Киара и потешно поводили длинными носами, прежде чем перекувырнуться через голову. Потом один из них развалился на траве и заснул, а другой что-то выкапывал из земли. На Киаре пришлось убить семерых человек и двух разумных негуманоидов. И еще там была симпатичная горничная в отеле, с такими веснушками...

– На позиции, – сообщил оператор.

– Все готово, ваше высочество! – удостоверил капитан.

– Вы обнаружили цитадель на поверхности планеты?

– Да, и уже нацелили на нее десантную катапульту.

– Тогда выстреливайте меня...

– Да хранит вас Великий Разум!

Капсула находилась в вакууме стартовой камеры; она беззвучно отсоединилась от кронштейнов, так же беззвучно открылась заслонка катапульты – и принца вжало в кресло перегрузкой!

Через несколько секунд Нот смог взглянуть на таймер: девять с половиной минут с момента выхода из гиперпространства. Время есть!

Капсула вошла в атмосферу; началась жуткая тряска; принцу оставалось лишь ждать, пока болтанка прекратится, чтобы принять управление.

Вдруг его внимание привлекли показания приборов: что-то настойчиво долбило в правый защитный экран катера. Нот повернул голову: сквозь фонарь кабины отчетливо видна была синяя молния, преследовавшая капсулу; время от времени она становилась похожей то на атакующую дикую кошку, то на жуткий глаз без века с узким поперечным зрачком.

Таймер: одиннадцать минут. Катер перестал трястись и теперь просто падал с невероятной скоростью на поверхность планеты.

Нот включил тормозные двигатели, падение тут же замедлилось, и вскоре капсула оставалась чуть ниже полосы редких кучевых облаков. Принц активировал штурвал и теперь уже по собственной воле направил катер в пике...

На цитадель Лотама опускался вечер. Основание огромной пирамиды зиккурата, в котором когда-то располагался Первый историографический музей Ван Зейн Прайм, уже находилось в тени. Принц знал, что ересиарх не случайно выбрал для своего жилища здание именно такой формы: это как-то помогало ему управляться со своими нематериальными слугами.

Единственный вход в зиккурат был ровно в середине восточной грани пирамиды, к нему-то принц и направил капсулу. Заложив крутой вираж, он выровнял катер так, чтобы тот шел прямо на наглухо закрытые бронзовые ворота. Два лоботомированных стражника Лотама, стоявшие по сторонам от входа, тупо смотрели, как к ним приближается смерть.

Нот немного притормозил движение катера и, не тратя времени даром, «постучался» в ворота выстрелом из носового орудия. Спаренная турель выплюнула два смертоносных сгустка плазмы, и преграда на пути катера испарилась вместе с охранявшими ее зомби. Принц еще больше замедлил ход и филигранно, ни одним бортом не задев стенок входа, «состыковался» с цитаделью ересиарха Энергий.

Четырнадцать с половиной минут. Принц нажал несколько кнопок на маленьком приборчике у себя на поясе: теперь его окружало то же силовое поле, что защитило и крейсер, и катер от атак джиннов. Потом включил под катером гравитационную подушку, заглушил двигатели и, открыв фонарь кабины, одним движением легко выскочил из нее.

Покои Лотама находились на самой вершине зиккурата. Принц легко отыскал внутри лестницу и побежал наверх.

Пару раз на его пути попадались слуги – «последователи» конфессии ересиарха, одетые в одинаковые короткие юбки и серые футболки. Но, похоже, Лотам не ожидал вторжения в святая святых своего майората, поэтому никакой охраны на этот случай предусмотрено не было. Принц просто отталкивал зомби в сторону и продолжал движение – а те даже не смотрели на него, занятые каждый только своим делом.

Восемнадцать минут.

– Как вы, ваше высочество? – невидимый глазу коммуникатор был вживлен прямо внутри уха принца Ложи Равновесия, и он прекрасно расслышал обращение Дина Рейсса.

– Все отлично, капитан, – беззвучно произнес Нот; передатчик, встроенный в его гортань и язык, легко считал эти слова и переправил на «Катрин VII» в виде текстового сообщения. – Опережаем график.

– Рад это слышать, сэр, а то моих людей уж очень волнует это затянувшееся затишье...

Вдруг на пути принца выросла давешняя голубая молния. В мгновение ока она превратилась в мускулистого обнаженного мужчину с треугольной головой и рогами, только полупрозрачного, как мыльный пузырь; затем в исполненного очей безногого паука; сверкающий метеоритный поток интерьерного масштаба; вращающуюся с бешеной скоростью спираль ДНК... Но ни один из этих обликов так и не устроил «джинна», и в конце концов он стал просто пушистым котенком с длинными усами, с кончиков которых слетали сапфировые искры. Котенок висел в воздухе, сложив задние лапы по-турецки и скрестив передние на груди. В его пронзительно синих глазах без белков невозможно было ничего прочесть, но грозное выражение мордочки внушало серьезные опасения относительно его добрых намерений.

На секунду принц опешил, не зная, что делать: джинн не нападал, но полностью загородил проход; прикинув, что к чему, Нот просто побежал дальше вверх по лестнице. Джинна отбросило силовым полем, как теннисный мячик. Взмахнув лапами, он улетел прямо в стену, и принцу даже показалось, что он услышал какой-то мяукающий возглас, который вполне мог быть сообщением о синхронизации энергетического поля джинна с аурой матери принца, произошедшей без согласия последней.

Проскочив еще пару площадок, Нот оказался в просторном зале без окон, освещенном несколькими причудливыми лампами. Это был самый верх пирамиды, поэтому четыре стены, смыкаясь в одной точке, не оставляли в этом помещении места для потолка.

Ересиарх Лотам, мужчина на вид лет сорока (признаться, столько ему и было на самом деле) был одет в светло-оранжевые брюки и белую футболку с надписью «Ван Зейн Тайгерс» и логотипом футбольной команды Ван Зейн Прайм – летящим в прыжке тигром.

– Значит, вам удалось-таки нейтрализовать моих клеветников? – без всякого удивления спросил он. Посреди лба ересиарха располагался горизонтальный шрам, по бокам и сзади скрытый волосами – он остался после вживления Искусственного Разума в мозг ересиарха. – Принц Нот Мэйдэн, я полагаю?

Нот быстро взглянул на таймер: двадцать минут.

– Ересиарх Энергий собственной персоной, – констатировал принц, и в руку его прыгнул внушительного вида бластер: агент Службы Исполнения Приговоров собирался претворить в жизнь волю Сената... но не сейчас – немного позже.

Мерцающий наконечник излучателя его оружия смотрел прямо в лицо Лотама, но тот даже бровью не повел.

– Отвечайте на мои вопросы быстро, и, быть может, останетесь в живых, – скороговоркой приказал принц. – Как вы сумели поработить энергетических монстров?

– Как? – Лотам развел руками. – Боюсь, вам не понять. Я никого не порабощал. Я убедил их в своей правоте – так же, как и тех людей, что теперь верно мне служат. Если вы позволите, я смогу убедить и вас...

– Благодарю, но мое тело перенесло уже достаточно хирургических вмешательств, чтобы добавить к ним еще и лоботомию.

– Вы ошибаетесь, думая, что у моих последователей нет выбора! Я вовсе не редуцировал их мозг, напротив, я добавил им несколько самых необходимых нейронных связей – и они легко увидели свет истины. Так же, как видят его мои энергетические союзники.

– В чем же истина?

– В революции, конечно же! – улыбнулся Лотам, принц обратил внимание, что ересиарх разговаривает с ним, как с неразумным ребенком, нарочно подбирая слова, чтобы быть понятным и не обидеть. – Вместо того чтобы изменять Вселенную, подстраиваясь под ее законы – как делает это ваша безнадежная Федерация, – нужно изменить сами законы, и тогда Вселенная будет подстраиваться под меня! А если вам хватит ума признать мою правоту, то и под вас тоже. Я уже обнаружил главный физический закон мироздания, через несколько лет я смогу сформулировать его и выразить численно; а затем, лет через пятьдесят – совершить прорыв!

Двадцать две минуты. «Ваше высочество! Через три минуты я активирую двигатели» – «Хорошо, капитан. Но будьте готовы отменить переход: ересиарх уже в моих руках».

– Но ведь это, скорее всего, погрузит нашу Вселенную в коллапс или вовсе уничтожит ее.

– Какая разница? Ведь на ее месте появится нечто гораздо более совершенное...

– С философией закончили – если вы хотите сохранить жизнь, – отрезал принц, и голоплащ взметнулся за его плечами, подтверждая его правоту. – Есть ли способ обезвредить джиннов, оставив при этом жизнь вам?

– Да, но это не так просто... – улыбнулся Лотам. – Придется убедить их в том, что я отказался от своих планов!

– Сделайте это в течение минуты, причем так, чтобы я поверил вам. А я пока – на случай вашей неудачи – зачитаю вам текст смертного приговора.

Лотам с улыбкой покачал головой – как добрый учитель, не устающий биться над глупым учеником:

– Хорошо, я выполню вашу просьбу. Вот только решит ли это нашу проблему? – Лотам подошел к небольшому пьедесталу в центре зала и стал проводить какие-то манипуляции с пультом его управления. Принц был совершенно уверен, что, даже если это нечто окажется пультом активации автоматических систем защиты – он успеет своевременно прореагировать. Поэтому просто привычно читал наизусть:

– В соответствии с постановлением Сената, с прискорбием заявляю вам, мистер Лотам, что вы признаны виновным по следующим обвинениям: в геноциде на планете Ван Зейн Прайм, в самовольном захвате власти, в массовых убийствах людей и других разумных существ... – Лотам спокойно колдовал со своим пьедесталом, иногда кивая – соглашаясь со словами Нота. «Гипердвигатели активированы!» – «Будьте готовы в любой момент прервать процедуру перехода. В крайнем случае ждите моего сигнала в зоне эвакуации, после выхода из гиперпространства». Передавая неслышное Лотаму сообщение, принц вынужден был сделать паузу, но теперь продолжил оглашать приговор, – в космическом пиратстве, в издевательствах над природой человека...

– Простите, ваше высочество, – прервал Нота ересиарх. – Я закончил, – Лотам нажал последнюю кнопку, и на пьедестале возникла сияющая и искрящаяся голубая сфера из чистой энергии.

– Что это?

– Это единственный способ устранить мою власть над джиннами и при этом оставить меня в живых!

– Иногда я снисхожу до того, чтобы повторить свой вопрос. Но не больше одного раза. Что это?

– Это врата в иное измерение. Исчезнув из этой Вселенной, я потеряю власть над своими союзниками. Но моя жизнь, как вы и просили, сохранится.

– Боюсь, этот способ не подходит нам обоим, – отрезал Нот Мэйдено; как всегда, всплеск голо-плаща не позволил сомневаться в твердости решения принца Ложи Равновесия. – Вы должны остаться моим пленником. Придумайте что-нибудь другое...

Но в этот миг Лотам просто прикоснулся рукой к сфере – и мгновенно исчез!

«Три с половиной минуты до перехода, ваше высочество!» – голос Рейсса выдавал хорошо скрытое волнение.

Мозг принца лихорадочно работал – для принятия решения оставались считанные секунды. «Портал в другое измерение – наверное, измененная технология гиперперехода... Лотам обезврежен – но вдруг он сможет вернуться?.. А если это обман, и ересиарх просто телепортировался в другую точку этой вселенной? Тогда мы все еще в опасности; нет выбора – надо следовать за ним...»

– Капитан, – на этот раз Нот обратился к Рейсу вслух, не скрывая своих слов. – Отступайте согласно намеченному плану. Лотам бежал, используя одно из своих противоестественных устройств. Возможно, угроза нейтрализована, но я должен все проверить. Я следую за ересиархом через оставленную им пространственную брешь. Удачи вам и вашему экипажу!

Принц спрятал бластер в кобуру, подошел к сфере и протянул к ней руку в кентаровой перчатке. Стоило ему коснуться сверкающей поверхности, как тело его пронзило странное ощущение нематериальности, словно он обратился в ничто, но сохранил все свои чувства...

В тот же миг принц Нот Мэйдено исчез.

ИНТЕРЛЮДИЯ ПЕРВАЯ

Дорогая японская машина с непроницаемыми для взгляда извне окнами, прохрустев новенькими шинами по осколкам бетона и битым стеклам, остановилась. С тихим щелчком открылась дверь, и мужчина в длинном черном пальто и стрижкой клерка выбрался наружу.

Отделившись от группы людей в комбинезонах, к нему подошел другой мужчина, в таком же черном пальто и с такой же стрижкой, только чернокожий.

– Агент Смит Джонс? – сосредоточенно спросил новоприбывший.

– Агент Джон Смит? – с той же интонацией спросил встречающий.

Они пожали друг другу руки в дорогих черных кожаных перчатках.

– Как все было? – спросил агент Смит.

– Пойдемте, я покажу, – ответил чернокожий Джонс.

Они прошли мимо группы людей в белых комбинезонах, которые ползали по земле с кучей разнообразных приборов в руках. Наконец Джонс остановился в небольшом тупичке, посреди которого был круглый выжженный след – словно кто-то жег тут огромный костер.

– Началось все здесь. Инертный энергетический заряд появился в 14:27 и оставался стабильным около двенадцати минут. В 14:29 – первый гость. Вышел отсюда и пошел – следуйте за мной...

Агенты прошли около пятидесяти метров по вонючим трущобам, петляя вокруг мусорных куч. Наконец они подошли ко второму следу – в точности такому же, как и первый.

– Здесь первый гость остановился, – продолжил агент Джонс, – и произвел какие-то действия с прибором, который имел с собой. Вскоре после этого, в 14:30, появился второй инертный заряд – и первый гость исчез.

Агент Джон Смит хмыкнул. Агент Смит Джонс внимательно посмотрел на него и кивнул.

– Ровно в 14:31 второй заряд исчез, а из первого заряда вышел гость номер два. Он был намного активнее первого, бегал повсюду вокруг, словно что-то искал. Вскоре после этого, в 14.32, появился третий заряд, вот тут, неподалеку, – агент Джонс вновь повел агента Смита за

собой. – Этот заряд не был похож на первые два, такой фиолетово-черный и вытянутый – а те были белые и блестящие, шарообразной формы. Наконец, в 14.39, гость номер два обнаружил третий заряд. Потом вошел внутрь него и тоже исчез. Одновременно с этим исчезли и оба оставшихся заряда – первый и третий. Сразу.

– Значит, второй заряд просуществовал всего две минуты, – отметил агент Смит. Агент Джонс многозначительно покивал головой:

– Вот именно.

Они пошли назад к машине.

– Описание внешности гостей? – спросил Смит.

– Приложено к отчету.

– Вкратце.

– Первый – в оранжевых брюках и белой футболке с зеленой надписью, на лбу приметный шрам. Второй – в черном плаще.

Дальше шли молча. Подойдя к машине, Смит отворил дверь и сел за руль. Несколько секунд агенты молча смотрели друг на друга.

– Вы что-нибудь понимаете, агент Джонс? – спросил Смит.

– Ответ отрицательный, агент Смит, – ответил Джонс.

Смит удовлетворенно кивнул:

– Продолжайте работать.

Они пожали друг другу руки в дорогих черных кожаных перчатках, и Смит захлопнул дверь машины.

ПРЕЛЮДИЯ ПОД РАДУГОЙ

1.

Ласковое солнышко заглядывало во все окна дворца сразу, ничуть не беспокоясь о том, что Первая королевская прачка Стируня развесила на его лучах мокрое белье. Цветы раскрыли свои бутоны и наперебой хвастались друг перед другом свежими утренними ароматами. В синем небе щебетали веселые птицы: воробьи, стрижи и ласточки.

– Как спалось, госпожа Сорока? – не обращая внимания на эту суету, важно спрашивал старый ворон Клювон, сидя на ветке еще более старого дуба в придворцовом парке.

– Прекрасно, кум, – стрекотала в ответ Сорока. – Вчера выменяла у золовки две серебряные ложки – на моток старой проволоки, представьте себе!

– Неплохо, неплохо, – одобрительно покивал головой Клювон. – Если мне не изменяет память, то была золотая проволока, которую вы выменяли в прошлую пятницу у королевского кота Мурчалы на подвеску с рубином?

– Золотая? – удивленно всплеснула крыльями Сорока. – Кто вам сказал, что она была золотая? Подумаешь, моток дурацкой проволоки!

– Ну, про то вам виднее, кума, – глубокомысленно заметил Клювон. – Ибо я той проволоки в глаза не видел, однако не далее как неделю назад вы изволили рассказывать, что грошовую платиновую подвеску с дурацким рубином выменяли на прекрасную золотую проволоку... А не слышали ли вы, что творится нынче во дворце? – продолжил он светскую беседу.

Сорока, немного расстроенная тем, что из ее крыльев нежданно-негаданно уплыло настоящее сокровище, не обратила внимания на вопрос ворона. Но когда тот повторил его чуть погромче, все же ответила:

– «Что-что»! Что может быть во дворце? Конечно, король Растяпиус XXIV, как всегда, не в духе.

– А что такое?

– Потерял скипетр, никак не может отыскать! Сидит, печальный такой, на троне, и вздыхает. А королева едва удерживается от слез, – у Сороки, как известно, в одно ухо влетает – в другое вылетает. Вот и сейчас она, начав рассказывать принесенные на хвосте сплетни, начисто позабыла о своем горе-несчастье. – Стражники носятся по всему дворцу – ищут, заглядывая в каждый сундук и в каждый горшок, но никак не найдут. А капитан Саблявзуб вышагивает посреди этой суматохи, командует и выдает своим солдатам затрещины – всем по очереди, – чтобы лучше старались.

– А что же принц Творимир?

– Принц еще не вернулся с утренней прогулки за ландышами. А то бы он, конечно, давно уже нашел скипетр короля Растяпиуса – ведь тот лежит прямехонько на королевском троне, позади несчастного Растяпиуса, завернутый, между прочим, в его же собственную королевскую горностаевую мантию!

– Ну, в таком случае, совсем скоро в королевстве вновь воцарятся мир и покой, – уверенно заявил Клювон.

– Это почему же, кум? – удивилась Сорока.

– Да потому что, глядите, вон принц уж возвращается со своей прогулки! – глубокомысленно заметил ворон.

И точно: по тропинке придворцового парка, рассеянно поглядывая по сторонам, шел не очень высокий стройный юноша – принц Творимир. На нем была белая блуза с широкими просторными рукавами, синие штаны и легкий голубой плащ, застегнутый у горла пряжкой в виде плачущей розы, а также высокие черные ботфорты. У пояса принца висела грозная шпага, а его длинные каштановые волосы удерживались легким серебряным обручем. В руке Творимир держал букетик из трех благоухающих ландышей – и вел уже ставший привычным за это лето разговор:

– Я знаю, что сейчас вам немного одиноко – это такое странное чувство, оказаться без корней, – говорил он, не сводя с цветов внимательных зеленых глаз.

– Откуда ты знаешь? – спрашивал средний ландыш.

– Вы ведь видели меня раньше: я каждое утро срываю три ландыша на Березовом холме. И разговариваю с ними – все они рассказывают одно и то же о том, что чувствуют.

– Наверное, нам все-таки не стоило соглашаться, – испуганно вставлял слово самый маленький ландыш.

– Не бойся, малыш. *Страшно* будет, только пока я не поставлю вас в воду. А потом – вот увидите – сразу станет *страшно весело*. Все будут любоваться вами, вдыхать ваш аромат.

– Но ведь к завтрашнему утру мы умрем? – продолжает беспокоиться маленький ландыш.

– Да, это так. Но ваш век все равно не слишком долг. Зато вы порадуете других и порадуетесь сами! В этом мире всегда так – чтобы что-то получить, надо что-то отдать.

– Мы знаем, принц. Мы сами выбрали свою судьбу – и не о чем жалеть! – заговорил самый большой из трех ландышей. – Вы ведь помните, что мы у себя на поляне под Березовым холмом каждый вечер кидаем жребий – все хотят попасть в букет к принцу, и те, кто сейчас остался там, на поляне, завидуют нам. А теперь – давайте веселиться, у нас не так много времени!

– Принц Творимир, ваше высочество! – раздался вдруг взволнованный голос. Принц остановился. По парковой дорожке, немного задыхаясь, к нему бежала прачка Стируня. – Ваше высочество, подождите! Ваш батюшка, король Растяпиус, опять потерял свой скипетр (прости, Господи!).

– Хорошо, я помогу ему тотчас же, как освобожусь, – улыбнулся принц. – Но сначала я должен сдержать обещание, данное этим милым цветам. Пойдем со мной, Стируня, вместе поставим букет в воду!

И они быстрым шагом направились к дворцу. Стируня тут же принялась напевать свою любимую прачкину песню:

Чтобы выстирать пеленки —
Надо вынуть из них ребенка,
Тра-ля-ля!
А иначе стирка станет
Банькой в бельевой лохани,
Тру-ля-ля!

Ландыши веселились, пытаясь подпевать, и распространяли вокруг себя густой душистый аромат. И даже принц улыбался.

Полоскание простынок —
Праздник для невоспитанных свинок,
Тра-ля-ля!
Свинка о чистую простынку
Любит почесать свою спинку,
Тру-ля-ля!

2.

В просторном Первом зале дворца принца дожидалась раскрашенная красками всех цветов радуги ваза, важная и пузатая. Она считала, что ведет свой род от древних греческих амфор, а также каждому встречному рассказывала по секрету, что внутри ее собственного прапра-прадедушки жил даже сам философ Диоген.

В вазу принц загодя налил воды, и теперь оставалось лишь поставить в нее ландыши. Но вначале специально приготовленным серебряным ножом на серебряном подносе он отрезал цветам кончики стебельков, чтобы тем удобнее было пить. А уже потом опустил их в воду. Ландыши сразу взбодрились, и проходящие мимо придворные не могли удержаться от похвал: «Какие прекрасные ландыши! – говорили они. – Так чудесно пахнут и радуют глаз!» А одна фрейлина даже прослезилась: «Какие великолепные и какие несчастные малыши...»

– Это и правда очень здорово! – воскликнул самый маленький ландыш. Ему понравилось красоваться в важной вазе и радовать проходящих мимо придворных и стражников. – Теперь я понимаю, почему многие цветы так завидуют нам! Люди должны поставить в вазы все ландыши на свете – каждому понравилось бы это, если бы он только разок попробовал!

– Может быть, – мягко возразил принц. – Но только пусть они решают сами за себя. Кто-то готов пожертвовать жизнью ради счастья других, кто-то – нет. Первых нужно уважать за их выбор, вторых – нельзя винить за их, – и Творимир, сопровождаемый чудесным весенним ароматом, направился следом за Стируней в глубь дворца.

– Здравствуй, папа! – приветствовал короля принц, входя в тронный зал. – Ты звал меня?

– Да, – горестно вздохнул бедный король Растяпиус XXIV. Он сидел на самом краешке трона, такой расстроенный и растерянный, как будто был не королем в собственном дворце, посреди собственного королевства, а нищим музыкантом, забредшим сюда в поисках куска хлеба. И корона на его прекрасной, покрытой шелковистыми каштановыми волосами голове, несмотря на все свои жемчуга и самоцветы, смотрелась на удивление безрадостно. – Представляешь, снова куда-то запропастился этот дурацкий скипетр! А как раз сегодня утром я собирался принять посла от короля Медовика XIV!

– Бедный юноша! – всплеснула руками королева. – Он приехал вчера ночью, такой печальный, что даже не замечал собственной усталости и уснул прямо на ходу, не договорив и первой фразы! Слуги подхватили его, чтобы он не упал, и донесли до кровати...

– Что же он успел сказать? – взволновался принц.

– Только то, что он герольд и посол от короля Медовика, и еще что случилось большое несчастье – а потом уснул, бедняжка... – королева всплакнула и утерла глаза носовым платком.

– И представляешь, какая беда! – воскликнул король. – Теперь он уже проснулся, позавтракал, а я не могу принять его, потому что куда-то опять пропал мой золотой скипетр.

– Это действительно ужасно, – согласился принц, и король с королевой тут же закивали головами (при этом королеве пришлось поддержать корону на королевской голове, чтобы та не упала: Растяпиусу сейчас недосуг было заниматься такими мелочами). – Но почему бы тебе не принять посла просто в короне и горностаевой мантии? Вид у тебя при этом будет достаточно величественный, а если кто-нибудь спросит про скипетр... можно будет сказать, что его просто отдали в починку!

– Врать нехорошо, мой мальчик! – глубокомысленно заявил король. – Но делать нечего. Не можем же мы томить бедного посла до бесконечности! Придется последовать твоему совету хотя бы отчасти. – Тут он величественно встал с трона, поправил корону на гордой голове, чтобы она сидела, как влитая, и воскликнул, – подать мою королевскую горностаевую мантию!

Подскочившие в ту же секунду слуги подняли с трона лежавшую на нем мантию (именно она мешала Растяпиусу сидеть, из-за чего он и казался таким растерянным), развернули ее, и... вот чудеса! – из ее складок на мраморные плиты пола с гулким звоном выкатился королевский золотой скипетр.

На лицах всех присутствующих тут же зацвели улыбки:

– Смотри, сынок! – воскликнул король. – Это очередное подтверждение древней истины: если бесконечно печалиться об одних своих несчастьях, то ничего, кроме горя, не наживешь – но стоит задуматься и позаботиться о ком-нибудь другом, кому, может быть, еще хуже, чем тебе – и твои проблемы решатся сами собой, в одночасье!

Принц подхватил скипетр с пола и подал его отцу; Растяпиус же величаво уселся на трон и приказал:

– Мы готовы принять посла. Просите!

Суровые стражники тут же отворили просторные двери главного входа в тронный зал, и церемониймейстер, трижды стукнув в пол своим церемониальным посохом, возгласил:

– Граф Эклер Стремительный, барон Рахатной реки и ее Лукумных берегов, герольд, полномочный посол и племянник короля Вкуснландии Медовика XIV!

В двери тут же вбежал юноша, которому едва можно было дать пятнадцать лет, с длинными светлыми волосами и голубыми глазами; в правой руке он держал роскошную шляпу с оранжевым пером, а на боку у него висела изящная шпага. Видно было, что граф Эклер ужасно спешит – но все же он взял себя в руки и от входа в тронный зал почти до самого трона короля Растяпиуса (а это сто больших шагов, или сто тридцать семь с половиной маленьких) шел степенно, чтобы не уронить в грязь своего высокого статуса.

Остановившись на почтительном расстоянии, он куртуазно поклонился, при этом умудряясь так галантно махать шляпой с пером, что даже королева благосклонно покивала (а уж она-то знала толк в правилах этикета!).

– Мы рады приветствовать вас, граф Эклер, в нашем дворце, – величественно, но доброжелательно произнес король Растяпиус XXIV. – Что привело вас к нашему двору в этот прекрасный летний день?

– Ах, ваше величество! – горестно воскликнул граф, не в силах сдержать чувств. – Хотелось бы и мне считать этот день прекрасным, но, боюсь, новости, что я принес, заставят померкнуть все его краски...

– Говори же скорей, о бедный юноша! – не удержавшись, подбодрила его королева. Герольд благодарно посмотрел на нее и продолжил:

– У моего дяди, короля Медовика XIV Добрейшего, случилось несчастье! – произнес эти слова, граф едва удержался от рыданий. – Его любимая дочь, моя милая кузина Вишенка была похищена злой ведьмой Горчицей, и теперь томится в ее логове посреди Перечного болота...

Несколько секунд все молчали, пораженные сообщением герольда.

– Но почему же король Медовик не бросил на помощь Вишенке свои войска – знаменитых галетных щитоносцев, храбрых пращников драже и неудержимую леденцовую кавалерию?!

– О, он сразу же предпринял поход! – развеял сомнения Растяпиуса граф Эклер. – Но беда в том, что Перечное болото со всех сторон окружают Скулосводящие скалы – а их не может пересечь ни один житель Вкуснландии... И войскам пришлось отступить. Именно поэтому и я не смог помочь моей бедной кузине, хотя одним из первых бросился ей на выручку: стоило мне только ступить на отроги этих проклятых скал – как у меня немедленно свело скулы от жуткой кислотности, так что я не смог сделать дальше ни шагу! И сегодня уже целая неделя, как Вишенка томится в плену у Горчицы, которая, наверное, за всю жизнь не угостила ни одно живое существо чем-нибудь вкусеньким... Конечно же, король Медовик XIV обещает любому, кто спасет его дочь, ее руку (правда, при условии, что сама спасенная пожелает отдать этому же человеку свое сердце), ну и Хворостовые луга в придачу.

– Я немедленно отправляюсь на помощь принцессе Вишенке, – твердо сказал принц Творимир.

– Не позволю! – возмутилась королева. – Только после завтрака.

– Молодец, сынок! – улыбнулся король.

Принц тут же отправился в дворцовую кухню и наскоро перекусил прямо среди огромных котлов и необъятных кастрюль на гигантских плитах, после чего попрощался с отцом и матерью, отказался от предложения капитана Саблявзуба взять себе в помощь двух-трех самых отважных и отчаянных рубак-стражников и зашел сказать спасибо своим гостям-ландышам (те вовсю веселили придворных, распевая задорные песенки и благоухая своим ароматом так, что некоторые изысканные фрейлины даже падали в обморок от наслаждения).

Потом принц пришел в конюшню и быстро оседлал свою любимую гнедую лошадь Смешинку.

– Мы отправляемся на прогулку?! – радостно заржала она, увидев Творимира.

– К сожалению, нет, – мрачно ответил принц. – Едем выручать из беды принцессу Вишенку, дочь короля Медовика.

– Ну, наверное, нам предстоит много веселых приключений! – обрадовалась Смешинка.

– Хотел бы и я так думать, – задумчиво пробормотал принц, наполняя чересседельные сумки всякой немудрящей всячиной, которая могла понадобиться в таком походе, – вроде томика стихов, маленькой фигурки фарфоровой балерины и двенадцати разноцветных мелков.

3.

Солнышко только-только успело предупредить Стируню, что пора перевешивать белье с его лучей на веревку (так как иначе ровно в полдень все оно просто попадает вниз, ведь в полдень солнце стоит над самой головой, и лучи его упираются прямо в землю, как флагштоки), а принц Творимир уже выезжал из ворот дворца.

Весь день он скакал в сторону Вкуснландии – так быстро, как только могла Смешинка, а вечером остановился уже на самой границе. Принц разжег костер на опушке леса, поужинал творожными лепешками и заснул. Ночью, пока Смешинка то дремала, то тихонько паслась в сторонке, он видел тревожный сон...

Ему снилось, что бедная принцесса сидит одна-одинешенька в темном чулане, и только месяц протягивает ей свой тоненький лучик сквозь узенькую щелочку. А в это время коварная Горчица в соседней комнате варит в своем ведьминском котле какое-то злобное зелье...

Принц проснулся рано от пронзившей его утренней прохлады, быстро раздул угли костра, бережно сохранившие тепло, поджарил себе на завтрак два кукурузных початка и вскоре уже снова был в пути.

Стражники, охранявшие границу Вкуснландии, обрадовались такому гостю – все жители страны ужасно горевали из-за похищения принцессы – и тут же объяснили ему, как быстрее всего достичь Скулосводящих скал, или, как их еще называли, Оскоминных гор. Так что уже к вечеру Творимир подъехал к этому наводящему тоску месту.

Скалы были всего лишь чуть-чуть выше деревьев окружавшего их леса и больше всего напоминали гнилые обломанные зубы. От одного взгляда на них становилось так кисло на душе, что хотелось съесть карамельку и убраться отсюда подобру-поздорову...

Но принц уверенно поехал вперед, к ближайшему перевалу. Когда до него оставалось сто шагов, он спешился, чтобы лошади было легче идти. Когда оставалось всего шагов тридцать, Творимир уже всерьез боялся того, что его лицо навсегда останется жутко перекошенным, потому что ему никогда не удастся избавиться от отвратительного вкуса, которым наполнилось все вокруг.

Всего в десяти шагах от перевала он уже готов был развернуться и бежать назад без оглядки... но как раз в этот момент неожиданно весело заржала Смешинка!

– Ты чшево? – спросил у нее принц, непроизвольно жмуря один глаз.

– Да вот подумала: можно ли конягу с такой кислой миной на морде, как у меня, все еще называть Смешинкой? – улыбнулась верная лошадь всеми своими зубами сразу.

Принц тоже не смог удержаться от смеха, они легко перевалили через перевал и стремглав бросились вниз, к Перечным болотам.

– Тьфу, – сплюнула Смешинка, как только скалы остались позади. – Вот уж и правда оскомина, никак от этого привкуса не избавиться...

– Меня вот беспокоит, как мы будем выбираться отсюда вместе с Вишенкой, – озабоченно пробормотал принц, – она же жительница Вкуснландии и не сможет так легко, как мы, перебраться через эти скалы.

– Но ведь как-то же ведьма ее сюда перетащила? – глубокомысленно заметила лошадь. – Значит, она знает особое средство...

– Будем надеяться, – вздохнул принц, и они ступили на топкую поверхность Перечного болота.

Творимир все еще вел Смешинку в поводу. С каждым шагом у них все больше и больше свербело в носу, к тому же ужасно слезились глаза.

– Зажмурься, Смешинка, – попросил принц. – Лучше будет, если я один буду смотреть, а тебя поведу вслепую: у тебя ведь такие огромные чувствительные глаза...

Смешинка согласилась. Творимир пытался зажимать себе и лошади лицо носовыми платками, но, несмотря на это, вскоре все равно оба стали безудержно чихать. Особенно тяжело приходилось Смешинке – у лошадей такой большой нос, что чихание дается им с огромным трудом. Хорошо хоть, болото оказалось неглубоким и не таким уж топким, и к тому же совсем небольшим, так что вскоре путники вышли к большому грязному дому, выстроенному из почерневших бревен. Дом был окружен старым, завалившимся на бок забором, на кольях которого тут и там торчали вперемежку дырявые горшки и белые черепа животных и птиц – от огромного бычьего с толстыми рогами до маленьких ласточкиных.

Творимир хорошенько прочихался, выхватил шпагу и бросился внутрь ведьминога жилища.

Первые несколько мгновений он ничего не мог различить в сумраке, наполнявшем это темное логово, но зато сразу услышал мерзкий скрипучий голос:

– Эт-то што ашшо на моем болоте за невидаль?! Никак, пробрался-таки один принцессин избавитель, самый упорный, да самый глупый? Сгодится мне на ужин! А ну, слуги верные, хват-тайте-ка его, да кидайте в котел.

Принц тряхнул головой и наконец-то разглядел, как из разных углов на него набросились три ведьминых прислужника: уродливый гном с кочергой, василиск, больше всего похожий на огнедышащего петуха, и кикимора, зеленая, костлявая, с ядовитыми когтями.

Творимир легко увернулся от кочерги и встал как раз между василиском и кикиморой, подождал, пока те наберутся храбрости, чтоб напасть – и в самый последний момент отпрыгнул в сторону! Кикимора в мгновение ока сгорела в пепел, а петух весь позеленел от яда и так скукожился, словно превратился в маленькую костяную игрушку.

Гном, оставшийся в одиночестве против грозного принца, тут же бросил свою кочергу и хотел уже было юркнуть под лавку, да только Творимир схватил его за бороду, поднял и подвесил за шкуру на торчащий из стены крюк.

– Вот ты как с моими слугами обращаешься?! – завопила ведьма, стоявшая тут же в углу. Она была в черном платье, старая, горбатая, с длинным и тонким носом, на конце которого болталась огромная волосатая бородавка... брр! – что за страшилище.

Своими свинячьими глазками она злобно смотрела на принца и вдруг бросила в него щепотку какой-то пакости, что достала из своего рукава.

Творимир тут ощутил во рту жуткую горечь... но на сегодня ему уж было не привыкать!

– Побереги эти фокусы для вкуснландцев! – сплюнул принц. – И быстрее говори, где принцесса Вишенка, а не то засуну тебя в твой же котел! – и приставил острие шпаги к ее носу.

– А вот не засунешь! – взвизгнула Горчицца. Она перепугалась и вся как-то осунулась (видимо, ни одно из ее гнусных заклятий не могло больше подействовать на принца) – но от страха только еще больше злилась.

– Засуну, не сомневайся, – Творимир угрожающе приблизился к ней. – Где принцесса?

– Не скажу, не засунешь! – твердила свое ведьма.

– Засуну!

– Нет, не засунешь!!!

Тут принц не выдержал, бросил шпагу в ножны, схватил Горчиццу двумя руками и посадил в кипящий котел!

Ведьма вся сначала пожелтела, потом побелела, начала медленно тонуть... а потом вдруг – бабах! – и вылетела из котла прямо в печную трубу над ним.

Принц помотал головой, засунул ее в печь и посмотрел наверх – труба как труба, и непонятно, куда подевалась ведьма?..

– Эй ты, злюка с бородой! – принц подошел к висящему на крюке гному. – Если поможешь мне, обещаю тебя отпустить на все четыре стороны: только поклянешься, что не будешь больше никому пакостить.

– Помогу, помогу, – тут же запричитал гном, – как не помочь?

– Где принцесса Вишенка, знаешь?

– Знаю, как мне не знать? Она в чулане, среди других мышей...

– Каких мышей?! – удивился принц. – Что это ты тут плетешь?!

– Плету, как не плести, – печально вздохнул гном, – да только это так и есть: ведьма Горчицца всех девушек, которых похищала, превращала в мышей.

– А зачем?

– Скажу зачем, как не сказать? Чтоб они собирали для нее разные травки на болоте – самой ей больно в длинном носу перчило... Днем мышки травки собирают, на ночь Горчицца их в чулане запирает. Сейчас уж почти ночь, так они давно там!

Принц тут же бросился к низенькой двери, за которой действительно оказался чулан, и оттуда выбежали восемь мышек, и последняя из них, самая несчастная, была в маленькой короне – конечно же, это была принцесса Вишенка.

– А ну отвечай, как их назад превратить?! – накинулся на гнома Творимир.

– Отвечу, как не ответить, – завел свое гном. – Сушеный мышинный горошек надо съесть, его тут полно повешено: вон, например, на той веревке!

Принц тут же отыскал сушеную травку среди паутины и всякой другой мерзости, что была повешена у ведьмы на просушку, и дал попробовать одной из мышек – оп! – и мышка превратилась в красивую девушку!

– Спасибо тебе, милый юноша, – покраснела она, – что всех нас спас! Мы давно знали, что мышинный горошек может нас расколдовать, но только не могли до него дотянуться!

– Хорошо, тогда надо быстрее дать его всем остальным, – обрадовался принц.

– Нет, не надо... – грустно возразила девушка. – Погоди пока расколдовывать остальных – сначала надо узнать секрет того, как нам перебраться назад через Оскоминные горы.

– И точно! – воскликнул Творимир. – Ну, гном, помоги-ка в последний раз: расскажи, как ведьма этих девушек смогла через горы перевести?

– Расскажу, как не рассказать? – заметил гном. – У нее, у поганки, есть волшебная нюхательная соль. Кто той соли понюхает, тот потом целый день никакой кислоты чувствовать не будет. Да только всю эту соль она всегда при себе носит, в маленькой табакерке, чтоб никто от нее сбежать не смог! Так что теперь та табакерка – вместе с самой Горчицей – тью-тью!

– Как это – тью-тью? – удивился принц. – А ну, объясни.

– Объясню, как не объяснить, – терпеливо ответил гном. – Она сегодня варила особое зелье, почтовое: хотела своему брату, великану Гррррымзу, посылочку переправить. Почки там жабы, глаза рыбы сушеные, крылья нетопырей с чесноком, ну и другого что по вкусу... Кинула бы все это в котел – и оно бы прямо на стол к Гррррымзу и попало. А так как ведьма варево свое не доварила, то запустило ее почтовым зельем – один дьявол знает, куда! Может, на луну, а может, и в Тридесатое Королевство, до которого, как известно, не доехать, не дойти, не доплыть, не долететь, а только на хромой козе добраться, ежели задом наперед сесть...

– Вот так-так! Что ж теперь делать... – задумался принц.

– Я знаю, что делать, – запищала вдруг маленькая серая мышка с короной из скорлупы ореха-фундука на голове. Она подобралась поближе к принцу и залезла на скамеечку, чтобы тот мог ее слышать.

– Вы принцесса Вишенка? – спросил принц.

– Да, это я. А ты кто? – пропищала мышка.

Творимир галантно поклонился и ответил:

– Я принц Творимир, наследник короля Растяпиуса XXIV. Располагайте мной, как вам будет угодно, ваше высочество!

– Я придумала, что нам сделать, – повторила Вишенка. – Всех других девушек ты расколдуешь, и они останутся здесь, ждать нашего возвращения и охранять гнома. Кстати, гном, тебя как-нибудь зовут, или так и кличут – просто гном?

– Зовут, как не звать? – застенчиво пробормотал в бороду гном – ведьма никогда не интересовалась его именем. – Черноуголь я, уж четвертый век как.

– Ну так вот, гном Черноуголь и семь девушек останутся тут, нас поджидать, а мы с тобой, принц Творимир, отправимся вслед за колдуньей в Тридесатое Королевство и отберем у нее волшебную нюхательную соль. А как вернемся – тут всех и спасем!

– Вы хорошо придумали, принцесса Вишенка, да только как могу я так рисковать? А вдруг с вами что-нибудь случится? Я, конечно, не пожалею жизни, защищая вас, но если там – незнамо где? – нас поджидают враги, и врагов окажется слишком много? И вы достанетесь им на растерзание?!

– Поэтому я и решила, чтоб не быть тебе, принц Творимир, обузой, пока назад в девушку не превращаться! – радостно пропищала мышка и даже обернулась от восторга вокруг себя. – Мы возьмем с собой сушеного мышиноного горошка на всякий случай – чтобы, если что, я всегда могла самой собой стать. Но до поры до времени буду сидеть у тебя за пазухой, тихо, как мышка. А это будет легко, потому что я и есть мышка! И толку от меня будет больше, если что-то выведать понадобится, и вреда никакого!

– Вы все прекрасно придумали, принцесса Вишенка! – радостно воскликнул принц. – Но все же я не могу согласиться с вами: вы слишком дороги своему отцу и всей Вкуснландии, чтобы пускаться в такое опасное приключение.

– Я потому и дорога всей Вкуснландии, что она дорога мне! – немного рассердилась мышка-принцесса. – И я отвечаю за своих подданных – этих несчастных пленниц – и перед их родителями, и должна сделать все, чтобы они вернулись домой живыми и здоровыми!

– Ну что ж, милая принцесса Вишенка, – восхитился принц самоотверженности коронованной мышки, – будь по-вашему!

Так они и сделали: для начала расколдовали всех пленных девушек, кроме принцессы, потом Творимир вышел наружу, чтобы поговорить со Смешинкой. Он рассказал ей все, что произошло в логове ведьмы, и попросил ее отправиться к обоим королям по очереди – сначала к Медовику, а потом к Растяпиусу – и поведать им радостную весть: совсем скоро их дети вернутся домой! Лошадь согласилась, только решила подождать до утра – отдохнуть перед дальней дорогой...

Потом Творимир снял с крюка Черноугля, предварительно взяв с него слово больше не безобразничать. («Слово-то? Даю, как не дать?..» – виновато бормотал гном.)

Наконец, как они и договаривались, принц посадил Вишенку к себе за пазуху, перекинул через плечо чересседельные сумки с едой и всякой всячиной, спрятал, надежно завернув в тряпицу, в карман штанов сушеный мышинный горошек – и плюхнулся в кипящий котел!

Он вдруг весь мигом пожелтел, потом побелел, начал медленно тонуть, и – трах-бабах! – вылетел в трубу!

ИНТЕРЛЮДИЯ ВТОРАЯ

Тусклая желтая лампа без абажура свисала на длинном проводе с высокого потолка. Мрачные зеленые стены были уставлены стеллажами с пухлыми папками. Следователь Сергей Иванов сидел за столом и уверенно строчил шариковой ручкой на пожелтевших от времени страницах толстенной амбарной книги.

Дверь в кабинет бесшумно отворилась, и без стука вошел следователь Иван Сергеев.

– А, это ты, Ваня? – поднял голову Сергей Иванов и облегченно откинулся на спинку стула. Синяя шариковая ручка выпала из натруженных пальцев, и он с наслаждением и хрустом разминал их.

– Да, Серег, это я. Ну, как дела? – Иван Сергеев подошел к креслу в углу и плюхнулся на него. – Слышал, опять тебе подбросили какую-то паранормальщину?

– Да не говори, достали совсем с этими отчетами... – следователь Иванов махнул рукой на амбарную книгу.

– Чё там было-то? – развязно спросил следователь Сергеев.

– Какая-то муть, как всегда, – скривился следователь Иванов. – На 2-й Советской, в доме № 3, в коммуналке 48, вдруг, по показаниям свидетельницы... – он заглянул в амбарную книгу, полистал ее, – по показаниям свидетельницы Хрукомчук, «вдруг, откуда ни возьмись, появилась старая уродливая бабка с длинным носом с бородавкой и навела на меня и мою соседку Звенькину порчу, так что у нас скисло молоко и протухли яйца в холодильнике, сегодняшние».

– Шекспир! – рассмеялся следователь Сергеев. – Узнаю руку мастера! – Следователь Иванов, криво усмехнувшись, бросил на него быстрый взгляд и покивал головой.

– Ты слушай дальше! – продолжал следователь Иванов. – «Потом бабка прокралась в унитазную и там сгинула. После чего, так же откуда ни возьмись, в нашей квартире появился симпатичный...» – следователь Иванов запнулся, переворачивая страницу, – так, ага, «...симпатичный молодой человек в синих штанах и белой рубашке, с саблей!...»

– И с усами, как у Буденного! – захохотал следователь Сергеев.

– Ни фиги! «Совсем молодой и безусенький! Он вежливо поздоровался со мной и с соседкой Звенькиной, посетовал на наше молоко и яйца, и, поклонившись в пояс, вдруг в центре кухни появился шар сияющий, в котором исчез!»

– Чистый роман, – резюмировал следователь Сергеев.

– Любовно-авантюрный! – поддержал резюме следователь Иванов. – Жизненная драма с элементами параноидального бреда. Мне в этой галиматье до будущего года разбираться...

– Алкаши живут?

– Да нет, в том-то и дело... – оба одновременно закурили. – Бабки эти – Хрукомчук и Звенькина – тупые, конечно, но на учете нигде не состоят, да и вообще, им такое в жизни не придумать. А главное – в центре кухни выжженный круг, где приборы показывают черт знает что. А в «унитазной», и еще в коридоре – где это «откуда ни возьмись» было – действительно в момент тухнут яйца и киснет молоко! Мы восемь экспериментов проводили с этим молоком. Свежайшее, только из магазина, наливаешь в кружку на лестнице, пробуешь – нормальное. Стоит войти в квартиру – сворачивается и воняет! Мы даже очертили точный круг аномальной зоны в коридоре. Диаметр 76 сантиметров...

– Да, подбросил тебе полковник к Новому году подарочек... Теперь замордуют наездами – что, да когда... – посочувствовал коллеге следователь Сергеев.

– Мне одних отчетов сто пятьдесят штук переписывать! – скривился следователь Иванов. Помолчал немного и добавил, – да насочиняю что-нибудь про израильскую разведку...

– Ну а что там реально-то было? Ты хоть что-нибудь понимаешь? – спросил следователь Сергеев.

– Ни боже мой, – выдохнул дым следователь Иванов.

– Что ж, удачи! Работай... – следователь Иван Сергеев многозначительно покивал головой, затушил в пепельнице сигарету, пожал руку следователю Сергею Иванову и бесшумно покинул кабинет.

Следователь Сергей Иванов вновь взял в руку шариковую ручку и склонился над амбарной книгой.

ПРЕЛЮДИЯ В СВЕТЕ ДНЯ

1.

Ветер устал трепать штандарты на копьях, и те повисли в бессилии; простор, казалось, не имел пределов. Границы вселенной затерялись в сумерках.

– Дыхание мира, Рониен, – произнес архимаг Илукар – так, чтобы его мог слышать один только принц, что стоял рядом. – Древнее зла, древнее добра, древнее самой древности. Чувствуешь? Рядом с ним воинство тьмы не кажется столь уж неодолимым.

– Да, магистр. Этот ветер... Хорошо, что ты уговорил меня подняться так рано.

– Это еще не все. Ты только что почувствовал, как не вечно зло. Но надо сделать следующий шаг. Посмотри вон туда, на холмы Утайте, – принц проследил за рукой архимага. Холодная и темная в предрассветной мгле, гряда навевала тоску; отчаяние. По сравнению с этой

извечной мощью, безразличной ко всему, их борьба казалась бессмысленной. «Ваши победы преходящи, а усилия тщетны», – говорили холмы.

– Не понимаю.

– Имей терпение.

Минуты текли медленно, как густой мед. Каждый звук – всхрип лошади, глухое звяканье сбруи – разносился далеко вокруг в полнейшем безветрии. Всадники-телохранители поодаль, то и дело ежась от холода, неуверенно перешептывались в ожидании принца и архимага. Но эти двое застыли в неподвижности на краю обрыва, под которым раскинулась Гиайская долина – долина, где через несколько часов стольким жизням суждено будет оборваться.

Вдруг на вершине двух самых высоких холмов словно занялся пожар – первый луч солнца озарил гряду Утайте. Улыбка одновременно тронула лица двух старых друзей: учителя и его ученика.

– Теперь ты видишь.

– Вижу, магистр.

Принц молчал еще несколько секунд, любясь на рождение дня; дня, который не поддавался отчаянию, раз за разом вырываясь из бездны, хотя и знал, что ему суждено вновь рухнуть в нее. Он отер лицо ладонью, омытой солнечным светом, и тоска оставила его сердце; искры зари танцевали на дне его серых глаз.

Вдруг громким и ясным голосом принц позвал одного из своих генералов:

– Герцог Орейн!

Всадник, услышав зов, выслал коня и приблизился к двум вершителям человеческих судеб.

– Да, сир!

– Стройте войска. Мы принимаем бой.

Герцог Орейн, гордый и стройный, развернул коня и пустил его с места в карьер, знаком руки позвав следом за собой своих оруженосцев.

Туман отступал все дальше, открывая взору новые и новые фарлонги долины Гиайс. Наконец стал виден ее противоположный край: пожелтевшие осенние травы, серые вкрапления скал – и перерезающая их угольно-черная полоса.

– Войска некроманта приближаются, – напомнил Илукар.

Рониен коротко кивнул и направился к группе ожидающих их всадников. Он вскочил на своего коня и отдал приказ наместнику Седьмого Высокого Дома:

– Тибуд! Выводи сюда свои катапульты; баллисты – на следующую террасу, вон там, уровнем ниже.

– Да, сир! – воскликнул толстяк на мохнатом тяжеловозе – ни одна другая просто не выдержала бы этого рыцаря в его тяжелых доспехах.

Ангат – игреневый конь принца – радостно взмахнул белой, белее снега, гривой и заржал, предчувствуя скачку, когда Рониен дал ему шенкеля. Встречный ветер играл длинными темными волосами принца, расплескивая их по летящему за его плечами зеленому плащу.

Через пять минут они были в лагере, уже просыпавшемся, как большой веселый великан, и все вокруг было заполнено звуками утренней суеты: ржали кони, звенело железо, тут и там слышались выкрики, приказы и смех.

Стройный юноша с тонкой русой косичкой с правой стороны лица принял повод из рук принца.

– Надень на Ангата его боевой доспех, Рик, – приказал он своему оруженосцу. Рик склонил голову и повел коня к коновязи.

Сам архимаг помогал принцу облачаться для битвы. Поверх нижней льняной рубахи – тонкая кольчуга из мельчайших стальных колец, способная защитить от стрелы или копья; на кольчугу – шитый золотыми нитями зеленый кафтан, подпоясанный тяжелым кожаным ремнем, затем плотная стеганка и, наконец, – надежные толстые латы, пригнанные так точно, что почти не сковывали движений.

И пока затягивались ремешки наручей и поножей, Рониен в который раз обсуждал с Илукаром то, что тревожило его.

– Так ты уверен, что некромант не воспользуется атакующими заклинаниями?

– Да, я уверен – насколько может быть уверен верховный маг Аниара. Я и мои братья превосходим врага и его приспешников в знании сил воды и воздуха и ни в чем не уступаем им в магии земли и огня. Первым напасть он не решится, зная то же, что сейчас сказал тебе я: его помыслы будут лишь о том, как защититься от смертоносного града или огненных ос. Но если мы обрушим на него свою мощь и сомнем хранящие его войско оболочки – вот тогда враг может ударить...

– А как насчет темных заклятий смерти?

– Черная магия некроманта – лишь извращенный элемент магии земли; а стихия земли – самая медленная из всех четырех стихий. Она не годится для скоротечной битвы. Враг может наслать чуму и язвы, как это было во всех западных провинциях, может высосать дух и храбрость из воинов моровым поветрием – но на это ему потребуются недели и месяцы! И то только в том случае, если я буду бездействовать... Нет, принц, сегодня ты можешь не опасаться магических атак некроманта.

– Ну что ж, тем лучше, – и в голосе Рониена появилась уверенность человека, принявшего окончательное решение. – Тогда пусть исход боя решится силой оружия – и только! Ни ты, ни твои братья не должны использовать магию иначе как для защиты, лечения или поддержания боевого духа воинов. Во всяком случае, до моего следующего приказа. Мечи, топоры и копья приведут нас к победе! А шепот знающих губ и ритмичный стук посохов оставим для праздника в ее честь: нам понадобится твое мастерство для фейерверков и веселых иллюзий.

Илукар улыбнулся в густую белую бороду:

– Хорошо, мой принц!

«Сегодня все решится, – подумал он. – Теперь я наконец ясно вижу это. Если ты и станешь королем, то не в день своей коронации, а сегодня: в день своей величайшей победы или самого сокрушительного поражения...»

Когда они вышли из шатра, и принц в тяжелых доспехах сел на коня, к нему приблизились его военачальники.

– Войска строятся, сир! – сказал герцог Орейн, и слова его прозвучали странно громко во внезапно затихшем лагере: он был уже почти пуст, лишь несколько запоздавших воинов спешно готовились к битве.

– Все так, как я приказывал?

Герцог кивнул:

– Две линии пехоты, легкая конница на флангах – и тяжелая кавалерия позади в центре.

– Принять удар, заставить противника увязнуть, потом окружить и – сломить лавиной тяжелых конников, – принц с сомнением покачал головой. – Самый простой и самый испытанный способ разгромить врага.

– И самый надежный! – уверенно добавил герцог.

– Так-то оно так, но что-то я не помню, чтоб в старые времена королевским гвардейцам приходилось противостоять армии зомби...

– Катапульты и баллисты на своих местах, – перебил принца наместник Тибуд.

– Прекрасно! – Рониен обрадовался этой новости. Никто не заметил, как расстроило это архимага: «Как все-таки он еще молод, раз полагается на эти игрушки...» – подумал Илукар.

– Позовите мне капитана Маурика, – приказал принц одному из адъютантов. – И еще одно. Разведчики вернулись?

– Конечно, сир, – тихо прозвучал голос, и всем пришлось повернуться, чтобы увидеть говорившего – Лиинтаа, как всегда, нашел такое место, чтобы оказаться за спиной у каждого. Он говорил небрежно, чуть растягивая слова, и это выдавало его принадлежность к жителям западных предгорий. – Как и предсказывал магистр Илукар: тысячи оживших мертвецов. Идут быстро и ровно, глаза пусты так же, как их души, а мертвые руки сжимают мечи, топоры и копья... Вокруг этого полчища – сотни волков, и на каждом – по три-четыре фрайта. Маленькие бестии совершенно ошалели в предчувствии схватки и даже дерутся друг с другом. Несколько волков погнались за моими разведчиками.

– Как я понимаю, с их стороны это было ошибкой.

– Непростительной, сир... – поклонился Лиинтаа.

– Твои егеря готовы?

– В любой момент по первому вашему приказу.

– Ты и твои люди – мой единственный резерв. Вы вступите в бой, если другой надежды уже не будет, – улыбка озарила суровое лицо принца; это было так неожиданно. – Или если нам улыбнется удача и нужно будет изловить эту жалкую крысу – Ниграша!

Все, кто стоял рядом с принцем, вздрогнули при упоминании имени врага. «Ниграш... Ниграш...» – слышался эхом злобный шепот, и каждому захотелось оглянуться... Но уже через мгновение наваждение спало, и люди поняли, что не магия некроманта была его причиной, а их собственный страх. Все последние годы не смели они произнести вслух это слово, единственное слово из всех существующих в мире, боясь привлечь к себе внимание зла. Но вот морок исчез, и давящее предчувствие страданий и гибели ушло! Люди поняли, что теперь, когда они повернулись лицом к своему страху, бояться больше нечего.

Так передал им Рониен то, что сам впервые почувствовал в тот день, увидев первый луч рассвета.

– Орейн, как только пехота ввяжется в бой, ваша легкая конница должна начать окружение. Не стремитесь зайти им в тыл – главное держите фланги, сдавливайте их с двух сторон, не давайте растекаться. У вас – левое крыло?

– Да, сир. На правом – мой племянник Деон, я передам ему ваш приказ.

Герцог Орейн отправился исполнять приказания принца; Лиинтаа исчез... наверное, пошел к своим егерям.

– Тибуд! – обратился принц к наместнику. – Возвращайся на свои позиции и не жди больше никаких приказов. Как только первый враг окажется ближе четырех фарлонгов – запускай свои камни!

– У меня припасено кое-что получше камней! – усмехнулся наместник.

– Не сомневаюсь, Тибуд. Удачи тебе!

Тот удалился с поклоном.

– И тебе удачи, мой мальчик, – попрощался Илукар.

– Уже?.. – голос принца выдал волнение; он знал, что ему придется расстаться со своим советником и советчиком, и не боялся сам принимать решения, но все же... остаться совсем без помощи и рассчитывать только на себя, когда от каждого твоего слова может зависеть больше, чем жизнь...

– Мои братья уже сложили круг из камней, курительницы возожжены, и пентаграммы начертаны. Если я почувствую воздействие черных заклятий, то дам тебе знак, – Илукар склонил голову и неспешно направился к холму, на котором маги разбили свой лагерь.

Оруженосец принца вскочил на коня: в более легких доспехах, чем его синьор, он готов будет оказать помощь в битве.

– За мной, Рик! – Рониен направил Ангата рысью в сторону строящегося клина тяжелых конников и скоро стал во главе их.

Усатый пехотинец с длинным мечом, глаз которого не было видно из-под шлема, обратился к принцу:

– Вы звали меня, сир?

– Капитан Маурик, – на сей раз Рониен не улыбнулся – так велико было волнение. – Сегодня вам выпала самая тяжелая работа.

– Как всегда, мой принц! – усмехнулся капитан, и его тяжелый панцирь глухо стукнулся о щит. – Тяжелую работу получает пехота.

– Вы стоите во второй линии?

– Все сделано в точности так, как обговаривалось на совете, сир. Две линии, и я в центре второй: если что, ваш гонец легко найдет меня рядом со знаменосцем. По сигналу трубы мы откроем проход.

– Выстоят ли твои люди?

– Столько, сколько понадобится, сир. Таких отчаянных рубак, как в этом походе, я еще никогда не встречал. Ни одному из моих парней и в голову не придет праздновать труса – а это самое главное, вы уж поверьте. Простоим хоть до следующей зари.

– Вам не придется ждать так долго. Орейн должен будет разогнать волков и фрайтов, потом сдвинуть зомби в кучу – и тогда ударю я. Не думаю, что это займет больше, чем полчаса.

– Полчаса? – хмыкнул Маурик. – Боюсь, мы не успеем даже разогреться. Вряд ли вторая линия вообще вступит в дело!

– Хотел бы я согласиться с вами, капитан... Но на этот раз нам противостоит не простой враг. Ни напугать и обратить в бегство, ни даже вымотать его не удастся, ведь зомби не знают усталости.

– Не беспокойтесь, сир. Что касается моих парней – они не подведут вас.

Принц махнул рукой, и капитан ушел.

Все, что можно было сделать, было сделано. Оставалось ждать.

С поднятым забралом Рониен въехал на небольшое возвышение. Воинство тьмы приближалось, окруженное облаком пыли, поднятой шагами бесчисленных ног. Беспощадные, бесстрастные и бесконечно послушные своему господину мертвецы. Они пройдут по всем городам свободного мира, не оставив позади ничего живого. Если их не остановить.

Чтобы вдохнуть подобие жизни в своих слуг, некроманту нужно проводить долгий и сложный ритуал; но каждый такой ритуал может поднять сразу несколько тысяч мертвецов. Гниющие трупы селян и солдат, убитых в последние несколько месяцев, выкопанные из могил трухлявые скелеты, утопленники со дна морей и рек, мумии из древних курганов – они будут идти и убивать, подчиняясь безмолвной воле своего хозяина, пока не уничтожится связь злого духа с когда-то жившим телом. Безмозглые, сильные, но медлительные и неуклюжие, стройматериал будущей победы некроманта.

Но есть в армии Ниграша и более опасные враги: несчастные, умерщвленные прямо во время черного ритуала. Эти слуги некроманта получают всю мощь зомби и не имеют их слабостей: нечеловечески сильные, бесстрашные, нечувствительные к боли, они наделены разумом, ловки и подвижны. Черный легион, гвардия Ниграша – гроза и ужас всех свободных земель.

Есть две возможности уничтожить зомби. Первый и самый надежный – прикосновение Света. Заклятие экзорцизма или аура благой земли изгонят злого духа и оставят на мертвой плоти свою печать – после этого никакая магия не сможет вновь «оживить» ее.

Но есть и второй способ: разорвать связь злого духа с телом, в которое он входит. Если от составшего мертвеца отделить руку или голову – связь ослабеет, если разрубить его пополам – исчезнет. Конечно, некромант сможет потом оживить каждую из этих частей в отдельности, но чем меньше останется от когда-то живого тела, тем слабее будет слуга...

3.

Принц уже мог различить отдельные неповоротливые фигуры в общей черноте надвигающейся волны тьмы.

Дранные кольчуги, копья с полуистлевшими древками, огромные ржавые топоры и безглазые черепа под дырявыми шлемами.

«Вот сейчас», – подумал принц, и в тот же миг первое ядро размером с голову буйвола рухнуло в толпу мертвецов, прокатилось по земле несколько фатомов, разметав в прах шестерых скелетов. После этого снаряды посыпались один за одним: огромные булыжники, мелкая шрапнель, кожаные бурдюки, наполненные зажигательной смесью, копья баллист, что пригвозждали к земле двух-трех мертвецов разом.

Бездушных слуг некроманта раздирало на куски, они горели, но ничто не могло задерживать движение орды, и на смену уничтоженным сотням без страха вставали тысячи.

Рониен поймал себя на том, что рука его непроизвольно сжимается, словно удерживая тугой лук, и в очередной раз проклял в мыслях черное искусство некроманта: стрелы практически не могли повредить его слугам.

А потом, ни на миг не ускоряя и не замедляя свой шаг, как бесстрастно надвигающаяся тень ночи, прилив тьмы врезался в стройные ряды пехоты – и разбился о них. Тяжкий нестройный гул поступи черного воинства взорвался криками, звоном и треском.

Двуручный меч, палаш, секира на длинном древке, сбалансированный топор, тяжелая булава – все, чем можно крушить и рубить на части – в руках выдавших виды солдат. Неуклюжие, мешающие друг другу зомби падали, как колосья под острой косой. Но они совершенно бесстрашны, им не жаль собственных отрубленных рук и снесенных голов – и вот то одного, то другого гвардейца достает случайное копьё или жадная костлявая рука. И мешается строй, а в свалке мертвецы почти неуязвимы: в бою живых людей исход решал бы вытащенный из-за голенища нож, но тут он бесполезен.

Изнаненные, изломанные, погребенные под грудой мертвых и дважды мертвых тел, пехотинцы выходят из боя – кто лишился чувств, кто убит, кто притворился убитым.

И стоящие за ними не могли сдержать трепет, и дрогнули, и отступили.

– Первая линия пехоты влилась во вторую, сир! Они не смогли сдержать натиск! – еще издали кричал принцу гонец от Маурика.

– Вижу, – спокойно – не время вызывать волнение – отвечал Рониен. – Пусть первая линия встанет позади второй и перегруппируется.

«Это даст им возможность прийти в себя и устыдиться собственного страха, – подумал принц. – Держаться, пехота должна держаться – в этом наше спасение. Орейн и Деон уже окружают врага, им надо еще немного времени...»

4.

Два крыла легкой конницы ринулись в бой одновременно – как только двуручная секира в руках портного по имени Грут рассекла пополам первого зомби в рукопашном бою. Кавалеристы, вооруженные легкими изогнутыми мечами, без труда стогнали зомби в кучу, «подрезая» слишком выступающие углы вражеского воинства.

Им пытались помешать оседлавшие волков фрайты. Эти мерзкие создания живут в болотистых южных лесах, и Ниграш заключил с ними союз, пообещав сколько угодно еды и ковкого железа. Каждый фрайт ростом едва ли достигает взрослому человеку до середины бедра – но эти твари очень подвижны и злы, у них острые зубы и когти, в которых они любят сжимать короткие зазубренные копья и кривые отравленные кинжалы.

Как только волк приближался к коннику, фрайты перепрыгивали на лошадь и вскарабкались по спине всадника, чтобы перерезать или перекусить ему горло. Прекрасная тактика для борьбы с одинокими путниками и небольшими группами, охраняющими караваны... но совершенно бесполезная против конной лавины! Шедшие в бой бок к боку лошади не страшились запаха волка – и злобные черные звери с горящими, как уголья, глазами разметывались в прах их копытами, а верткие мечи всадников не оставляли шанса тем, кому удавалось увернуться от копыт. И еще до того, как отступила первая линия гвардейцев, фрайты были разбиты и рассеяны по долине.

А зомби шли вперед, не обращая внимания ни на что и ни на кого, все так же не замедляя и не ускоряя шага... Капитан Маурик не стал ждать, пока эта гнетущая своей размеренностью волна смоем его людей с лица земли – он отбросил в сторону свой тяжелый щит, взял свой меч в обе руки и первым бросился на врага. Солдаты слышали его клич и, воодушевленные, последовали за своим командиром, вторя ему:

– За Рониена! За победу! За Аниар!..

Принц, стоя на своем возвышении, слышал их слова; и то, что его имя в такой час стало рядом с именем его родины, как когда-то имя его отца Гедара, не вызвало в нем гордости, как случилось бы раньше. Он почувствовал, что этот клич – высшая магия – связал его с его землей сильнее, чем связывали кровные узы престолонаследия, и теперь горе и радость его страны и его людей – это горе и радость его тела и его духа.

– За Аниар... – прошептал принц.

– Вы что-то приказали, сир? – спросил его Рик – он ждал его слов, как всегда, чуть позади по правую руку; и Рониен понял, что действительно отдал приказ.

– Да, Рик. Гонца к Маурику – пусть открывает проход. Время пришло.

Не глядя на паренька лет четырнадцати, бегущего со всех ног в сторону качающегося знамени посреди пехотных линий, принц съехал с возвышения и встал во главе своего войска.

– Приготовьтесь, мои всадники! – воскликнул он. – Благородные воины Аниара, владетельные эрлы и таны великой земли! Мы идем в бой за заслуженной нами победой – и она уже близко, вот здесь! – тут принц выхватил из ножен прямой обоюдоострый меч, уставил его в небо, и солнце заиграло на самом кончике клинка. – Вот здесь – на острие наших мечей! Осталось лишь дотянуться до нее! Вперед!

– За победу!.. – слышал он, как в бреду. – За Аниар! – принц опустил забрало и прищиприл коня. – За Рониена!

«Да, – подумал он. – Теперь это действительно мое имя».

Маурик не обманул: даже в горячке боя он услышал приказ – и передал его по цепочке. И проход был открыт: пехотинцы отбегали в сторону, открывая дорогу тяжелой коннице.

Рыцари шли вперед тупым клином, сначала медленно, но постепенно набирая ход, и любой враг, увидев перед собой приближение неизбежной смерти, дрогнул бы и отступил – но не этот...

Все быстрее и быстрее неслись закованные в броню кони, и Рониен на самом острие клина первым взмахнул мечом: сзади – через низ – и вперед – разрубив от плеча до пояса огромного, закованного в помятые латы ожившего мертвеца.

Тяжелые копыта, покрытые шипами латы коней – это было главное оружие, на которое рассчитывал принц. Конная лавина прорезала армию зомби насквозь, как раскаленный нож режет масло – и вышла с другой стороны.

Окруженные со всех сторон (впереди пехота Маурика, на флангах – легкая конница Орейна и Деона, позади – тяжелая конница самого принца, которая уже разворачивалась для следующего прорыва), да еще и разделенные надвое, не-мертвые враги из грозной силы мгновенно превратились в то, чем были до черного ритуала некроманта. Гниющее мясо и старые

кости – всего лишь чучела для воинов, которым нужно попрактиковаться во владении оружием.

Даже острый ум повелителя мертвых не мог изобрести ничего, чтобы изменить положение – ни чтобы напасть во все стороны сразу, ни чтобы прорвать оборону в одном, самом слабом месте, у армии Ниграша уже не было сил.

Рониен видел на дальнем конце долины еще одну жуткую тень – Черный легион, гвардия некроманта. Наверняка сам Ниграш – именно там, в окружении своих верных телохранителей. Он не решится бросить их в бой, ведь тогда не останется никого, кто встал бы на его защиту...

Рониен пристально смотрел вдаль, раздумывая над тем, как добраться до некроманта, потеряв как можно меньше людей... и сначала подумал, что уставшие от напряжения глаза подводят его.

Но нет – это действительно собирался в одно сумрачное облако дым от курительниц внутри черного круга. Постепенно облако обретало форму... и вот уже призрачный дракон длиною в фарлонг, изрыгая жгущий пепел, несется прямо на принца и его армию...

Но с неба камнем падает гигантская огненная птица – и черный червь припилен к земле острыми когтями пламенного феникса. Отрывая друг от друга куски иллюзорной плоти, дерутся два давних врага, две мистические фурии, и вот уже дракон слабеет под ударами изогнутого клюва.

– Прекрасно, Илукар, я знал, что на тебя и твоих братьев можно положиться... – бормочет принц.

– Все готово для второго прорыва, сир! – с радостными словами приблизился к Рониену его оруженосец.

– Сто всадников ко мне! – приказал принц. – Остальные – заканчивайте с этим гнилым сбродом. А ты, Рик – немедленно найди мне Лиинтаа!

– Это будет несложно, сир, – рассмеялся оруженосец. – Вон там, в стороне – видите, как колышутся травы? Я различаю там всплески серых плащей. По-моему, егеря собираются нанести неожиданный удар по гвардии Ниграша.

– Вовремя, – улыбнулся Рониен. – Ну что ж, тогда ты просто пойдешь вместе со мной. Отвлечем некроманта от главного удара. Нападем сейчас – и он не успеет уйти. Лиинтаа не даст ему скрыться.

Меньше чем через минуту принц во главе сотни лучших своих тяжелых рыцарей скакал в сторону неприятельского лагеря.

– По-моему, это весь Черный легион! – изумился Рик. – Их не меньше полутора тысяч!

«Значит Ниграш очень не хочет, чтобы ему помешали, – думал Рониен, и мысли его текли ровно, несмотря на дикую скачку. – Либо опять готовит какую-то магическую пакость, либо просто бежит со всех ног, бросив свою армию задержать нас, сколько будет возможно. Но серые плащи егерей намного опередили мою сотню и уже зашли во фланг не-мертвым гвардейцам. О них-то он и не подозревает. Лиинтаа не даст ему уйти».

Линия врагов приближалась, и принц вновь занес меч, готовый разрубить пополам ближайшего зомби: сзади – через низ – и вперед!.. Но меч даже не задел латника с тяжелым двуручным мечом. Тот рухнул на землю сам, недвижимый и по-настоящему мертвый, вместе со всей остальной армией оживших трупов.

– Победа! Некромант мертв, и все его слуги тут же пали! – воскликнул Рик. – Ура Лиинтаа!

– Будем надеяться, что ты прав... – пробормотал принц. – Вперед, вон черный круг Ниграша. Кстати, по-моему, я вижу там егерей...

Следопыт сидел на одном из камней черного круга и отчищал от крови кинжал.

– Откуда это? – с надеждой спросил принц.

– У некроманта было несколько живых слуг и магов-подмастерьев. Они очень не хотели сдаваться в плен, – предводитель лесовиков, как всегда, был спокоен и чуть растягивал слова.

– Ниграш?

– К сожалению, его уже не было в лагере, когда мы здесь оказались. Но он не мог бежать: мои люди никого бы не пропустили. Даже под пологом невидимости ему не скрыться от острых глаз егерей.

– Вряд ли он бежал: тогда его слуги продолжали бы бой. Скорее всего, он все-таки мертв, – заключил принц.

– Я бы согласился с вами, сир, но одно обстоятельство... Пойдемте, – и Лиинтаа, засунув в кожаные ножны очищенный от крови кинжал, поднялся с черного камня...

5.

Илукар внимательно смотрел на черно-фиолетовый эллипс, больше всего напоминавший живой драгоценный камень.

– Вне всякого сомнения, это магический коридор. Скорее всего, он ведет в невидимый мир, а может быть – еще дальше... Один из моих братьев, Диокар, лучше разбирается в таких вещах. Надо позвать его.

– Что ж, позови, – принц был расстроен. Победа, которую он уже держал в своих руках, вдруг ускользнула. Но только как и куда?

Рониен и Илукар стояли внутри шатра Ниграша, и принц с отвращением перебирал вещи и магические приспособления некроманта, пытаясь найти в них какой-то ключ.

Вскоре молодой маг с черной бородой, прикрывавшей шею, вошел в шатер.

– Клянусь единственным глазом Витана! – тут же воскликнул он. – Магический коридор, и испепелите меня на месте, если я когда-либо видел подобный!

– Что же в нем странного? – спросил принц.

– Даже вам, хотя вы не видите много того, что вижу я, должно быть понятно! – восхищался Диокар. – Посмотрите на цвет, на его глубину... Глубина цвета магического коридора – вернейший показатель глубины самого коридора. Такого глубоко я не видел никогда! Как только Ниграш решил открыть его?

– Куда он ведет, и что все это значит?

– Мне потребуется время... – ответил Диокар, и время было ему дано.

В следующий раз они встретились все втроем тем же вечером, в шатре принца.

Войска праздновали победу, повсюду царили веселье и смех, и лишь принц Рониен, да несколько магов были странно мрачны. Казалось, разгром Ниграша и освобождение Аниара от тени не принесли им желанного облегчения.

– Я узнал многое, и все это очень странно, сир, – говорил Диокар. – Как мне удалось понять, Ниграш вовсе не собирался бежать в другой мир при помощи своего коридора. Скорее всего, он лишь хотел отступить в свой черный замок Нигтхед, под защиту проклятых стен. Но что-то, что выше его – и моего – понимания, создало коридор намного более глубокий, чем он рассчитывал. Покидая этот мир, Ниграш понимал, что отступает значительно дальше, чем хотел – но у него уже не было времени на сомнения. Мое знание магических коридоров, законов их открытия и закрытия, а также сосуществования различных миров говорит мне, что появление этого странного портала – часть более сложного процесса, стоящего – пока, во всяком случае – вне нашего понимания. Лишь одно насчет этого коридора я сумел выяснить точно: он до сих пор не закрыт единственно потому... что вы, сир, все еще не вошли в него.

– Я должен последовать за Ниграшем? – сурово спросил принц; он внутренне уже был готов к этому и ничуть не страшился – один раз ему удалось победить некроманта, удастся и в следующий.

– Во всяком случае, попытаться. Войдя в коридор, вы попадете в Мир Дверей. Это не настоящий мир, он служит лишь для перехода из одного мира в другой. Конечно, там тоже живут люди, но у них нет главного – нет основы, чтобы дать их существованию смысл. И вот там-то... там, насколько стало мне известно, произойдет странная путаница. Вы отправитесь в другой мир – такой же, как наш, но при этом совершенно на наш не похожий. А вот что ожидает вас после – загадка, разгадать которую мне не по силам. Свершения и битвы во имя добра (ибо добро и зло существуют во всех мирах)? Или скорая бесславная смерть? Быть может, вам придется схватиться в единоборстве с Ниграшем – или вам будет суждено прожить долгую спокойную жизнь в тихом и уютном уголке?.. Вполне возможно, вам уже никогда не удастся вернуться назад в Аниар...

– Я могу взять с собой кого-нибудь еще?

– Вряд ли, – покачал головой Диокар. – Лучше будет, если вы отправитесь в одиночку и пешком. Любое живое существо, что последует за вами, рискует навсегда заблудиться в коридорах между мирами. Но вы можете взять с собой доспехи и оружие – хотя тяжелых доспехов я вам брать не советую. К тому же, насколько я знаю, практически во всех мирах одинаково ценятся золото и драгоценные камни.

– А ты что скажешь, старый друг? – Рониен посмотрел на Илукара.

– Отправляйся, мой мальчик. И как можно скорее, – мягко сказал архимаг.

Несколько кратких мгновений принц медлил, а затем...

– Что ж, я последую вашему совету! – Рониен резко поднялся, давая этим понять, что разговор окончен. – Мне надо подготовиться к походу.

6.

Прежде чем войти в магический коридор, принц, облаченный в шитый золотом зеленый кафтан поверх легкой кольчуги и открытый шлем, с длинным мечом на поясе и с сияющими глазами, собрал всех своих соратников и говорил с ними. Здесь были герцог Орейн с его племянником Деоном, наместник Тибуд, архимаг Илукар и его брат в искусстве Диокар, молодой рыцарь по имени Рик, снискавший себе славу во время боя в Гияйской долине, уса́тый герой – капитан Маурик, и Лиинтаа, егеря из покрытых лесами западных предгорий.

– Я ухожу, так и не пройдя обряда коронации, – говорил принц. – Я обещал возложить на свою голову королевскую корону только после окончательной победы над Ниграшем, и сдержу свое слово. Но все вы называли меня «сир», и королем я был и остаюсь в ваших сердцах и в вашей присяге. Вместо меня герцог Орейн остается регентом, и пусть первым советником при нем, как и при мне, будет архимаг Илукар. Ждите моего возвращения, ибо я обещаю, что вернусь.

А после принц Рониен повернулся ко всем, кто смотрел на него, спиной, и вошел в сердце черно-фиолетового живого драгоценного камня. И исчез из этого мира.

ИНТЕРЛЮДИЯ ТРЕТЬЯ

Синие костюмы как нельзя лучше маскировали секретных работников Ли Чжунь Сяна и Сян Чжунь Ли в толпе. Толпа же вокруг них – все как один в одинаковых синих робах – спешила по своим делам, а секретные работники спокойно разговаривали у края улицы, палочками доставая лапшу из бумажных пакетов и с наслаждением поедая ее.

– Как идет работа с делом «Сумрачный дракон, атакующий беспечную малиновку»? – спросил Ли Чжунь Сян, вылавливая из лапши маленький кусочек мяса.

– Все очень плохо, уважаемый Ли Чжунь, – ответил Сян Чжунь Ли. – Ничего не понятно. Я боюсь, как бы кое-кого в партии не возмутил мой отчет...

– Говорят, ты пытался воспользоваться помощью целителей и монахов? – недоверчиво спросил секретный работник Ли Чжунь Сян.

Его коллега молча поедал лапшу.

– И даже обращался к гадалкам по Книге Перемен? – вновь спросил секретный работник Ли Чжунь Сян, еще более недоверчиво – чтобы Сян Чжунь Ли легко смог откреститься от этого вздорного предположения, но...

– Да, обращался! – с неожиданным раздражением выпалил секретный работник Сян Чжунь Ли. – А что мне оставалось?!

– Ты не кричи, Ли, я же тебя не обвиняю! – примирительно замахал палочками Ли Чжунь Сян. – Ты просто расскажи, как было дело.

– Хорошо, слушай. Может, замолвишь за меня словечко где надо, – тут же остыл секретный работник Сян Чжунь Ли. – Дело было так. В огороде тетушки Мэо из Юнь-Вэя вдруг появилась черная-фиолетовая жемчужина в человека ростом, из которой вышел мужчина, с кожей серой, как полотно, и обтягивающей лицо так, что проступал череп. Он был одет в богатые старинные доспехи, на голове у него была корона со множеством драгоценных камней. Он метнул в тетушку Мэо такой взгляд, что у нее парализовало левую руку на целых два дня. Медики потом проверяли – все подтвердилось... Затем он вытянул вперед костлявый палец – и с забора замертво упала ворона! Эту ворону нашли и препарировали: сердечный приступ... экскременты пекинеса!..

– Дальше, пожалуйста, – попросил секретный работник Ли Чжунь Сян.

Сян Чжунь Ли немного успокоился и продолжил:

– Потом, тетушка Мэо говорит, этот злой колдун создал из воздуха вторую черную жемчужину на огороде дядюшки Хэо. Вошел в нее – и исчез! Дядюшка Хэо тоже видел и жемчужину, и колдуна, и описывает их точно так же. После этого жемчужина с огорода дядюшки Хэо исчезла, но из первой жемчужины вышел «молодой воин»! Он был опоясан мечом, и в шлеме, а его зеленые одежды были расшиты золотом. Воин что-то спросил у тетушки Мэо на непонятном языке, она думает, что на английском или русском, а потом на него налетел рой черной саранчи – и он исчез!

– Все так и было? – поинтересовался секретный работник Ли Чжунь Сян.

– Вряд ли, – заключил секретный работник Сян Чжунь Ли. – Потому что дядюшка Хэо рассказывает, что это был вовсе не рой черной саранчи, а вулканический пепел, энергия ша, то есть наведенное проклятие. Кстати, на том месте, где исчез молодой воин, завяли все цветы тетушки Мэо... А потом и первая жемчужина исчезла.

– Да, история неприятная, – задумчиво произнес секретный работник Ли Чжунь Сян. – А что говорили тебе целители и монахи?

– Они говорили, что это были демон и преследующий его бог. Вот только демон сумел сбежать, а бога перехватила злая сила другого демона, и он попал в плен... Не знаю, как смогу передать такой отчет партии!

– Остается надеяться, что тебе не придется, – улыбнулся секретный работник Ли Чжунь Сян.

– Да, я постараюсь спустить все это на тормозах... Сейчас наверху на такие вещи смотрят не так строго, как раньше. Все равно они понимают в этом не больше, чем американцы в супе из черепахи! Энергия ша, боги, демоны...

– А что ты сам об этом думаешь?

– Я ничего об этом не думаю! – в сердцах воскликнул секретный работник Сян Чжун Ли. – Я больше не могу уже об этом думать! Я полностью сломал себе всю голову на этом деле, и ничего не могу придумать!..

– Мой тебе совет, – глубокомысленно проговорил секретный агент Ли Чжун Сян. – Забудь про эту божественно-демонскую дребедень. Свали все на японцев и их новейшие разработки. Испытания, галлюциногены, бактериологическая война... Придумай что-нибудь!

– Спасибо тебе за совет, уважаемый старший секретный работник Ли Чжун Сян, – поклонился секретный работник Сян Чжун Ли.

– Кстати, а что удалось выяснить при помощи гадания на И-Цзин? – задумчиво закусил губу секретный работник Ли Чжун Сян.

– Книга Перемен говорит одно, – ответил секретный работник Сян Чжун Ли. – Она говорит, что это только начало...

И они молча доели свою лапшу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Комната с косыми стенами, сходящимися вверху в одной точке, могла быть только верхним (или единственным) залом внутри пирамиды. Рониен понимал, что в этом новом мире, куда перенесла его таинственная магия, его знания и представления мало чего стоят, но не мог отделаться от липкого ощущения опасности: слишком уж этот зал был похож на камеру для жертвоприношений внутри храма Могрога. Не хватало только узких выходов наружу по четырем сторонам света, жертвенного алтаря – и толпы фанатиков, приверженцев Могрога – бога Солнечной Крови.

Не столько реально опасаясь нападения, сколько просто для придания себе уверенности принц обнажил меч.

Комната была наполнена странными предметами: плавающими ящиками, витыми трубками, мигающими огнями на мерцающих панелях – даже примерно разгадать назначение которых Рониен не мог. С равным успехом она могла быть и простой спальней, и храмом, и хижинкой сумасшедшего алхимика, и чем-то таким, чему вообще не было названия в языке Аниара... Вскоре принц обнаружил единственный выход из удивительного помещения – витая лестница в полу вела вниз.

Рониен осторожно направился к ней, ступая неслышно, на пружинящих ногах – и в этот момент снизу раздались шаги. Пара двуногих (или одно четвероногое) существа приближались, а через несколько секунд принц увидел первых обитателей этого мира.

Двое крепких мужчин в коротких юбках и странных туниках до пояса. В руках они держали увесистые металлические дубинки, очень тяжелые на вид, с необычными для оружия навершиями. Принцу на миг даже показалось, что это совсем не оружие, а какие-то инструменты, и он уже хотел поприветствовать незнакомцев... но, посмотрев в их глаза, Рониен сразу узнал знакомое отсутствие взгляда – зомби, правда, сохранившие способность дышать.

Да и намерения этих двоих не оставляли сомнений: первый сразу же попытался достать принца своей дубинкой по голове. Рониен легко увернулся от удара и контратакой пронзил противнику живот. Второй зомби, оказавшийся на удивление проворным, с силой метнул в принца свое оружие. Железяка больно саданула Рониена в левое плечо, но кафтан смягчил удар и не дал сломаться кости. Принц отказал себе в роскоши обратить внимание на последствия этой атаки, подскочил к неприятелю и легким взмахом меча снес ему голову с плеч – потом ему пришлось так же резво отскочить назад, чтобы не попасть под струю фонтаном хлынувшей крови.

– Радужная встреча, – пробормотал он. – Что же будет дальше?

Рониен аккуратно вытер меч об одежду одного из убитых и, стараясь поменьше беспокоить ушибленное плечо, стал осторожно спускаться по лестнице. Только сейчас он обратил внимание на то, что стены сделаны из странного материала, не похожего ни на дерево, ни на камень, ни на кость, гладкого и теплого на ощупь. Он казался податливым и мягким, и принц подумал, что, может быть, это не сама стена, а всего лишь скрывающая ее панель, под которой – обыкновенные камни; вызывали удивление развешанные повсюду светильники, маленькие и яркие, явно не имеющие никакого отношения к огню и дыму.

Спустившись на один пролет, принц оказался на широкой площадке. Она была занята странным механизмом из множества переплетающихся труб, от которых исходило тихое гудение. И снова лестница вниз – Рониен последовал ее изгибу...

Но тут он услышал голоса – резкие и короткие фразы на непонятном языке, требовательные и настойчивые, какими могут быть лишь боевые приказы. Язык показался ему грубоватым – на похожем, с отрывистыми гласными и шелкающими сочетаниями согласных, говорили жители архипелагов южных морей. Рониен сосредоточился и поудобнее перехватил меч.

Вслед за голосами пришли шаги: люди поднимались к нему. Принц приготовился отразить атаку.

Существо, что в следующую секунду открылось его взору, в первое мгновение показалось Рониену гигантским насекомым – но он тут же понял, что это человек, просто целиком закованный в странный многочленный доспех, блестяще-черный и, по-видимому, очень удобный. На голове человека был такой же черный овальный шлем без единой прорези, и принц удивился, как это он может что-то в нем видеть. В руках незнакомец держал странную штуку, больше всего похожую на маленькую неудобную лопату, но и поза, и уверенность, с которой он направлял наконечник своей лопаты на принца, не оставляли сомнений в том, что это оружие, а все его поведение (и давешние четкие отрывистые фразы-команды) выдавало в нем солдата, умеющего действовать четко и быстро, выполняя приказ.

Снова раздался голос, говоривший на непонятном языке, – и принц понял, что говорит именно этот латник, смотрящий на него в упор своим глухим шлемом. И когда снизу ему ответили, Рониен догадался, что солдат обращается не к нему.

Через секунду появился второй человек, закованный в такие же доспехи, что и первый. Лестница была узковата для них двоих, первому пришлось потесниться, и принц подумал, что лучшего момента для нападения у него не будет... но благоразумие не позволило ему броситься в бой очертя голову.

Новоприбывший некоторое время разглядывал Рониена, потом опустил оружие и приложил руку к своей шее. Раздался короткий шип, после которого латник легко снял шлем.

Принц тут же облегченно вздохнул: по крайней мере, это действительно был человек, и у него был совершенно нормальный и даже заинтересованный, хоть и немного обеспокоенный, взгляд.

– Хвала Эгиону, вы не зомби! – воскликнул принц. – Раз так, отведите меня к своему господину – и я не причиню вам вреда, – Рониен понимал, что последняя фраза немного самонадеянна, но он знал, что уверенность и сила всегда и везде вызывают уважение. Конечно, если не переходят границу глупости и наглости.

Незнакомец ответил что-то на своем языке, и по его голосу и взгляду принц определил, что на этот раз тот обращается к нему – но в речи его Рониен не разобрал ни одного слова.

– Я не понимаю тебя, почтенный, но по твоему лицу вижу, что намерения твои честны, – ответил принц и отвесил легкий поклон. – И, к сожалению, не представляю, что же нам теперь делать...

Незнакомец спрятал свое оружие в небольшие ножны, прикрепленные к его бедру, и провел рукой по поясу. Тут же на нем открылся укромный карманчик, и принц обратил внима-

ние, что все доспехи солдата увешаны маленькими сумочками. Человек достал из карманчика две серые продолговатые горошины, в вытянутых руках показал принцу, что они совершенно одинаковы – и засунул одну из них к себе в ухо! А вторую протянул Рониену.

«В любом краю, у любого народа самым искренним проявлением дружелюбия всегда был и остается подарок», – подумал принц и не стал отказываться, тем более что незнакомец первым делом показал, что его подношение безвредно, испытав такое же на себе.

Рониен спрятал в ножны меч и с поклоном принял дар, а затем так же, как и даритель, вставил его себе в ухо.

– Это похоже на украшение, я прав? – с улыбкой спросил принц. – Почти такие же носят в ушах жители горных долин в Киру. Вот только оно, наверное, мешает слышать...

Незнакомец в ответ радостно закивал и вдруг стал странно махать рукой, словно требуя чего-то от принца.

– Я не понимаю тебя, почтенный, – ответил принц. – И мне кажется, что очень глупо разговаривать так друг с другом, не разбирая ни слова.

Как ни странно, сказанное им еще сильнее обрадовали незнакомца, и тот замахал рукой быстрее.

– Ты хочешь, чтобы я продолжал говорить? – внезапно догадался принц. Латник ответил что-то на своем странном языке, и вдруг принц явственно услышал откуда-то сбоку неожиданный ответ:

– Да.

Рониен обернулся и никого не увидел, однако вновь раздался голос, похожий на голос незнакомца, но на сей раз говорящий понятные слова:

– Да, говори и не бойся. Это ухо.

– Ты понимаешь меня? – удивился принц.

– Почти. Говори еще, – был ответ.

Рониен вновь развернулся к собеседнику и стал смотреть ему в глаза, привыкая к тому, что звук его голоса при этом звучит сбоку.

– Орега, бери людей и займи верхний этаж, – тем временем крикнул незнакомец куда-то вниз, раздался шаг, и мимо них пробежало пятеро бронированных солдат. – Теперь можно говорить спокойно, – вновь обратился он к принцу.

– Какая странная и какая полезная магия! – изумился Рониен. – Неужели ты смог изучить мой язык, всего лишь услышав нескольких слов?

– Не изучить. Сходства и совпадения.

– О! – поразился принц. – Так ты мудрец, знающий множество языков и наречий, и один из них показался тебе похожим на мой?

– Не я, а эта машина в ухе, – улыбнулся незнакомец. – Она знает языков, – тут голос в ухе принца замялся, хотя его собеседник продолжал говорить; наконец, – больше, чем волос на голове и видимых звезд на небе вместе. Сходства и совпадения, – опять повторил он. – Говорите больше, ей будет легче.

– Раз нам все равно предстоит продолжить разговор, скажи мне, почтенный, кто ты и чей это дом?

– Меня зовут Унт Дорон, я младший офицер корабля «Катрин VII», а находимся мы в крепости Лотама, врага, – голос в ухе снова испытал затруднения, – врага всех свободных людей, на земле под названием Ван Зейн Прайм.

– Значит, два зомби, которых мне пришлось убить, служили вашему врагу? – уточнил Рониен.

– Я не имею в этом сомнений. Однако вы все еще не назвали своего имени.

– Я Рониен, сын Гедара, принц Аниара.

Унт покивал, и только сейчас Рониен понял, что его собеседник тоже слушает голос горошины у себя в ухе.

– Как вы попали сюда, Рониен, сын Гедара, принц Аниара? – спросил он.

– Это не так просто объяснить, особенно если начать с начала... – развел руками принц. – Но в трех словах – из другого мира!

– Никогда не слышал про колонию Аниар, – заметил Унт, и принцу показалось, что во взгляде собеседника мелькнуло подозрение.

– Аниар – не колония! – гордо ответил принц. – Это свободная страна!

– Другая свободная страна? – удивился Унт; и внезапно его лицо озарилось догадкой. – Зачем вы здесь? – спросил он.

– Я отправился в ваш мир через магический коридор в поисках своего заклятого врага, – как можно полнее ответил Рониен, и ему показалось, что эти слова подтвердили догадку его нового знакомого.

Еще несколько секунд Дорон размышлял – и в конце концов принял решение.

– Прошу вас проследовать за мной на корабль, там мы сможем поговорить в спокойствии и безопасности.

– Я принимаю ваше приглашение, младший офицер Унт Дорон, – церемонно поклонился принц. «Что ж, корабль – так корабль! – подумал он. – Наверное, мы на острове... К счастью, я не боюсь качки!»

– Орега, – позвал Унт, и хотя принц ничего больше не услышал, ему показалось, что Унт получил ответ на свой зов. – Оставляю вам четыре отряда, очистите цитадель и закрепитесь здесь. До дальнейших распоряжений – вы полномочный представитель свободного мира на Ван Зейн Прайм, – Дорон улыбнулся принцу, – прошу вас следовать за мной, Рониен, принц Аниара.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Каюта была освещена мягким, успокаивающим светом, и расслабляющая музыка оказалась очень кстати. Арканитовые переборки были обшиты темными панелями из полипласта; каждая третья панель была снабжена анимированной картиной, которые сейчас показывали знаменитую импрессионистскую симфонию Глока Бирена «Рождение цветка» – геометрические вальсы красок и света, сменяющиеся изображениями керранских лотосов и орхидей.

Рониен выспался, рука после укола, сделанного ему медиком «Катрин VII», совсем перестала болеть, и теперь вчерашние впечатления, самым ярким из которых был полет на десантном шаттле, уже не казались сумасшедшим сном. Принц стал понемногу привыкать к окружающему его торжеству техники.

Он как раз спрятал в стену кровать и активировал возведение в центре комнаты стола и нескольких стульев, как запиликал интерком входной двери, и принц нажал на кнопку приема вызова.

– Вы уже проснулись, Рониен? – экран интеркома осветился: за дверью стоял Унт Дорон.

– Да, лейтенант, и я прекрасно выспался, – нажав на кнопку открытия двери, принц сказал это Унту, уже глядя ему в лицо, а не на экран монитора.

– Позвольте присесть? – поинтересовался Унт.

– Располагайтесь! – улыбнулся Рониен, и что-то в его улыбке показалось лейтенанту необыкновенным и даже подозрительным. – Хотите чего-нибудь выпить? Я, признаться, голоден, как лисгамский волк во время засухи.

– Да, стакан пива, если можно.

– С утра? – удивился принц.

– Сейчас 20:04 по корабельному времени, только что закончилась основная вахта, – заметил Унт. – Хотя в данный момент это вряд ли имеет большое значение.

Принц подошел к терминалу и ввел заказ: две пинты пива, легкий овощной салат и рыба с пряностями, приготовленная на пару. И только тут, глядя на спину Рониена и его плечи, скрытые длинными темными волосами, лейтенант понял, что же показалось ему в принце столь странным; дело было совсем не в улыбке. Вид шитого золотом зеленого кафтана на фоне ультрасовременного искусства Глока Бирена казался изощренным кощунством: он резал глаз и требовал немедленного вмешательства, хотя формально выказать неудовольствие вроде бы не было причины. Унт окинул каюту более внимательным взглядом; на мобильном столике рядом со спрятанной в стену кроватью лежали архаичный открытый шлем и стальной меч в богато украшенных драгоценными камнями и шитьем ножнах. Лейтенант службы внутренней охраны крейсера передернул плечами.

Спустя минуту заказ появился в приемнике транспортера, и только когда принц уже пришел за еду, лейтенант позволил себе сделать замечание:

– По-моему, обучающая машина отлично сработала! – сказал он и пригубил пиво. – Кстати, помимо прочего, это говорит о том, что вы действительно человек, такой же, как я.

– Прекрасная рыба! – восхитился принц в промежутке между двумя кусочками осетрины под соусом из майонеза, лука и пармезана. – Насколько я понимаю, обучающая машина – это гипносуггестивный аппарат, то есть приспособление для прямой записи на подкорку обучающегося нужной информации во время сна. Не вижу тут никакой связи с собой и своей человечностью.

– Та штука, которую вы сняли со своей головы после пробуждения, – улыбнулся Унт.

– Штука?.. – Рониен на секунду отвлекся от еды, удивленно глядя на своего собеседника. – Вы хотите сказать, что это и была суггестивная машина?

– Вы разве сами не замечаете, хотя бы, что можете спокойно разговаривать со мной без помощи ретранслятора? Что прекрасно умеете пользоваться компьютером, который, между прочим, видите первый раз в жизни?

– Да, действительно, – принц положил вилку и нож и повернулся на стуле. – Великий Эгион... – пробормотал он и взялся обеими руками за свою голову. – Что вы со мной сделали?!

– Ну, лишняя информация еще никому не вредила! – уверенно заявил лейтенант.

Принц криво усмехнулся:

– Слышал бы вас магистр Илукар! – он повернул голову к Дорону. – Несмотря на все свои приспособления и познания, вы сумели остаться поразительно невежественными. Я имею в виду не персонально вас, Унт, – тут же оговорился принц, увидев, как вытянулось лицо у лейтенанта. – Я говорю обо всей Федерации. Собирая как можно больше знаний обо всем на свете, вы не стремитесь проникнуть в суть вещей... – Рониен на секунду задумался. – А впрочем, сейчас мои слова совсем не ко времени, – он с видимым усилием улыбнулся и вернулся к еде. – Я искренне надеюсь, что ваша обучающая машина не причинила мне вреда.

– Так или иначе, – Дорон тоже постарался взять себя в руки и не обращать внимания на обидную составляющую слов гостя, – эта машина позволит вам быстро вникнуть в суть происходящего. Если, конечно, вы хотите участвовать в том, что происходит. А моя интуиция подсказывает мне, что так оно и есть!

– Человек, доверяющий своей интуиции, на борту боевого крейсера Федерации! – не скрывая иронии, заметил принц.

– По итогам событий последних суток, могу сделать одну маленькую поправку: не на борту, а во главе! – усмехнулся в ответ Унт.

– Правда? – принц был искренне удивлен. – Мне казалось, что, по военно-космическому кодексу Федерации, командовать крейсером поручается чинам не ниже супер-майора, да и то в редких случаях.

– Времена меняются, – Унт отсалютовал принцу бокалом и сделал глоток. – Как и Федерации.

Вновь запищал сигнал интеркома.

– А вот и капитан! – обрадовался Унт; принц тем временем открыл дверь, и новый гость вошел. – Позвольте представить вас друг другу: Рониен, принц Аниара; Дин Рейсс, капитан «Катрин VII»!

– Теперь фактически – боцман у вас на побегушках, лейтенант, – немного сварливо, но дружелюбно ответил Дин.

Принц и капитан пожали друг другу руки.

– Хотите чего-нибудь выпить? – Рониен исполнял обязанности радушного хозяина.

– Виски на два пальца; и лед, конечно.

Рониен кивнул головой на стул, и Дин с облегчением уселся, расправил неожиданно наполнившиеся усталостью плечи, руки и ноги: за два дня он ни разу не оставлял мостик больше, чем на пять минут, поддерживая себя стимуляторами. Теперь, когда стало немного полегче и образовалась небольшая пауза, у капитана появилась возможность во многом разобратся...

Приемник транспортера выдал заказанное виски, Дин взял стакан, а принц вновь принялся за рыбу.

– Как вам ваша каюта? – любезно спросил Унт Дорон. – Не слишком аскетично для принца?

– Благодарю, мне все нравится, – ответил Рониен. – А насчет аскетичности... Хотел бы я иметь такую кровать и такой душ в моем походном шатре! Не говоря уже о картинах.

– Как бы то ни было, это одна из самых бедных офицерских кают на «Катрин VII»! – не скрывая гордости за свой корабль, заметил капитан. – Понятия не имею, почему принц Нот Мэйден выбрал ее... – добавил он тише.

– Ну что ж, самое время обсудить наши дела! – Унт Дорон пересел поудобнее, приготовившись к долгому и непростому разговору. – Для начала я расскажу вам, Рониен... или называть вас «ваше высочество»? – спохватился он.

– Нет, обращайтесь ко мне по имени. В этом мире мое королевство существует лишь в моей памяти – пусть там же останутся и мои регалии.

– Прекрасно, – лейтенант улыбнулся этим словам, почувствовав в них подтверждение своих предположений. – Итак, начну с начала. «Катрин VII» выполняла на Ван Зейн Прайм диверсионную миссию по аресту либо устранению (в случае невозможности ареста) ересиарха Лотама. Обучающая машина должна была дать вам информацию о нем.

– Я знаю историю ересиарха Энергий, – подтвердил Рониен. – В общих чертах. Генетический эксперимент, вышедший из-под контроля; запретная зона и провалившаяся атака флота Федерации...

– Два... теперь уже три дня назад, – продолжал Унт, – наш крейсер принял на борт принца Ложи Равновесия Нота Мэйдена.

– Об этих принцах я тоже знаю... – пробормотал Рониен. – Мистические личности, тайные агенты Службы Исполнения Приговоров, напичканные электронными имплантатами.

– Именно! Наша миссия состояла в нейтрализации Лотама – и она в определенной степени удалась: ересиарх действительно был нейтрализован принцем Нотом Мэйденом. И как только это произошло, тут же прекратились атаки энергетических слуг ересиарха на силовое поле корабля. При помощи своего передатчика Нот успел сообщить нам, что Лотам покинул наше измерение – и, похоже, принц последовал за ним. Тогда капитан решил покинуть систему: он выполнял последний прямой приказ принца, но... тут как раз и произошло самое значительное событие в моей жизни! Я взял командование кораблем на себя.

– Интересно, как вам это удалось, – легкое недоверие в голосе принца подтверждало, что ему действительно интересно.

– При помощи вот этого, – Унт показал принцу надетое на его палец простое кольцо белого металла. – Перед самой отправкой в цитадель Повелителя Энергий Нот Мэйден сделал меня агентом Ложи Равновесия и просил... скажем так, больше доверять своей интуиции! Именно это я и сделал.

– Расскажите поподробнее, – попросил принц.

– Охотно, – кивнул лейтенант Дорон. – Мне вдруг показалось, что наши дела на Ван Зейн Прайм еще не завершены... и я оказался прав! Я заявил капитану, что корабль и его команда переходят в распоряжение Ложи Равновесия. Как известно, флот Федерации напрямую подчиняется Сенату, а значит, и представителям его Лож. Так «Катрин VII», следуя моему приказу, осталась на орбите. И что бы вы думали! Через несколько часов с Ван Зейна стартовал небольшой корабль. Это был «Невероятный Гадагос», одна из прогулочных яхт, захваченных Лотамом, – Унт сделал паузу и глотнул пива.

– Очень интересно... – задумчиво произнес принц. – Но ведь после перехода Лотама и Нота в другой мир на планете оставались только зомби ересиарха. И они должны были все еще выполнять последние распоряжения, полученные от своего хозяина.

– То есть поддерживать работу систем цитадели! – подтвердил капитан Рейсс.

– Да, нас этот необычный старт тоже удивил. Тогда-то я и предпринял экспедицию в цитадель Лотама, и нашел – вас! – Унт улыбнулся. – Когда вы сказали, что «прибыли из другого мира», я, естественно, подумал, что вы имеете в виду какую-нибудь планету под названием Аниар. Но ваш вид, то, что универсальный переводчик не знал вашего языка, да и сам факт вашего присутствия в столь странном месте – все было настолько необычно! А потом еще переводчик сообщил мне, что Аниар – это Федерация!

– Но Аниар – королевство... – удивился принц.

– Такие ошибки для переводчика – обычное дело, особенно при разработке нового языка. Вы сказали что-нибудь вроде... «союз нескольких городов» или просто «свободная страна». В общем, когда я услышал про какую-то другую федерацию – тут оставалось только сложить два и два, – Унт сделал небольшой глоток; он весь светился от заслуженной гордости. – Вы – пришелец из другого измерения, Рон! Я ведь прав? Наверное, из того самого, в которое отправился принц Нот!

– Блестящая догадка! – кивнул Рониен. – Может быть, это и есть та путаница, о которой предупреждал меня Диокар: мы с вашим принцем поменялись местами... Как жаль, что я не могу сообщить герцогу Орейну и магистру Илукару о новой опасности!

– Предоставьте Лотама принцу Ноту, – успокоил Рониена лейтенант. – Разбираться с такими типами – его работа, а свою работу он хорошо знает!

– Вы правы. Раз я ничем не могу помочь им там – самое время сосредоточиться на том, что я могу сделать здесь, – согласился принц. – Вам удалось выяснить еще что-нибудь про этот корабль-беглец? – в его голосе внезапно промелькнуло волнение.

– Кое-что, – ответил Унт и медленным глотком допил пиво. Похоже, ему было приятно немного накалить обстановку. – Орега неплохо покопался в компьютерах цитадели и обнаружил интересные записи. В жилище Лотама чудом сохранилось несколько работающих камер слежения – еще с тех времен, когда цитадель ересиарха была просто Первым историографическим музеем Ван Зейн Прайм. И один раз эти камеры так «засекли» того, кто захватил «Невероятный Гадагос» и «перепрограммировал» зомби. Из-за чего они к тому же напали и на вас, Рон.

– А, эти двое с разводными ключами... – припомнил принц, но тут же вернулся к сильнее всего мучившему его вопросу. – Ну и как он вам показался, ваш «таинственный незнакомец»?

– Там всего несколько секунд записи. Черная тень; проходит по коридору.

– Я хотел бы посмотреть записи камер слежения.

– Хорошо, я их вам пришлю, – без особого энтузиазма кивнул Унт. – Но перед этим я жду от вас ответа на один вопрос: что вы обо всем этом знаете и чем вы можете нам помочь?

– Это два вопроса. И оба, как вы бы сказали, на миллион кредитов... – принц вздохнул; было похоже, что эта тема разговора тяжела ему. – Вы правильно догадались, Унт – я действительно имею отношение к вашей Черной Тени – подходящее прозвище для него, клянусь единственным зубом Витана!.. Я пришел в ваш мир, преследуя своего давнего врага.

– Сто тысяч бейтамских чертей! – не выдержал капитан и неожиданно ворвался в разговор. – Этого нам только не хватало! Поменять одного паршивого хорька на другого! Самая дрянная сделка за всю историю торговых отношений солярианцев – Лотам-то хотя бы был из нашей реальности. И за кем же гоняетесь вы, Рон? Кто ваша цель? Блондинка с огромной грудью и антигравитационным кубом? Или какой-нибудь, не знаю... гигантский гидро-муравей?

– Мой враг – некромант Ниграш. Он выглядит почти как человек... – Рониен подыскивал подходящее для солярианцев описание, – больше всего он похож на живой скелет в старинных доспехах.

– Скелет в доспехах? – не удержался от улыбки Унт Дорон. – Это что, вроде детских страшилок? Бугимэн? – и он потряс в воздухе пальцами, изображая «привидение».

Капитан рассмеялся.

– Рад, что хоть кому-то весело, – без тени улыбки произнес принц. – На совести вашей «детской страшилки» много тысяч жизней. Причем ни один убитый ею человек не умер легкой смертью. И смерть – еще не самое страшное...

Некоторое время все молчали, переживая очередную неловкость.

– Ладно, пусть скелет, – наконец, возобновил беседу Унт. – Хотя, признаюсь, для нас это звучит довольно дико... И чем же он так опасен, ваш... Нигрок?

– Ниграш. Запомните это имя, ибо в имени – часть его силы.

– Что это значит? – скептически задрал бровь лейтенант.

– Имя – отражение его сущности. Стоит кому-то произнести его вслух – и некромант услышит этот зов, где бы ни находился говорящий. Во всяком случае, так было в нашем мире... Но в имени же кроется и его слабость! Когда на Аниар обрушился мор, наши маги и лекари были бессильны... Риэл – столица моего королевства – превратился в кладбище, заполненное смертью, стенаниями и горем. Но архимагу Илукару удалось узнать имя врага – того, кто управлял чумой. Тогда он смог разбить его злое заклятье и приготовить лекарство для больных...

– Только не думайте, что я верю в весь этот бред с «магией имени», – перебил принца Дин. – Но все же: по-вашему получается, что теперь этот Ниг... – капитан осекся, – этот гнусный енот, нулгарский черт бы его побрал, нас подслушивает!

– Я думал об этом, перед тем как начать наш разговор, – серьезно ответил принц. – И понял, что хотя бы один раз я все равно должен назвать вам имя врага. Без этого мы были бы слабее. Но впредь предлагаю не упоминать его вслух. Прекрасное прозвище невольно дал некроманту почтенный лейтенант Дорон: Черная Тень. Новое прозвище для нового мира.

– А если вот так? – неожиданно отвлек принца лейтенант. Он уже некоторое время, надев активную перчатку, набирал что-то на голографическом экране персонального терминала. Теперь Унт развернул маленький иллюзорный экранчик, нарисованный в воздухе световым пучком из браслета на его левой руке, так, чтобы показать принцу. – Вот, взгляните? Это Черная Тень тоже увидит?

Рониен посмотрел на голо-экран. «Ниграш» было написано по-соляриански: фонетический аналог того, как это слово звучит на рэлионе.

– Признаться... – принц опешил. – Не знаю, нам никогда не приходило в голову разговаривать так, «на бумаге»... Наверное, он ничего не увидит: хранится же его имя в книгах... А впрочем... кто знает...

– А если сразу, ну, например... миллион человек в разных уголках Вселенной начнут твердить это: Ниграш, Ниграш? – Унт все не мог избавиться от своего скепсиса. – Ой, простите, Рон, попробую сдерживаться...

– Это был бы прекрасный способ парализовать деятельность врага! – восхитился капитан неожиданной перспективой. – Заставить весь звездный флот все время твердить одно и то же слово – и вашей любимой Тени придется день и ночь проверять, не говорят ли про него что-нибудь интересенькое!

– Ничего не получится, любезный капитан, – без улыбки ответил Рониен. – Сколько бы ни было зовущих, враг услышит лишь тот зов, который ему интересен. И прошу вас не называть Тень моей любимой... – вновь повисла неловкая пауза; солярианцы все никак не могли привыкнуть, что разговор о таинственном маге ведется всерьез. – Но хочу вас обрадовать: скорее всего, сейчас он нас не слышит, – навел новый мост дружбы принц.

– С чего вы взяли? – казалось, Дин Рейсс даже немного расстроился тому, что вся их игра потеряла остроту.

– Присутствие чужой воли; мы обязательно ощутили бы его. Я помню это чувство: как будто холод проникает в самую душу, и свет чуть меркнет в глазах... Сейчас этого нет и в помине. Быть может, в вашем мире сила Черной Тени пропала или хотя бы уменьшилась. Хотя всерьез рассчитывать на это я бы не стал: достаточно вспомнить о зомби на Ван Зейн Прайм.

– Вы думаете, что это действительно ваша Черная Тень перехватила контроль над лоботомированными рабами Лотама? – лейтенант был рад перевести разговор на что-то более существенное.

– После того как мор в Аниаре был остановлен, некромант понял, что его план войти победителем в вымершую страну не удался – и начал открытую войну. Армия врага – мертвецы, чьи тела были возвращены к жизни – начала шествие по северным землям королевства... Хвала Эгиону, нам удалось их остановить! Конечно, зомби Лотама имеют иную природу, но суть творимого обоими врагами зла – одна. И мне не кажется странным, что Черная Тень легко нашел способ управлять новыми слугами.

– Значит, я был прав, отдавая приказ о преследовании «Невероятного Гадагоса», – удовлетворенно кивнул головой Унт Дорон. – Мы летим следом за кораблем уже двадцать шесть часов – с тех самых пор, как десантный шаттл вернулся с Ван Зейн Прайм на крейсер. Ваш враг должен быть схвачен и допрошен. После этого мы решим, что делать с ним – и с вами заодно!

Эти слова были сказаны с искренним расположением, без тени подозрительности или недоверия, но только благодаря им принц неожиданно поймал себя на мысли: как странно, что лейтенант столь безоговорочно доверяет ему! Откуда Унт может знать, кем является Рониен на самом деле? Незнакомец, обнаруженный в цитадели врага... Неужели отношение лейтенанта основано лишь на той самой интуиции, о которой он столько говорил?..

И впервые дал о себе знать червь сомнения: а почему сам он, принц, так безоговорочно доверяет своим новым друзьям? Конечно, Рониен мог чувствовать людей, и у себя в Аниаре легко раскрыл бы любой заговор, без труда нашел бы предателя в рядах своих союзников – только по одному фальшивому взгляду или жесту. Все-таки в жилах его течет кровь древних королей, чья зоркость сердца не раз спасала страну от бед худших, чем голод или бедность! Но чего стоит это умение здесь, в новом мире, где, как чувствовал принц, сама суть слова «предательство» может рассматриваться совсем иначе, и где лжец может искренне полагать себя честным человеком...

– Мы можем выяснить, где Тень сейчас? – отбросив в сторону несвоевременные сомнения, поинтересовался Рониен.

– Его корабль направляется в созвездие Согнутого Пальца, – ответил лейтенант. – Там почти нет колоний, и уж точно нет ни одной колонии Федерации. Кстати, нам придется подождать несколько дней перед продолжением погони. В Согнутом Пальце не обойтись без под-

крепления – этот сектор облюбовали пираты; да и независимые колонии обычно не так уж горят любовью к Звездному Флоту. К нам уже движутся три тяжелых эсминца, десантный корвет и линкор I класса «Лихой вагант» во главе с адмиралом Ниром Кирдом. С таким флотом нам нечего бояться даже Тедди Бёра и всего его пиратского анклава...

Унт замолчал и посмотрел на принца с особым выражением. Словно ждал от него чего-то, но сам еще не мог поверить в то, что ждет...

– Вряд ли я могу давать вам советы, господа, – начал Рониен; с рыбой было давно покончено, он встал, заказал себе бутылку и налил бокал красного вина; не самого лучшего – к сожалению, на крейсере не было хорошего красного вина, – но все же прошу вас выслушать меня. Я рад, Унт, что вы решили преследовать Черную Тень. Почти наверняка это именно тот, кого я ищу – мой заклятый враг, и больше всего на свете я хотел бы поквитаться с ним. Если это действительно так...

– Но это совсем не обязательно «так»! – перебил принца капитан. – Может быть, на «Гадагосе» просто какой-нибудь гость, а то и пленник Лотама – и тогда он вообще не имеет никакого отношения к вашей истории, Рон. Просто пытается сбежать подальше от представителей Федерации. Кстати, это объяснило бы и то, почему он полетел именно в Согнутый Палец!

Похоже, Дину Рейссу совсем не нравилась запутанная история с путешествиями по измерениям. Он предпочитал мыслить просто и ясно и не искать таинственных ответов на незаданные вопросы.

Унт Дорон и Рониен, не сговариваясь, вдруг разом посмотрели на капитана и долго не отводили взгляд, словно пытаясь увидеть в нем самом подтверждение его слов – и заговорили одновременно.

– Вряд ли, – заключил Унт.

– Нет, не так, – отрезал принц.

С радостным удивлением они взглянули друг на друга и впервые по-настоящему почувствовали единство в своих мыслях.

– Все-таки все дело в нем, – продолжал Рониен. – Я чувствую это так, как маленькие птицы чувствуют приближение грозы. Черная Тень не пленник и не гость Лотама, он пришелец из другого мира, такой же, как и я. Поймите наконец... – принц взмахнул руками и опрокинул забытый бокал; красное вино разлилось по столу. – Поймите же, что все это не случайно: и его бегство, и наша встреча, и даже этот долгий разговор... С чего бы ему бежать неизвестно куда сломя голову? Оказавшись в крепости, полной слуг, которых оказалось так легко подчинить себе, некромант первым делом попытался бы обосноваться в ней как можно лучше! Первая насущная потребность черного мага – надежное убежище. Но он улетает – в незнакомом мире, где все ему чуждо, он ни секунды не сомневается в том, что надо делать...

– Значит, он прекрасно знает, что делает... – пробормотал Унт.

– Что-то зовет его – и он идет на зов. Какая-то сила толкает его вперед, на поиски. И, вне всяких сомнений, он очень скоро найдет то, что ищет. Мы не должны упустить своего единственного шанса помешать ему. Нельзя терять ни одной секунды.

– Безумие соваться в Согнутый Палец силами одного корабля! – воскликнул Дин. – Необоснованный риск! Унт, вы хоть понимаете, чем это вам грозит?.. Ведь это не просто глупо, это противоречит уставу! Да, в конце концов, могу показать вам учебник по тактике! Там сказано: минимальная численность кораблей в боевой операции – одно звено. Одно звено, слышите?! Не меньше четырех тяжелых кораблей! Иначе невозможно противостоять даже самой слабой организованной атаке. Да это первый закон ведения боевых действий в трехмерном пространстве! К тому же, «поспешность – главный враг флотоводца» – вы, лейтенант, должны знать, откуда это!

– Руд Игерт, величайший тактик Звездного Флота, – неохотно подтвердил Унт слова капитана. – Конечно, вы правы, капитан... но я чувствую, что нам следует воспользоваться

советом принца, – как только прозвучали последние слова, Унт Дорон почувствовал странное облегчение; он бросил на Рониена благодарный взгляд. – Не могу объяснить, почему.

– Что ж тут объяснять? – удивился Рониен. – Как только наш враг найдет то, что ищет – нас не спасут ни четыре, ни двадцать четыре тяжелых корабля. На счету каждая секунда.

– Да что этот ходячий суповой набор может найти в Согнутом Пальце такого, из-за чего стоит рисковать моим крейсером?! – не мог согласиться со своими нечаянными оппонентами Дин Рейсс. – Редких ископаемых – кот наплакал; местных разумных рас – меньше полудюжины, да и те еще не вышли из каменного века; никаких вам развалин давно погибших цивилизаций. Из достопримечательностей – одни пираты; но уж для встречи с этими-то как раз лучше всего дожждаться подкрепления.

– И все-таки мы идем следом за «Невероятным Гадагосом», – стараясь не смотреть на капитана, твердо сказал Унт Дорон. – Мне тоже кажется, что это – единственно правильное решение. Пусть вызванные на подмогу корабли следуют в точку randevu, оттуда адмирал Нир Кирд поведет их следом за нами. «Катрин VII» действительно может потребоваться поддержка.

– Интересно, как ваш «приказ» понравится адмиралу, – проворчал Дин себе в бороду. – Принц Нот Мэйден – тот, конечно, обладает исключительными правами, но мобилизовать целую эскадру по приказу простого агента Ложи... Само собой, Нир Кирд не мог отказать в поддержке боевому крейсеру Федерации. Но вряд ли после встречи в точке randevu вы, мой дорогой лейтенант, встали бы во главе эскадры. Представляете, как будет выглядеть ваша авантюра с этих позиций? Молодой офицер, неожиданно для самого себя облеченный властью, словно расшалившийся младенец, бросается в какую-то невнятную погоню, и прославленный адмирал вынужден следовать его указаниям из страха за собственность Федерации, – он замолчал, и тишина царила целую минуту; но капитан не удержался от того, чтобы поставить последнюю точку. – Но только крейсер – не игрушка, и случись что, парой шлепков по заднице тут не отделаешься.

– Я прекрасно понимаю свою ответственность и, настаивая на своем решении, готов впоследствии предстать перед трибуналом, – твердо ответил лейтенант Дорон.

Некоторое время все молчали. Капитан бормотал что-то одними губами и время от времени махал кулаком в воздухе; Унт, казалось, продолжал взвешивать «за» и «против» своего решения; Рониен с интересом разглядывал обоих. Вдруг лейтенант поднялся, и принц предвосхитил его намерение удалиться.

– Не забудьте прислать мне запись, – напомнил ему Рониен. – Я постараюсь выяснить что-нибудь новое.

– Хорошо. Если что-то получится – немедленно найдите меня по интеркому. Кстати, на записи нет звука. Жаль... Я также буду сообщать вам о любых новостях. Прощайте, Рон. Капитан, через десять минут жду вас на мостике – мы продолжаем преследование, необходимо произвести маневр.

Унт Дорон вышел, пожав принцу руку.

– По-моему, вы оба совершаете ошибку... – проворчал капитан и залпом осушил свой стакан с виски. – Кстати, принц, советую вам переодеться! Ваш зеленый... костюм неплохо смотрится, но он несовместим со скафандрами «Катрин VII». Вы можете оказаться в опасном положении! Да и ваше оружие... Пожалуй, оставлю вам свой интендантский код, – капитан подошел к терминалу и набрал на нем несколько цифр. – Теперь вы сможете получить форму – без знаков различия, конечно, – персональный терминал и бластер. Умеете им пользоваться?

– Да, – неожиданно для самого себя ответил принц. – Как это ни странно... Лейтенант Дорон постарался, программируя гипносуггестивную машину.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пальцы Рониена уже обрели рефлекторную уверенность. Он перематывал, замедлял, ускорял запись, увеличивал отдельные кадры свободно и быстро, не глядя на свои руки и клавиши терминала. Столь легко давшийся навык был поводом для определенной гордости, но принц чувствовал только раздражение. Бесплезно потраченное время на бессмысленное умение, потому что он уже знал – все это не принесет пользы. И знал с первого мгновения своей ненужной нудной работы...

Несколько секунд: коридор, ведущий в сторону ангара, четверо зомби несут импровизированные носилки из полипластовой декоративной панели, видимо, сорванной прямо со стены. На носилках – фигура в черной мантии, ее головы не видно: слишком высоко поднимают Черную Тень носилки. Идут быстро. И это все.

Рониен никогда не видел Ниграша, лишь знал описание его облика от Лиинтаа. Но он был уверен: стоит ему бросить взгляд на Черную Тень, и он сразу поймет, действительно ли это его враг – слишком многое теперь связывало их, охотника и его дичь.

И – ничего. Никакого ответа не было в этих нескольких секундах навеки пойманного в силки, обреченного вечному плену времени. То ли его умение видеть суть вещей под оболочкой ненужного притупилось в этом новом мире; то ли запись не могла сохранить в себе всей кристальной сложности жизни живой. Так или иначе, в душе Рониена не было никакого отклика на явленный ему образ врага.

Но хотя принц не чувствовал никакой глубинной связи с Черной Тенью, его острый взгляд все же смог проникнуть туда, куда заказан был ход излишне внимательным глазам его новых союзников: немногие чувства и мысли врага открылись ему. Принц ощутил так ясно, как будто это происходило в его собственной голове: незванный гость, он только появился в этом мире, растерянный и удивленный – а зов уже родился внутри него, он приказывает и манит. Ему невозможно сопротивляться, да Тень и не хочет. Он чувствует свою цель, и это чувство сильнее знания...

Но Рониен видел, как лишены смысла эти новые данные, ничуть не приближающие его к тому, чтобы понять нового врага, выяснить, что им движет, и кем он является на самом деле.

Поэтому он чувствовал раздражение (какое новое, незнакомое и неприятное чувство...) – из-за того, что потратил столько времени на эту бесполезную работу, и из-за того, что продолжает ею заниматься. Сейчас она вошла в ту невыносимую фазу, когда прекратить – еще глупее, чем продолжать, ведь потрачено уже столько сил и времени; отказ будет значить, что потрачены они напрасно.

Выйти из этого замкнутого круга человеку позволяет только вмешательство извне. И бог нового мира сжалился над принцем.

Вдруг перед глазами Рониена пробежала странная рябь, у него появилось странное, неприятное чувство, вроде тошноты... но тут же все закончилось. А через несколько секунд каюту огласил резкий сигнал интеркома; Рониен с облегчением авторизовал доступ.

– Удалось что-нибудь выяснить? – лицо лейтенанта Дорона было необычно озабоченным. Принц сразу понял, что этот вопрос – излишняя дань вежливости: лейтенанта совершенно не волнует его ответ. Что-то случилось.

– Что-то случилось?

– У нас проблемы, Рон. Крейсер перехвачен на выходе из гиперпространства.

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Кто знает... поднимайтесь на мостик, быть может, посоветуете что-нибудь толковое...

«В этой же каюте ночевал Нот Мэйдэн... – подумал принц, выходя в коридор. – И так же, как я сейчас, шел на мостик в тот самый день...»

Он без удивления, но с интересом прислушивался к ощущениям своего тела: новая одежда, не очень красивая, на его вкус, но удобная, – серый с черным – радовала его руки, ноги, живот... Легкая, но удивительно прочная обувь словно подбрасывала в воздух. В пристегнутой

к правому бедру кобуре непривычно расположился бластер, на левом запястье был защелкнут браслет персонального терминала... но принц все же не смог преодолеть себя: широкий пояс, расшитый золотом, эклектично дополнял чересчур блеклый наряд, и слева на нем в ножнах висел придающий уверенности меч, уже не раз побывавший в битве, но еще не заслуживший собственного имени.

Коридор – металлические поверхности, отполированные до зеркального блеска, и дорожка из рифленой резины на полу; сияние невидимых ламп. Просторная кабина лифта с множеством управляющих кнопок на матово-черной панели; но принц воспользовался голо-совым управлением:

– Мостик.

Пока лифт вез его к Первой Палубе, Рониен легко, словно читая в книге, вспоминал то, чего никогда не знал...

Гиперпереход на большие расстояния никогда не совершается в один прыжок. Слишком велик риск отклониться от курса – а то и вообще выйти из гиперпространства внутри звезды или планеты. Вместо этого один большой переход разбивается на цепь маленьких. Корабль выходит в обычное пространство на доли секунды – пассажиры даже не замечают этого, – система автоматически сверяет положение корабля с заложенными в нее параметрами перехода, мгновенно производит корректировку – и дальше в путь!

Все бы ничего, если бы в соответствии с этой особенностью межзвездных путешествий не была разработана одна хитрая защитная система – «Невод».

Это генератор особого блокирующего поля, которое мешает гипердвигателям открывать субпространственную брешь. Устройство «Невод», размещенное на корабле или спутнике, на расстоянии до десяти астрономических единиц будет перехватывать корабли, выглядывающие из гиперпространства лишь на несколько мгновений. Федерация окружала наиболее значимые свои колонии множеством таких маяков, чтобы предупредить неожиданное нападение; они работали непрерывно, отключаясь только в момент отправления или прибытия судов, получивших соответствующее разрешение.

Но некоторые предприимчивые охотники за наживой использовали «Невод» совершенно другим способом: «закинув» его посреди какого-нибудь не слишком оживленного тракта, они перехватывали торговые корабли.

Значит, «Катрин VII» попала в чей-то капкан. А в этом секторе «ловцами» могут быть только...

– Похоже, пираты! – Унт кивнул головой на монитор сканера, как только принц вошел на мостик, и непроизвольно задержал взгляд на его экзотическом оружии.

Небольшая площадка мостика, наполненного мерцанием множества мониторов и разноцветных датчиков, возвышалась над огромным операционным залом площадью не меньше акра. Сотни операторов в настоящем лабиринте терминалов, голографических экранов и пультов – оружейники, силовики, ходовики... Над залом стоял непрерывный гул голосов, оплетенный орнаментом электронных зуммеров.

– Три больших и семь малых кораблей, – продолжал лейтенант. – Из них только четыре – боевые... но транспорты, конечно, тоже под завязку напичканы оружием. Пиратские умельцы любую рухлядь враз превратят в дредноут не хуже «Смертоносного призрака»... Рон, зачем вам этот железный дрын?

– Они уже выдвигали какие-нибудь требования? – принц проигнорировал вопрос лейтенанта.

– Нет... – вступил в разговор Дин Рейсс. – Думаю, не часто в их сети попадает такая рыбка как боевой крейсер Федерации! Наложили в штаны и раздумывают, как теперь выкручиваться.

Принц с сомнением покачал головой. Раздался голос оператора-оружейника:

– Все системы готовы к бою. Фронтальные рефлекторы на максимальной мощности...

– Ну что, рискнем нанести упреждающий удар? – капитан недобро усмехнулся. – Держу пари, у них на весь флот только один «Невод», и где ему еще быть, как не на флагмане?..

– Нам не хватит мощности, чтобы уничтожить его одним залпом, – с сомнением заметил Унт. Флагманский корабль пиратского флота медленно вращался вокруг воображаемой оси на одном из мониторов. Единственный фюзеляж прекрасной стремительной формы, три угрожающих боевых крыла под 120 градусов друг к другу, с массивными маневровыми двигателями на концах, вытянутые вперед, изогнутые, словно ятаганы. Конструкция старая, еще имперская (такие перестали выпускать уже лет шестьдесят назад), но можно не сомневаться: оружейные слоты заполнены самыми современными устройствами для уничтожения.

– К дьяволу фазоры! Эти лучевые игрушки годны только для охоты на нулгарских блох. Подойдем ближе и используем плазму, – похоже, Дин всерьез рассчитывал на свой корабль. – Я это имперское корыто в наносекунду разнесу!

– Во-первых, они сожгут нас раньше, чем мы приблизимся на дистанцию плазменной атаки, – покачал головой лейтенант. – А во-вторых, у них тоже есть плазменные пушки...

– Ты босс, – процедил сквозь зубы капитан. – Но поверь моему опыту, сынок: так у нас был бы хоть какой-то шанс... Что тогда, «заячьи петли»?

– «Заячьи петли», – бесцветным голосом подтвердил Унт Дорон.

«Тактический прием «Заячьи петли» – лучшая разработка Руда Игерта для отступления или изматывания противника во время боя в трехмерном пространстве», – всплыло в голове у принца, и он вдруг понял, что это фраза из учебника.

Дин четко и быстро заговорил в интерком:

– Приготовиться к развороту, оружейникам активировать кормовые орудия и подготовить протоколы переноса энергии на тыловые рефлекторы. Ввести в маневровый компьютер коды вероятностного десинхронизатора.

«Вероятностный десинхронизатор – специальная программа, разработанная для генерирования параметров внезапных маневров, – тут же затвердил невидимый диктор в голове у принца. – Каждые две секунды случайным образом изменяет направление и скорость движения корабля. Используется для тактического приема «Заячьи петли», чтобы обмануть целеуловители противника. Естественный минус – затрудненный собственный ответный огонь... Великий Эгион, мне-то зачем все это знать?!»

Несколько секунд – и операторы сообщают о полной готовности к маневру.

Принц взглянул в лицо Унта Дорона и удивился его сосредоточенности, тому, как сжаты в одну тонкую линию его испуганные губы. Он имел вид человека, принимающего решение о жизни и смерти. О жизни и о смерти множества людей... «Клянусь единственным пальцем Витана! Он и вправду думает, что его выбор что-то решает!..» – поразился принц. И сказал вслух:

– Не стоит.

Унт вздрогнул и удивленно посмотрел на него.

– Что?

– Не стоит так бояться ошибиться. Вам же еще Нот Мэйдэн говорил! Хотя, глядя на вас всех, удивляюсь, откуда *он* это знает... Не думайте о том, что будет – это дело Судьбы, а она всегда позаботится о своих делах. Просто делайте то, что в ваших силах – так, как считаете нужным.

– А как я считаю нужным? – в голосе лейтенанта чувствовалось отчаяние. – Что я должен выбрать?!

– К ошибке ведет лишь страх перед ошибкой. Ваш выбор сделан задолго до того, как вы встали перед ним. Осталось только не изменить этому выбору...

Возможно, принц хотел сказать что-то еще, но в этот момент красным предупреждением вспыхнул один из мониторов.

– Зафиксирован лучевой удар по фронтальному полю, – бесстрастно сообщил голос оператора.

– «Петли», – просто и спокойно приказал Унт, и капитан крикнул в интерком:

– Начинаем маневр!

Пол немедленно выскочил у них из-под ног, выдернутый внезапным ускорением.

– Дьявол! – воскликнул Дорон и тут же больно стукнулся плечом о переборку.

– Стабилизировать мостик! – Дин успел схватиться за поручень. Пол мгновенно вернулся на место. Гравитаторы работали прекрасно, и, несмотря на дикие маневры корабля, помещение мостика лишь слегка потряхивало. – Экипажу зафиксироваться!.. Черт, поздновато...

– Это точно, – Унт вставал на ноги, потирая ушибленное плечо.

– Командирам отсеков: активировать стабилизаторы посекционно, вручную...

Привычный гул операционного зала сбился; ему на смену пришли крики и стоны нескольких покалеченных. Замелькали белые шлемы санитаров. Живое воображение лейтенанта нарисовало десятки разбитых голов, вывернутых рук и ног по всему кораблю, переполненный лазарет... Но чтобы добраться до лазарета, раненым матросам сначала нужно остаться в живых!

– Хотел бы я знать, почему не сработала автоматика? – риторически спросил Унт.

– Чертовски хороший вопрос! – ругнулся капитан. – Если узнаю, что опять какой-нибудь кретин игрался с настойками..!

«Как они привыкли полагаться на свои игрушки!» – непроизвольно подумал принц, даже не подозревая, как эта своевременная мысль могла бы обрадовать одного неугомонного старика. Сам он, благодаря кошачьей гибкости, умудрился устоять на ногах, просто играя весом собственного тела. И даже не заметил, что при этом здорово приложился браслетом на левой руке об эфес меча. В другой обстановке он сразу обратил бы внимание на извивы трещин, струящиеся по полигласовой поверхности персонального терминала...

На мостик, перебивая друг друга, понеслись сообщения приходящих в себя операторов:

– Маневр «Заячьи петли» активирован...

– Зафиксировано семнадцать лучевых ударов по тыловому рефлектору...

– Мощность тылового поля – восемьдесят три процента...

– Обнаружен запуск девятнадцати ракет...

– Кормовые орудия ведут заградительный огонь...

Глаза обоих офицеров бегали по экранам; но Унт благоразумно устранился от командования: теперь, когда принципиальное решение принято, он может лишь помешать капитану управляться с этим хаосом информации.

– Активировать второй протокол защиты от ракетных атак, – Дин говорил спокойно и сосредоточенно. – Сфокусировать огонь фазоров на флагмане. Перевести тыловой рефлектор на спиральное поглощение. Циклическая активация гипердвигателей!

«Разумно, – обратил внимание на последний приказ принц. – Если в ближайшие пять минут каким-нибудь чудом удастся повредить или уничтожить «Невод» – крейсер сможет бежать в гиперпространство. Если нет – цикл возобновится, и еще одну попытку к бегству мы произведем на одиннадцатой минуте».

Принц смотрел на хаос, творящийся на мониторах мостика, и вскоре обнаружил один, самый интересный: экран сканера, в трех измерениях показывающий положение «Катрин VII» и ее преследователей.

– Сто двадцать лучевых ударов...

– Мощность рефлектора пятьдесят шесть процентов...

– Обратное-спиральное поглощение на тыловой рефлектор!

– Зафиксирован запуск тахионной торпеды...

Корабли пиратов все больше отставали от крейсера, чьи маневровые двигатели были раза в два мощнее. Но это мало что значило – убежать от преследователей «черепашьим шагом» практически невозможно, слишком велики радиусы действия «Невода» и лучевого оружия. Правда, расстояние не позволяло преследователям использовать самое мощное свое оружие – тяжелые плазмометы. Да и ракетные атаки на большом расстоянии предупреждать намного проще.

– Уничтожено тридцать семь мезонных ракет...

– Запустить тахионные ловушки!

– Входящее сообщение! – эта фраза вырвалась из хаоса рапортов и приказов, как чистый и ясный голос солиста из единого громового хора.

– Унт! – не отрываясь от мониторов, бросил капитан. И снова, – сфокусировать огонь на третьей четверти флагамена!..

Лейтенант сориентировался в мгновение ока:

– Сообщение на четвертый терминал.

Принц подошел ближе. Экран осветился. Похоже, сообщение записывал сам командир пиратской эскадры – во всяком случае, об этом говорила адмиральская фуражка на его голове. Но как раз фуражка-то (хотя она, несомненно, была снята непосредственно с головы поверженного адмирала Звездного Флота, а это факт из ряда вон выходящий) во всей этой голове меньше всего заинтересовала Рониена...

Голова пиратского адмирала больше всего напоминала металлический череп, кое-где обтянутый кожей. Один глаз – искусственный, один – болезненно-желтый (значит, у пирата все еще оставалась часть его собственной печени), оба без век. Стальная нижняя челюсть ощеривалась наружу несколькими острыми шипами, так что их обладатель мог очень эффективно бодаться подбородком. Живой подвижный нос. И никакого намека на уши или волосы.

– Здорово, имперские шавки! – заговорило это ведро резким, но неожиданно естественным голосом. – Вас приветствует хозяин Свободного региона созвездия Согнутого Пальца, Великий чифтэн Тедди Бёр. Вы нарушили границы моих владений и, по закону, должны быть немедленно казнены! Но сегодня у меня День рождения, и, так и быть, я сжалюсь над вами и объявлю вам временную амнистию – если вы немедленно сдадитесь. Рядовым матросам гарантирую жизнь – и пожизненное рабство на одной из колоний моего сектора. Офицерам – тридцать часов. А там посмотрим. Ваш белый флаг – полная остановка двигателей и деактивация оружейных систем. Даю четыре минуты тридцать секунд на ответ. Отсчет начинается с момента получения вами этого сообщения. Так что советую не тормозить – и очень не советую портить мне праздник!.. Ах да, «нота бене»: не забудьте отключить гипердвижок... – гнусная рожа расплылась в ухмылке – и замерла на последнем кадре сообщения.

– Ходячий утиль! – высказался Унт Дорон в адрес хозяина Свободного региона созвездия Согнутого Пальца. – Астронавты Звездного Флота – шавки Империи! Переплавить бы тебя на лобзики...

– Может, он просто ничего не знает о падении Империи? – спросил Рониен.

– Он все знает, просто ненавидит нас не меньше, чем имперских инквизиторов! – презрение жило в каждом слове лейтенанта.

– Это многое объясняет... А что значит: «Офицерам – тридцать часов»? – принц спрашивал быстро, чувствуя, что сейчас время действительно дорого.

– Обещает убить не раньше этого срока. Кстати, избавления от пыток мораторий на смертную казнь не предполагает. А после всех издевательств пираты устроят «суд» – отвратительный фарс, во время которого у жертв нет шансов, даже теоретически, хотя бы получить слово.

– И все же это возможность избежать смерти... – тихо сказал принц.

Унт удивленно воззрился на Рониена. Он внезапно понял, что тот всерьез рассматривает вариант сдачи корабля.

– Вы с ума сошли?!

– Заглушайте двигатели, – перебив командира крейсера, вдруг жестко потребовал принц.

– Да вы что, Рон?!

– Мощность нашего поля уже четырнадцать процентов, – это был весомый аргумент. –

И к тому же сейчас...

– Гиперпереход невозможен, – вновь голос одного из операторов перекрыл общий гул. – Запущен второй цикл активации двигателей...

– Вот видите: еще пять минут мы не продержимся, – принц говорил негромко и веско.

– Сдадимся – нас все равно убьют!

– И все же наверняка вы этого не знаете. А ведь мы уже ничего не можем изменить, – Рониен пристально посмотрел в глаза лейтенанту. – Просто поверьте мне! И вместо того чтобы высчитывать, какое из зол меньше, лучше загляните в себя и подумайте: что для вас сейчас важнее всего?..

Мысли Унта метались без всякого смысла («...Верить?..»), как сумасшедшие радужные бабочки («...Важнее всего?..»), и он готов был уже согласиться на все, что угодно («...Шанс?..»), как вдруг...

– Есть! – радостно воскликнул капитан. Рониен и Унт Дорон разом повернули к нему головы...

...Дин Рейсс не сразу стал капитаном новенького боевого крейсера: первые несколько лет после окончания высших курсов Академии он командовал «Кориолисом», старым имперским линкором – точно таким же трехкрылым красавцем, как тот, что возглавлял сейчас пиратскую эскадру. От Империи в линкоре осталось только железо, а начинка, давно устаревшая или вышедшая из строя, была заменена: благо, вся современная техника Федерации была совместима с имперской... Вернее, почти вся. В третьей четверти корпуса корабля, как раз там, где крылья крепились к фюзеляжу, генераторы силовых полей имели особую вогнутую форму. Ни на одном корабле Федерации таких не использовали – поэтому их нигде и не производили. Вогнутые генераторы были самыми мощными из созданных имперскими техниками, и двадцать лет назад супервайзоры Федерации решили, что и так сойдет. А тем временем даже на самых старых кораблях древние громоздкие пульсаторы заменили на новенькие мощные фазоры... Дина всегда беспокоила эта Ахиллесова пята «Кориолиса»: стоит подавить общее силовое поле, чуть ослабить рефлекторы – и в щите образуется узкая, но очень неприятная брешь, а прямо под ней – сердце корабля, реактор, ведь разработчикам линкора именно это место казалось наиболее защищенным...

– Есть! – повторил Дин и захохотал. – Прямо в реактор, бейтамский архидьявол меня раздери!

Дорон и Рониен разом повернули головы к сканеру: на месте гигантского пиратского флагмана клубился сонм мельчайших обломков...

– Флагман противника уничтожен, – голос оператора не оставил сомнений в том, что сделан первый шаг к победе.

– Точнехонько в твой трижды проклятый реактор! – капитан позволил себе еще одно мгновение триумфа и, тряхнув бородой, взял себя в руки. – Рассредоточить огонь по всем кораблям противника; цель – подавление оружейных точек...

Лицо Унта загорелось мгновенной радостью:

– Через четыре минуты мы уйдем!

Принц ничего не отвечал, он стоял и смотрел на него, такой нелепый со своим мечом, и такой невероятно, невозможно уверенный. В глазах лейтенанта промелькнула паника:

– Они не простят нам гибели флагмана. Да и Тедди Бёр, скорее всего, был на нем – значит, ультиматум недействителен... И вообще нельзя верить пиратам!

– Мощность тылового рефлектора семь процентов... – голос оператора – волнение.

«Как странно, – отрешенно подумал Унт, разглядывая Рониена. – Этот экзальтированный рыцарь как будто убеждает меня в превосходстве логики фактов перед надеждой».

– Что для вас важнее всего? – тихо повторил принц.

И в этот момент хаос в голове лейтенанта прекратил вращение; мысли-бабочки обернулись мозаикой, в которой не хватало лишь одного элемента; Унт Дорон сделал свой ход. Так все встало на свои места.

– Капитан! – Дин Рейсс мгновенно обернулся на зов. – Заглушить двигатели, прекратить огонь. И немедленно прервать процедуру гиперперехода.

Голова Унта склонилась, и капитан не видел его глаз; зато принц видел, как исказилось лицо у Дина:

– Да это... это измена... – яростно прошипел он. – Охрана! – два гвардейца, стоявшие неподвижно, словно изваяния, даже во время тряски, у дверей мостика, тут же повернули бездонно-черные забрала шлемов в сторону капитана – волки, почуявшие добычу. – Немедленно арестовать лейтенанта...

– Не надо, – все таким же тихим, но еще более твердым голосом прервал его принц. Капитан замолчал, переведя огненный взгляд на Рониена; взор принца был холоден, как мрак за бортом; и во внезапно наступившей тишине...

– Мощность тылового рефлектора два процента! – закричал оператор; и вдруг не выдержал, сорвался, – капитан, надо что-то делать!

– Мы уже проиграли, Дин, – наконец заговорил Унт Дорон. – А значит, сейчас самое главное – сохранить жизни наших людей.

– Наших?! – зарычал Рейсс. – Это мои люди, а не твои, сосунок!

(– Поле пробито, включена поляризация корпуса...)

– И все они – настоящие солдаты, способные отдать свою жизнь за... – капитан задохнулся. – В отличие от тебя, трусливый предатель!..

Он хотел кричать что-то еще, но тут корабль тряхнуло так, что даже антигравитационные стабилизаторы не смогли полностью поглотить внезапное ускорение.

На мостик снова посыпались сообщения операторов:

– Множественные повреждения корпуса...

– Разгерметизация в седьмом блоке...

«Седьмой блок – жилой, – автоматически «вспомнил» принц. – Слава богу! Сейчас там никого нет: все на боевых постах...»

Воображение принца живо нарисовало ему пугающую картину: сквозь пробитые бронешиты корпуса вырывается в беспредельность абсолютной свободы воздух, и плавают под ударами мощных фазоров внутренние переборки, неспособные выдержать даже направленный выстрел из простого ручного бластера.

Жилые отсеки расположены по внешнему контуру корабля, окружая жизненно важные узлы дополнительным барьером. Еще несколько секунд, и всепроникающие жестокие лучи ворвутся в машинное, в оружейную, в блок жизнеобеспечения... пока не нащупают в глубине распотрошенного брюха полумертвого корабля реактор; осталось всего несколько секунд – и в космосе родится еще одно маленькое солнце...

– Двигатели – стоп. Прекратить огонь... – голос Дина Рейсса вырвал принца из его безнадежных грез. – И прервать процедуру... – капитан сглотнул, – гиперперехода.

Рониен пристально посмотрел на него, но Дин опустил глаза, побежденный с двух сторон разом – непримиримым роком и такой непонятной нестигаемой волей...

Несколько секунд молчали все; перестали пикать зуммеры мониторов; исчезли голоса операторов. Пока, наконец...

- Четыре процента мощности тылового рефлектора!
- Лучевые атаки противника прекращены!
- Отмена торпедной опасности – ракеты отозваны...

Но трое на мостике еще некоторое время молчали. Гвардейцы вновь замерли, одинаковые, будто вылитые в одной и той же форме.

– Мы все только что сделали страшную глупость! – вдруг с облегченным отчаянием выдохнул капитан. Он достал из внутреннего кармана кителя гигантскую толстую сигару и нервно закурил. Унт Дорон все еще не поднимал головы. – Красивая и славная смерть – не так уж и плохо... А главное – быстрая! – уколол он взглядом принца. – Теперь можете готовиться к тщательному расчленению в кипящем масле.

– Да хранит нас Великий Разум... – прошептал Унт.

И вновь раздался требовательный голос оператора:

– Входящее сообщение!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Ай. Яй. Яй, – Тедди Бёр практически не обладал возможностями мимики, поэтому заменял ее богатым арсеналом интонаций. – Вы уничтожили это старое имперское корыто. Как это здорово вы догадались, что именно там размещен «Невод»! Какие вы умные! Ой, но «Невод» почему-то не отключился? Почему же, почему это вдруг? А, может, его *просто не было* на флагмане?! Что, неужели мне одному смешно?! Ладно, раз у вас нет чувства юмора – открывайте ворота ангара и ждите гостей! А, чуть не забыл! Каждый, кого мои парни застанут с оружием в руках (кухонные ножи, бананы и пляжные полотенца включены в список), будет немедленно размазан тонким слоем по большому куску железа – называется пол. Готовьте шампанское, ребята, я скоро!

На экране вновь повис последний кадр изображения. Дин Рейсс включил общекорабельный интерком:

– Говорит капитан, – такого голоса у Дина принц еще не слышал. – «Катрин VII»... захвачена пиратами. Всем офицерам немедленно собраться в операционном зале. Матросам, мичманам и техникам – сложить оружие и не сопротивляться. Повторяю еще раз: ни в коем случае не предпринимать попыток к сопротивлению! Тогда останетесь живы... Держитесь: Федерация не оставит это дело просто так; о вас не забудут. Простите меня, ребята, что втравил вас в это... – потом он вернулся к основному пульта и скомандовал оператору внутренних коммуникаций:

– Открыть ворота ангара...

– Рон, ваш персональный терминал разбит! – вдруг поразился Унт Дорон.

– Правда? – принц взглянул на браслет. – А я и не заметил... Наверное, ударился об эфес меча во время тряски: никак не могу привыкнуть к этой штуке... Мне жаль, что я так невнимательно отнесся к вашему подарку.

– При чем тут «жаль»? Даже не представляю, что бы я делал без своего терминала... В нем ключевой модуль связи: в воротник вшиты только микрофон и динамик, а вся начинка – в браслете. Здесь же и основные базы данных, хронометр... кстати, и универсальный переводчик! Не представляю, как без него можно жить...

– Мне понятна эта ваша привязанность. Власть вещей велика... – согласился принц и любовно погладил эфес меча. – Наверное, жители всех миров похожи в этом друг на друга. Магистр Илукар говорил, что такова природа человека, и дело вовсе не в жадности...

– Конечно, дело не в жадности! В нашем мире вы не сможете выжить без персонального терминала так же, как в своем не могли без меча! – перебил его Унт.

– ...а в стремлении разделить все в мире на «свое» и «чужое», – неестественно спокойно договорил принц. – В желании либо любить, либо ненавидеть, ведь равнодушные – худшая из человеческих черт. Но тут мой учитель видел ошибку: любить можно лишь то, что способно в ответ любить или ненавидеть тебя. Именно поэтому человек не может по-настоящему владеть ни одной вещью: из-за своей любви он никогда не предаст ее, а предательство с ее стороны посчитает собственной слабостью. Эта любовь – любовь раба к господину.

– Прекрасные слова! – мрачно усмехнулся капитан. – Прекрасные – пока не дойдет до дела! А на деле человек без своих «протезов» – просто голый задохлый червяк. И любая полуразумная мокрица, успевшая, без всяких философствований, обзавестись бластером, в мгновение ока поставит его на колени.

Наверное, принц хотел сказать что-то еще (а может, собирался всерьез подумать над ответом), но только недолгая пауза, предоставленная им троим, миновала, и Унт Дорон в ужасе понял, что последние минуты своей жизни потратил не на выработку плана спасения, а на совершенно бессмысленный спор...

Пустое пространство операционного зала перед мостиком заполнялось людьми: три супер-майора (командир службы внутренней охраны, десантник и суперкарго), майоры, субмайоры и лейтенанты... всего сто восемь человек.

– Сразу к делу, – повернулся к ним капитан. – Вряд ли кто-либо из нас останется в живых. Но за сохранность жизней ваших людей я отвечаю – во всяком случае, тех, кто не станет сопротивляться...

– Мои ребята забаррикадировались в отсеке, – перебила его Лира Тайрэн – супер-майор десантного батальона. – Рогатые кошки никогда не терпели поражения в бою и никогда не сдавались в плен!..

– Значит, все они погибли, – Дин не дал ей договорить. – Их оглушат ультразвуком прямо через стены, а потом перережут без усилий и риска. Вот так, Лира! Сейчас каждый из них решает за себя – жить ему или умереть...

– Жить в позоре или умереть в славе! – снова перебила его Тайрэн.

– Жить, подвергаясь тяжким испытаниям, или умереть глупо и бесславно! – Дин впился в десантницу огненным взглядом; но огонь встретился с огнем. – И хватит об этом!! Вашим людям дан шанс – выжить и стать рабами; вы знаете, что это такое, и, надеюсь, не питаете иллюзий. Но есть кое-что, чего вы не знаете: в двух-трех днях пути отсюда адмирал Нир Кирд с целым флотом тяжелых кораблей. Если он обнаружит пиратов, пленники станут заложниками – и их почти наверняка удастся выкупить, вместе с кораблем, кстати. У нас же с вами, господа, перспективы не столь радужные. Офицеры получают тридцать часов пыток и издевательств, а в итоге – почти неизбежную смерть...

– Не стоит так бояться смерти! – вдруг чистым и ясным голосом заговорил Рониен. – Мы сможем избежать ее! – сто десять голов повернулись к нему; сто девять их обладателей был удивлены, один – а ярости. – Пираты не враги нам! Они заблуждаются, и я сумею убедить их в этом. Я видел взгляд Тедди Бёра, и в нем такая... мне надо будет поговорить с ним всего несколько минут, и тогда останется лишь... – принц не сумел договорить: тяжелый кулак капитана врезался ему в скулу. Рониен отлетел в угол мостика и стукнулся головой о кожух многофункционального анализатора. Оглушенный, он не сразу смог встать.

– Ты еще будешь тут разевать рот, сопляк! – взревел Дин. – Из-за твоей чертовой глупости я потерял корабль и людей!

– Спокойнее, капитан, – Унт Дорон встал между ним и Рониеном.

Дин зарычал и попытался схватить лейтенанта за грудки; тот увернулся и отскочил на полшага, приняв боевую стойку.

– Да прекратите же! – крикнул Унт.

Но капитан не собирался сдаваться так просто:

– Держись, молокосос... – процедил он, вырвал у одного из мониторов трубку интерполятора и замахнулся этим увесистым оружием...

Но нанести удар не успел: плевков плазмы сжег ему предплечье и затылочную часть головы; мертвое тело бросило в объятия одного из гвардейцев-охранников.

– Не смей калечить моих пленных! – принц пока еще только поднимался на ноги и не видел того, кто произнес эту фразу; но голос вспомнил сразу же. – И я не понял: почему у вас у всех в кобурах оружие?!

Рониен увидел, как гвардейцы-охранники бросают на пол свои тяжелые двуручные плазмометы – и поднимают вверх руки. Один из бластеров упал прямо на изувеченный труп капитана. Принц никогда в жизни не видел такой глупой и бессмысленной смерти; он еще не мог поверить, что этот дымящийся комок мертвой плоти – все, что осталось от Дина Рейсса.

Наконец, Рониен поднялся на ноги, чуть пошатываясь (в голове гудело). Пираты быстро заполняли операционный зал.

Бластер, зажатый в одной из металлических «рук» Тедди Бёра, стоявшего у выхода из зала на четырех металлических же ногах, все еще был устремлен в сторону мостика – так же как и его единственный живой глаз. Зато второй глаз, выдвинувшись из глазницы на кронштейне, рыскал взглядом по всему залу. Адмиральская фуражка гордо сидела на его титановой голове.

– Упс! – вновь заговорил чифтэн, закончив осмотр помещения. – Кажется, я убил капитана! Надо же, как не повезло бедняге. Кстати, если кто не сразу понял, бедняга – это я! Должен же я был принять из рук кэпа ключи зажигания, или свисток, или что там полагается. В конце концов, я ведь захватил ваш корабль! И требую совсем немного – лишь свои законные лавры победителя.

В голове Рониена мешались гул от удара, зарождающаяся скорбь из-за внезапной смерти Дина и удивление: таких существ, как те, что набивались сейчас в операционный зал, он еще никогда в жизни не видел!

Начать с того, что не все пираты были людьми: особенно поразили принца глаз на ножках (сам глаз был размером с хорошую тыкву, а ножки – тоненькие, словно игрушечные) и существо, больше всего похожее на маленькую дождевую тучку. Были тут гигантские двуногие звери, мохнатые, с когтистыми лапами и вытянутыми клыкастыми мордами; фиолетовые пузатые малыши с крылышками, что мелькали туда-сюда так быстро, что глаз не успевал уловить их движений; постоянно меняющие цвет крупные ящеры, ползающие по стенам и потолку, с тяжелыми бластерами на спинах... – и, конечно, люди, покрытые с ног до головы татуировками, в пестрой одежде, с самыми невообразимыми имплантатами (вроде третьей руки, растущей из лба, или шести дополнительных механических ног, превращавших их владельца в подобие гигантского паука).

Офицеры медленно доставали оружие и осторожно клали его на палубу. Механическое око Тедди внимательно следило за ними, перебегая с одного на другого – и вдруг замерло, уставившись на Лиру Тайрэн.

Десантница стояла ровно, не сводя глаз с пиратского адмирала, ее правая рука замерла над покоящимся в раскрытой кобуре бластером.

Тедди восхищенно повернулся к ней всем своим сложным телом; в лоб Лире смотрел ствол, сегодня уже выплюнувший из себя одну смерть.

Принц внимательнее взгляделся в лицо женщины, что не желала уступить силе, – худое, с выдающимися скулами; коротко стриженные светлые волосы (что у них за мания в этом мире – стрижься так коротко!); почти бесцветные брови и ресницы – Лира не удостаивала сделать даже самую простую косметическую операцию, предпочитая естественный цвет любому украшательству; когда-то прямой нос, сломанный не меньше чем в трех местах; холодные голубые глаза, исполненные ненависти.

– Давай, красавица, доставь мне удовольствие! – весело крикнул Тедди. – Давно мне не приходилось играть в дуэль, да к тому же с бабой!

Рониен увидел в глазах Лиры непререкаемую уверенность. «Она же правда сделает это! – ужаснулся он. – Еще одна бессмысленная смерть...»

– Нет, – тихо сказал принц и, опершись рукой об один из мониторов, спрыгнул с мостика в операционный зал. – Не надо, Лира!

Женщина перевела на него удивленный взгляд.

– Не перечьте ему, прошу вас! – Рониен протянул к ней руку в умоляющем жесте. – Через минуту все закончится...

Но договорить принцу не дали: голубой чешуйчатый хвост сбил его с ног, а когтистая лапа мохнатого зверя мгновенно вырвала из его кобуры бластер. Тут же молниеносно спикировавший фиолетовый амурчик обезоружил Лиру.

– Бездушная Тегзан! – выругался принц, второй раз за минуту поднимаясь на ноги.

– Бейтамский дьявол! – выругалась Лира. – Ты зачем помешал мне?! И кто ты вообще такой?..

Пираты не теряли времени: они деловито собирали разложенное по палубе оружие и одному за другим сковывали своим пленникам руки электронными кандалами.

– Ну вот и все веселье, – огорченно сказал Тедди и спрятал бластер куда-то в недра своего механического тела. – Похоже, тут у нас собралось все офицеры... Мистер Бока! – чифтэн обернулся к гуманоиду с огромной зеленой головой, снабженной длинным хоботом, вокруг которого в кучку собрались два злобных красных глазика. – Всех пленных в чине от супер-сержанта и ниже – переправить в казематы на «Кальмаре». Проследите.

Мистер Бока хрюкнул что-то в ответ, развернулся и принялся отдавать приказы толпе киборгов.

– А вами, сударики мои, Плюшевый Медведь займется лично! – Тедди Бёр оглядел согнанных в одну кучу офицеров крейсера.

Тем временем руки принца завели за спину, большие пальцы его сцепили захватами, соединенными короткой цепью. Оглядев его форму без знаков различия, пират с пламенным ирокезом на покрытой шрамами голове и протезом-клешней вместо левой руки, видимо, принял его за младший чин – и погнал к группе операторов, которых как раз строили в колонну, чтобы вывести из операционного зала по направлению к ангару.

– Подождите, вы не поняли... – заговорил принц, но давешний пират с ирокезом только толкнул его в спину, подгоняя. «Если меня выведут из зала, я уже ничего не смогу изменить!» – подумал принц, ужаснувшись стремительности, с которой развивались события.

– Мистер Бёр! – принц попытался перекрыть шум, царивший в операционном зале – топот ног, жужжание крыльев и сотни голосов. – Чифтэн Тедди Бёр, это очень важно! – на сей раз толчок в спину оказался намного чувствительнее, и Рониен понял, что пиратский адмирал, даже если услышит его – не обратит на его зов никакого внимания. Стремительно меняющаяся обстановка – и ни одной лишней секунды, чтобы дать вызреть решению... В последний момент принц заметил в толпе офицеров знакомое лицо:

– Унт! – закричал он, что было сил. – Не дайте им увести меня, иначе все пропало!..

Унт Дорон все еще стоял на мостике и видел, как принца уводили, приняв за рядового матроса, и хотел уже порадоваться за него – все-таки Рониену удастся сохранить жизнь. Он слышал его зов, видел, как принц ринулся в его сторону; видел и то, как теперь два киборга в семь рук жестоко избивали его – а он все кричал что-то и вырывался... И вдруг у лейтенанта словно лампочка зажглась в голове: «Так у парня с самого начала был план!» – догадался он.

– Согласен, с кэпом получилось как-то нехорошо, – Тедди продолжал тем временем разливаться в приступе красноречия. – Но должен же у вас остаться какой-нибудь другой главный? Эй, командир, отзовись!

«Как нельзя вовремя», – подумал Унт.

– Его как раз сейчас калечат ваши люди! – воскликнул он. – Это вон тот парень, он принц Ложи Равновесия Сената, – лейтенант мотнул головой в сторону Рониена, так как его руки тоже были сцеплены за спиной.

– Кто это там калечит принца?! – шутливо возмутился пиратский чифтэн. – Мистер Бока, разберитесь!

(– Еще один принц?.. – удивленно пробормотала Лира.)

Мистер Бока прохрюкал что-то паре амурчиков, те метнулись в сторону Рониена, вереща пронзительными голосками, и вскоре принц, весь покрытый синяками и ссадинами, предстал пред мутное око Тедди Бёра.

– Где я тебя видел?.. – уставился он на пленника, который пытался слизнуть струйку крови, сочившейся у него из носа. – Ах, это ты сейчас тут распрыгался и сорвал мне дуэль! Куда вы его тащили, кретины, видно же, что это как минимум офицер!.. Или нет? Приятель, кто ты такой, и какого керзода ты делал на мостике?

– Я действительно принц, и меня зовут Рониен, – негромко сказал принц Рониен; спокойствие вернулось к нему: дальше все пойдет так, как нужно. – На мостике я помогал капитану в управлении кораблем. И это я посоветовал ему сдаться.

(Принц слышал, как сразу несколько офицеров корабля произнесли какое-то слово, которого не было в солярианском языке: во всяком случае, обучающая машина не сообщила его Рониену; однако слово это, несомненно, прозвучало именно в его адрес.)

– Ух ты! Спасибо за подарок. Я давно мечтал о новеньком, с иголки имперском крейсере! Кстати, я уже говорил, что сегодня у меня День рождения?

(Слово «имперский» вызвало у офицеров зубовой скрежет.)

Рониен смотрел в болезненный желтый глаз Тедди; да, ошибки быть не могло.

– Корабль не достанется вам, мистер Бёр, – тихо и даже печально, но твердо сказал он.

– Ха. Ха. Ха, – раздельно произнес чифтэн: он был лишен возможности смеяться по настоящему. – Хоть один пленник с чувством юмора. Продолжай, – Рониен видел, как метнулся глаз, прочел на его поверхности сомнение – и снова увидел глубоко на дне...

– Корабль нужен нам, чтобы преследовать зло, грозящее всему вашему миру, – в тихом голосе Рониена было все больше печали; вряд ли в этот момент слова его можно было назвать убедительными.

На этот раз ответу чифтэна предшествовала небольшая пауза.

– С чего ты взял, что это вообще меня волнует? – сказал он, и принц увидел, как неожиданная надежда, которую Тедди Бёр нашел в его голосе, вытолкнула затаенное на самую поверхность души. Боль.

– Потому что это соломинка, за которую ты еще можешь ухватиться, – прошептал Рониен. – А будет ли другая такая в твоей жизни? Помоги нам – и *она* утихнет. Хотя бы немного.

Боль сверкнула яркой звездой. И исчезла, словно бабочка, спорхнувшая с цветка. Как будто никогда ее и не было.

– Ты мне надоед, – чифтэн отвернулся от принца. – Мистер Бока, всех офицеров – в тюремный блок этого крейсера.

Зеленый слон что-то вопросительно хрюкнул в ответ.

– Ты прав, летать на посудине без названия не годится! Но у меня уже есть подходящее имечко для моего нового флагмана: «Беглый ветер». И я хочу, чтобы эта кодла томилась в его тюремном блоке. Исполняйте, мистер Бока! А я пока осмотрю грузовой отсек и камбуз: надеюсь, на этой развалюхе найдется приличное вино!

Мистер Бока снова что-то прохрюкал, махнув хоботом в сторону принца.

– Ничего интересного, в тюремный блок вместе со всеми, – небрежно ответил Тедди. – Больше нет вопросов?

Красноглазый слон утвердительно всплеснул ушами и принялся отдавать приказания.

Тедди Бёр, здрав квадроподы, на которых стоял до этого, опустил на три маленьких колесика и покатил вон из операционного зала; не оглядываясь. Мистер Бока и большая часть пиратов вышли следом за ним. Операторов и гвардейцев-охранников вывели минутой раньше. В зале, помимо ста десяти пленников, осталось около тридцати вооруженных до зубов пиратов.

– Не может быть... – прошептал принц обреченно. – Я не мог ошибиться; это читалось так явно...

«О чем я думал?! – пронеслась в его голове яркая, все опаляющая мысль. – Ведь это совершенно другой мир, и к чему тут мое знание человеческих душ? Да и человек ли он вообще?..»

Принц облизнул губы; соленое. В тот же миг нахлынула небывалая усталость, и заболело избитое тело. «Но ведь я же видел! Это было ясно, как дневной свет!.. – и тут же горько усмехнулся своей глупой надежде. – В мире, где солнца всех цветов радуги рождаются и умирают каждый миг».

– Вперед! Пошли! – закричала пиратка в сексапильно обтягивающих ее тело блузке и шортах из змеиной кожи, в высоких сапогах до колена. – Шевелитесь, имперские шавки! – в руке ее взметнулся верткий бич; ближайший к ней офицер вскрикнул – форменный комбинезон у него на плече оказался разрезан, словно бритвой, и по щеке протянулась кровавая полоса.

Принц шел вместе со всеми, не обращая внимания на то, что творилось вокруг; он погубил сто человек, заставив Унта и Дина отправиться в погоню за Черной Тенью. И стал причиной страданий еще полутора тысяч. И уже ничего не исправить... Какой бессмысленный, бездушный мир!

– Я не знаю, кто вы... – услышал он тихий шепот у самого уха. – И откуда вы взялись. Я Пат Дибан, командир службы внутренней охраны крейсера в чине супер-майора, – принц повернул голову. Мужчина средних лет смотрел на него с безумной надеждой в глазах и плохо скрываемой улыбкой на лице. – Не знаю, как вам это удалось, но, похоже, вы спасли нас! В тюремном блоке «Катрин» десять камер, надо сделать так, чтобы в каждую попал хотя бы один офицер внутренней охраны; считая со мной, нас четырнадцать человек – не такая сложная задача... Вы знаете кого-нибудь в лицо?

– Только лейтенанта Дорона, – ошеломленный словами этого нового знакомого, проговорил Рониен.

– Держитесь к нему поближе... – прошептал Пат Дибан и протиснулся дальше.

– Получается как раз по одиннадцать в камеру, – сказал восьминогий киборг, обращаясь к пиратке с бичом.

– Прекрасно, пихайте этот сброд по клеткам! – презрительно процедила она. – Поставишь по человеку у каждой двери, плюс ты и еще двое – будете топать вперед-назад типа патруль. Остальные могут гулять.

– И почему именно мне всегда достается грязная работа?! – ругнулся «паук», когда «дьяволица» смоталась из тюремного отсека. – Как раз когда появился шанс раздобыть сносный модулятор потока для...

Для чего именно хотел пират раздобыть сносный модулятор потока, Рониен уже не услышал: глухая дверь камеры закрылась, и он, Унт Дорон и еще девять офицеров оказались запертыми в совершенно пустой тюремной камере.

– Здесь что, даже скамеек нет? – удивился принц.

– Здесь все есть, Рон! – Унт не мог сдержать своей радости. – Похоже, тебе удалось совершить чудо.

– Я уже слышал это от какого-то офицера охраны, – принц радости Унта не разделял.

– И услышишь еще не раз! – лейтенант задрал одну ногу кверху пяткой, глядя через плечо, хитрым нажатием сдвинул в сторону каблук ботинка и достал из него универсальную отмычку. Через пару секунд руки Унта были свободны; еще пятнадцать секунд – и одиннадцать человек потирали свои затекшие большие пальцы.

– Запереть офицеров внутренней охраны в их же камерах – то же самое, что бросить шигунийского зайца в куст маниосуса! – расхохотался Унт и похлопал принца по плечу.

Унт подошел к незаметной кнопке в углу и нажал на нее; одна из стальных панелей совершила разворот на сто восемьдесят градусов, и в камере появился терминал.

– Это стандартный терминал управления койками и туалетом, сделанный для удобства заключенных, – говорил Унт Дорон, непрерывно тыкая в разные опции активной панели. – Но офицеры внутренней охраны, естественно, знают секретные коды и пароли, которые могут (еще чуть-чуть!), например, обмануть камеры слежения... А ведь пираты не только не обыскали нас, но даже не забрали персональных терминалов!

– И мой меч, – обескураженно заметил принц. – Ты хочешь сказать, что мне все-таки удалось?..

– Не знаю, мог ли ты сделать больше; разве что попросить Тедди заодно вернуть нам оружие... Наши тюремщики наблюдают за нами при помощи скрытых камер слежения, – продолжал Унт, подсоединяя персональный терминал к терминалу управления камерой. – Запускаем программу модуляции изображения – и они будут видеть компьютерную анимацию на основе последнего кадра, например, вот этого... готово! Теперь мы можем делать здесь, что захотим – эти кретины в жизни ничего не пронюхают!

– И Тедди Бёр знал обо всем этом?

– Или он намеренно вытряс из своей ржавой башки память, во что не очень-то верится – или знал; сто процентов знал! Почему, ты думаешь, он так ненавидит Империю? – лейтенант продолжал копаться в лабиринтах компьютерных меню, то и дело вводя логины и пароли. – Он же был офицером внутренней охраны на крейсере, том самом, что мы сегодня взорвали. Поднял восстание, после того как имперские кибернетики-коновалы «поиграли» с его телом и разумом и превратили в это чудовище. А устройство пенитенциарных систем на крейсерах с тех пор почти не изменилась, разве что исчезли камеры пыток.

– Унт! А ты уверен, что знаешь, что делаешь? – взволнованно спросил один из офицеров.

– Даже не сомневайся, Гин! – Унт выбрал последнюю опцию на активном мониторе, и в потолке камеры бесшумно открылось окно.

Лейтенант достал из сумочки на поясе круглую коробочку – рулетку, вытащил из нее край ленты; прицелился, вытянув руку вертикально вверх. Тихо клацнув, рулетка выстрелила, и край ленты прилепился к потолку под самым окном. Унт опустил рулетку примерно на уровень колена, щелкнул встроенными в нее кусачками – и спрятал коробочку с остатками ленты в карман. Потом, схватив нижний край ленты, он сначала надорвал ее вдоль – а потом резко дернул, расширяя разрыв. Лента разделилась на две тонкие полоски, отстоящие друг от друга чуть меньше, чем на полметра; полоски были соединены между собой рядом поперечных ниток – на расстоянии тридцати сантиметров друг от друга.

Веревочная, вернее, «ниточная» лестница, похоже, была сделана на основе нанотехнологии – получив начальный импульс вниз, дальше лента сама разрывалась на нужное расстояние, выстраивая поперечные «планки»; на самом верху правая часть ленты (та самая, за которую дернул лейтенант) оторвалась от потолка, отскочила в сторону, выравниваясь на ширину лестницы, и снова прилепилась к потолку.

– Добро пожаловать в систему вентиляции «Катрин VII», господа! – воскликнул лейтенант и первым полез вверх. – Кстати, нитки очень тонкие, так что обнаженными руками советую не хвататься – порежетесь.

Принц полез следом за Унтом, удерживаясь за «перекладины» не ладонями, а локтевыми сгибами. Вскоре голова его поднялась выше уровня потолка, проникнув в вертикальную вентиляционную шахту; в одну из стенок шахты были вмонтированы узкие горизонтальные скобы – путь наверх. Рониен полез дальше, следом за лейтенантом.

Вертикальная шахта перешла в горизонтальную, узкую и низкую – около метра в каждом из измерений, – уже заполненную движением: офицеры выбирались из камер и все следовали в одну сторону, передавая по цепочке команды от Пата Дибана.

– Куда мы движемся? – спросил Рониен Унта, рядом с которым полз на коленях; ножны с мечом гулко стучали по полу и стене шахты.

– Как я понимаю, к ангару. Наверное, Пат рассчитывает захватить какой-нибудь из пиратских десантных кораблей...

– И у нас будет шанс спастись?

– Да, если пираты отключили «Невод».

– А если не отключили?

– Это маловероятно! Ведь «Катрин VII» от них уже не вырваться, а эта штука жрет дьявольскую прорву энергии... Кстати, активировать «Невод» – дело долгое, а небольшой корабль уйдет в подпространственную брешь намного быстрее огромного крейсера, может хватить и минуты.

Через какое-то время гусеница из сотни человек остановилась, и к Унту с Рониеном по цепочке пришла просьба от Пата Дибана:

– Кто обладает хорошими навыками рукопашного боя – продвигаются вперед, – громко прошептала миловидная девушка, что оказалась перед лейтенантом.

– Это для десантников, Рон, – уныло сказал Унт. – Передай дальше.

Вдруг принц усмехнулся – и почувствовал, что к нему наконец-то пришло радостное осознание: удалось! Несмотря ни на что, удалось! Значит, не так уж сильно отличается этот мир от его родного. Все просто: решить и решиться – это только полдела. Здесь нужно еще и успеть...

– Прижмись к стенке, Унт, и пропусти кое-кого с навыками рукопашного боя, – весело сказал Рониен. – Не знаю, как насчет десантников, а мой-то меч здорово заскучал по доброй схватке!

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ангаре «Катрин VII» было три причала: у одного из них стоял шаттл, на котором несколько дней назад прилетел Нот Мэйден; еще два были заняты пиратскими десантными кораблями. Эти посудины, как и сами пираты, были похожи на чокнутых клоунов, сбежавших из сумасшедшего балагана: размалеванные скабрёзными надписями, со множеством бесполезных, но довольно жутких шипов и кронштейнов, ферм и острых серпов, приваренных по всей обшивке как попало.

Корабли висели у причалов, поддерживаемые силовым полем, а на погрузочной платформе перед ними высились штабеля ящиков и контейнеров. Четверо пиратов за пультами гравипогрузчиков вяло перетаскивали награбленное внутрь десантных кораблей. Еще десятка полтора слонялись туда-сюда по платформе, изображая охрану.

Рониен, Пат Дибан и Лира Тайрэн, прижатые друг к другу, как кусочки рыбного ассорти в вакуумной упаковке (что неожиданно порадовало принца), выглядывали из верхнего вентиляционного хода.

– ...Надеюсь, пираты не скоро почувствуют духоту: чтобы нам здесь ползать, мне пришлось отключить нагнетатели воздуха в половине вентиляционных шахт, – сказал Пат.

– А где пленные матросы? – вдруг дошло до принца. – Ведь на крейсере всего один ангар!

– Их уже отправили, – покачал головой Пат. – Эти два бота вошли в ангар всего несколько минут назад, пока вы добирались сюда по шахте.

– По-моему, все ясно, – вступила в разговор Лира. – Перебьем охрану, захватим корабли – и смыаемся отсюда...

– Может, лучше подождать? – задумчиво предложил Пат. – Большая часть этих пиратов, похоже, просто слоняются тут без всякого дела, и могут в любой момент убраться из ангара. Зачем выставлять охрану на захваченном корабле?

– Если космические пираты хоть чуть-чуть похожи на бандитов моего мира, то эти «бездельники» – все же охрана, – покачал головой Рониен (что было не так-то просто сделать в тесноте вентиляционного хода). – Стерегут добро шайки от собственных поделщиков: на случай, если те перепьются и захотят начать дележ добычи раньше времени.

– Значит, придется все же драться... – пробормотал супер-майор внутренней охраны.

– Отсюда все, конечно, видно, как на ладони, – Лира перешла к делу. – Но нападать через этот ход – чистое безумие. Один пират с бластером пережжет нас всех.

– Есть три выхода вентиляции уровнем ниже, – обнадежил ее Пат. – Кстати, правый сейчас как раз скрыт контейнером...

– Это хорошо, но нападать все равно придется из всех трех нижних точек проникновения. Пат, вы отсюда будете сообщать разведданные: настроим передатчики терминалов на один канал.

– Сколько всего людей? – спросил принц.

Лира смерила его не очень приятным взглядом – насколько это было возможно в условиях узкой вентиляционной шахты.

– Семь офицеров-десантников, включая меня, еще двое добровольцев из внутренней охраны, неплохо владеющих рукопашным боем... и ваше высочество.

– Значит, десять человек, – заключил принц. – Шестеро спрячутся за контейнером; потом четверо – по двое на каждую из оставшихся точек проникновения – привлекут внимание пиратов. И основная группа получит пару секунд преимущества.

Рониен даже не заметил, что по привычке взял на себя решение тактической задачи. Лире оставалось только спросить:

– И как же эти четверо привлекут к себе внимание противника?

– Нападут на него, как же еще? – спокойно ответил принц. – Дайте мне одного человека, и я спускаюсь к центральному выходу.

Наконец, Лира Тайрэн не сдержалась:

– Кто дал вам право распоряжаться здесь?!

– Агент Ложи Равновесия Унт Дорон, – ровно сказал Рониен. – Или вы не помните?

– Скажите еще, что вы сами – принц Ложи! – фыркнула Лира.

– Что поделать, если я и правда принц? – немного слукавил Рониен.

– Не цепляйся к нему, Лира, – примирительно сказал Пат Дибан. – В конце концов, он действительно знает, что делает.

Лира Тайрэн недобро дернула головой:

– лейтенант Дик Сайер!

– Слушаю, мэм, – раздалось откуда-то из-за их спин.

– Твой терминал работает?

– Да, мэм.

– Переключи передатчик на четырнадцатый канал и следуй за его высочеством. Кстати, насчет канала – это всех касается. Рин пойдет со мной к левому выходу. Остальные – в правую группу; командир – Эли Минак.

– Есть, мэм! – звонко откликнулась Эли.

– Эли, слушай внимательно: во-первых, тихо снимешь решетку; тихо, а не как в прошлый раз, понятно?! Когда все вылезут наружу, разберите по одной цели. Как только будете готовы напасть – рапортуй. Потом ждешь до первой активности врага – и вперед! Я рада, что нет вопросов. Действуйте, и да ведет вас Великий Разум.

«Во время войны мне здорово не хватало таких командиров», – отметил про себя Рониен, шлепая на коленях до ближайшей вертикальной шахты. Он легко ухватился за перекладину лестницы, немного подтянулся, втащил в шахту ноги и полез вниз, потом выбрался в первый горизонтальный ход. По пятам за ним двигался дюжий парень – Дик Сайер.

Горизонтальная шахта окончилась решеткой, сквозь которую принц прекрасно видел небольшой сектор ангара; выход находился примерно в метре от пола. Стараясь не шуметь, принц вытащил из ножен меч, приготовился выбить решетку и броситься на ближайшего пирата – это был омерзительного вида карлик с гигантскими зелеными прыщами по всему телу; Рониен так и не понял, был ли это представитель иной гуманоидной цивилизации или несчастливо мутировавший человек. Карлик играл в какую-то карманную компьютерную игру, сидя на ящике, оружия у него видно не было. «Наверное, в кобуре», – подумал принц.

– Дик, – шепотом позвал он напарника.

– Да, сэр! – откликнулся парень.

– Тише ты, он совсем рядом, – зашипел Рониен; и точно: карлик повел головой из стороны в сторону... но тут же успокоился. – Хвала Эгиону! Слушай, Дик. Один из них сидит прямо передо мной. Когда все начнется, я быстро разберусь с ним и займусь следующим, а ты попробуй найти у этого оружие.

– Понял, сэр, – прошептал в ответ Дик. – Я на связи, сообщу по поступлении сигнала...

Все было готово, оставалось только ждать... На Рониена тут же нахлынули усталость и боль в поврежденном теле: киборги не только разбили ему нос, но и поставили несколько синяков, да еще пару раз принц неслабо получил по почкам. Пришлось собраться, резко отринув мысли об отдыхе, чтобы в нужный момент не оказаться излишне расслабленным.

И сразу же принц вспомнил капитана. «Не должен человек умирать вот так, в ярости, о которой потом жалел бы, – думал Рониен. – Умирать, не имея даже мгновения на то, чтобы вспомнить свою жизнь, не подозревая, что смерть уже в одном шаге от него... Последнее, что он сделал в жизни – ударил меня... По-моему, меня никогда в жизни не били столько, сколько уже успели за сегодняшний день!.. Славный Дин Рейсс, в моей памяти о тебе сохранится только хорошее; добро, которое ты делал для других в те недолгие два дня, что я знал тебя...»

– Сообщают, что пора, сэр! – прошептал Дик.

«Началось», – подумал Рониен, поудобнее перехватывая меч, и разрешил себе маленькую поблажку – задержаться на время одного глубокого вдоха...

Размахнувшись, принц гардой меча выбил из пазов вентиляционную решетку; решетка еще не ударилась о платформу, а он уже подтягивался вперед, схватившись руками за края шахты. Меч, зажатый в правой руке, немного мешал, но все же принц сумел придать своему броску хорошую скорость – такую, что, когда он вылетел из шахты, ему хватило энергии толчка, чтобы выставить правую ногу и не упасть лицом вниз.

Услышав сзади шум, карлик вскочил на ноги и, пронзительно заверещав, уронил свою игру; и тут принц почувствовал, что вторая нога застряла в шахте (карлик схватился за бластер, который лежал у него в кобуре); правую руку принц держал внизу, на отлете, так что ему не потребовалось лишней секунды для замаха (карлик выхватил бластер); меч со свистом рассек воздух.

Оказалось, что голова пирата едва держалась у него на плечах: удар оказался таким сильным, что принц не только перерубил карлику шею, но и развернулся вокруг себя, таким образом высвободив из шахты левую ногу.

Серо-черный комбинезон принца забрызгало зеленой жижей. «Все-таки не человек», – промелькнула несвоевременная мысль.

Слева и справа от себя Рониен услышал шум и крики; из шахты выскользнуло ловкое тело Дика.

В поле зрения принца было два пирата: один из давешних крылатых фиолетовых амурчиков и человек-киборг на четырех острых, широко расставленных металлических ногах.

В следующий миг рядом с принцем оплавилась стена – откуда-то прилетел заряд плазмы; но стрелок явно находился вне пределов досягаемости, так что принц не обратил на это внимания...

Амурчик порскнул куда-то в сторону и вверх; принц прыгнул по направлению к киборгу, замахиваясь мечом; вдруг из механических недр четырехного пирата сверкнул красным лазерный луч – чиркнул принца по левому боку.

Разящий меч столкнулся с верхним манипулятором киборга; в металлической руке что-то хрустнуло – и тут же Рониен получил мощный удар в плечо правой живой рукой пирата, его отбросило и развернуло на пол-оборота. Принц, не теряя равновесия, завершил поворот и использовал энергию для второй атаки; меч врубился в потроха киборга; брызнула красная кровь, посыпались искры; принц упер ногу в тело пирата; резко вытащил меч и воткнул его в обыкновенную живую голову.

Киборг сложился, как карточный домик, и принц тут же почувствовал острую боль в обожженном лазером боку. Рядом с ним рухнули откуда-то сверху подпаленные фиолетовые ножки – все, что осталось от амурчика.

– Прячьтесь, сэр! – услышал Рониен крик Дика – и тотчас последовал совету десантника. Пригнувшись, он нырнул влево за контейнер; у него за спиной вспыхнул подожженный плазмой ящик.

Теперь Рониен оказался в относительной безопасности, защищенный стенкой контейнера, и смог спокойно оглядеться.

Впереди, шагах в двадцати от него, Лира с колена вела огонь из бластера, хозяин которого – огромный пират с массивной лысой головой на толстой шее – прислонившись спиной к ящику и пытаясь вдохнуть, медленно умирал от многочисленных разрывов внутренних органов.

Напарник Леры – Рин – так и не успел выбраться на платформу: сгусток плазмы застал его, когда он высунулся из шахты только по пояс, и его обугленные останки теперь заграждали точку проникновения.

Рониен развернулся: из шести командос, атаковавших с основного плацдарма, четверо были еще живы, и у троих в руках уже было оружие – они непрерывно обстреливали платформу и причалы; через вентиляционный ход, защищенный контейнером, один за другим выбирались крепкие офицеры – похоже, Пат Дибан подобрал добровольцев для второй волны. Дик с бластером наготове притаился за ящиком в нескольких шагах от принца.

Рониен на секунду выглянул из своего укрытия: по два пирата на каждом из причалов продолжали стрелять, спрятавшись за гравикарами. И все: остальные в момент нападения находились на открытом месте и стали прекрасной мишенью для десантников, завладевших оружием.

– Хватит, сдавайтесь! Иначе вам конец! – закричал принц. «Неужели правда все?» – пронеслась крамольная мысль, но он сразу отмахнулся от нее: пока рано...

– Сверху, сэр! – услышал Рониен громкий шепот Дика – и сразу отпрыгнул в сторону, сгруппировавшись, ушел в кувырок, и только потом позволил себе взглянуть наверх. Дик как раз выстрелил, но промахнулся, и плазма лишь оплавилась стенку контейнера, из-за которого вылетел фиолетовый купидон. Тот, как и принц, услышал шепот Дика – и выстрелил на голос; пылающий дейтерий сжег парню половину тела. Фиолетовый летун повернулся к принцу – и тут сверху на него рухнула вентиляционная решетка: Пат, прятаясь у выхода из верх-

ней шахты, вовремя вышиб ее ногой. Амурчик потерял равновесие и резко спикировал вниз, чуть не упав на платформу, выровнял полет, но выстрелить не успел: Рониен пригвоздил его острием меча к стенке контейнера.

– Сдавайтесь, я сказал! – снова закричал принц.

– Хорошо, не стреляйте только! – услышал он визгливый голос.

– Я тоже сдаюсь, – поддержал его второй, больше всего похожий на лай.

– Керзод с вами, банкуйте!

– Быстрее, за мной! – Пат Дибан выпрыгнул из верхней шахты на крышу контейнера. Рониен переложил меч в левую руку, в правую взял бластер амурчика, бросил последний взгляд на останки Дика Сайера – и вышел на открытое место.

Четыре оставшихся в строю пирата, задирая вверх все свои живые и искусственные конечности, с опаской выглядывали из-за гравикаров.

Рониен побежал к десантному катеру по ближайшей к нему центральной платформе. Рядом, держа на мушке пленных пиратов, бежала Лира.

– Захватим все три корабля, – она дышала легко, будто не было только что жестокой схватки. – Так больше шансов уйти. У вас лазерный ожог на боку.

Рониен только хмыкнул: боль в ране и во всем разбитом теле вымотала его. Подбежав к пиратам, он поднял валявшийся на платформе лазер, бросил его за спину, где его поймал один из офицеров, и приставил к хлопающей пластиковыми веками голове одного из киборгов острие меча:

– Вы успели сообщить о нападении? Отвечай правду, от этого зависит твоя жизнь.

– Нет, не успели, – проскрипел пират, и только тут принц разглядел, что оба его глаза – искусственные. «И как я определяю, врет он или нет?»

– Калланти Лиэр! – высказался принц и приставил меч к голове второго киборга. – Кто-нибудь успел сообщить о нападении?

(Пат Дибан у него за спиной раздельно говорил в микрофон передатчика:

– Всем офицерам «Катрин VII»! Подбирать оружие и следовать к ближайшему кораблю. Выживших пиратов захватывать в плен. Сообщить о готовности кораблей к вылету.)

– Нет, никто! – испуганно залепетал пират. – Тедди Бёр приказал всем вырубить переговорники, сказал, что они мешают работе систем «Беглого ветра».

– Не может быть! – вслух подумал Рониен.

– Мне тоже показалось, что это жуткая глупость! – поддержал его пират.

– Ну долго вы там? – из шлюзовой камеры пиратского десантного корабля выглядывал Унт. – Рон, тащи его внутрь!

Когда все оказались на борту, и последний офицер задраил оба люка шлюзовой камеры, принц наконец-то ощутил что-то вроде покоя:

– Я рад, что мы с вами на одном корабле, Унт, – сказал он лейтенанту.

– По-моему, Рон, мы уже перешли на ты? – усмехнулся тот. Принц улыбнулся в ответ, и вдруг боль в боку окончательно подкосила его.

– Нулгарский черт! Он ранен! Тут есть медики?!

(– Всем кораблям доложить о готовности к старту, – приказывал в передатчик Пат Дибан. – Через минуту я открою двери ангара...)

По бортам десантного корабля располагались длинные скамейки, и хотя он наполовину был забит ящиками с украденным на «Катрин VII» имуществом, для тридцати офицеров, одного раненого принца и двух пленных пиратов тут с лихвой хватило места.

Унт Дорон уложил Рониена на скамейку; рядом с ними тут же оказался майор медицинской службы, к поясу которого крепилась целехонькая полевая аптечка – пираты и не подумали ее конфисковывать. Первым делом он вколол принцу ампулу обезболивающего.

Корабль дернулся – это Пат отсоединил магнитный швартов – и стал мягко покачиваться в свободном полете на волнах силового поля.

Медик обрабатывал рану принца: устранял обожженные мертвые ткани, прыскал на обнажающуюся рану антисептиком и смазывал ее регенерационным гелем.

– Как только мы выйдем из ангара, пираты сразу поймут, что к чему: мы ведь не знаем паролей их пилотов, – отдавал последние приказы Пат. – Поэтому сразу разлетаемся в разные стороны – и да поможет нам Разум. Заранее введите конечные координаты гиперперехода. Точка randevu – ближайшая нейтральная звездная система на пути к Федерации... Ворота ангара открыты – все ребята, поехали!

Корабль дернулся под воздействием изменившегося ускорения, и ощущение движения было последним, что запомнил принц Рониен: он наконец-то провалился в беспамятство.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Голубое небо, прочерченное стрелами полупрозрачных облаков, стояло перед ним на расстоянии вытянутой руки; стебли травы трогали лицо.

«Это, наверное, сон», – подумал принц.

– Это сон? – спросил он вслух и окончательно проснулся.

– Скорее, легкая галлюцинация, – рядом сидел офицер медслужбы, пожилой уже человек с очень приятным, надежным лицом. – Так бывает после некоторых лекарств.

– Долго я спал? – спросил Рониен, приподнимаясь.

– Пару часов. Насчет пиратов не беспокойтесь: они даже не успели ничего сообразить, а мы уже ушли в подпространство...

Принц встал со скамейки и обнаружил внутри себя странное чувство: что-то явно было... не так.

– Рон, ты в порядке? – Унт Дорон выглянул из соседнего отсека.

– Как ни удивительно, в полном! – ответил принц и тут уж догадался: странным было то, что врач не попытался уложить его назад на скамейку и вообще не запрещал двигаться!

– Ваш организм просто великолепно реагирует на лечение, – подтвердил медик. – Да и рана была не очень опасная.

– Мне так не показалось, – недоверчиво наклонил голову Рониен.

– Однако это так – по нашим меркам, – уверенно заявил медик. – Просто был превышен ваш, так сказать, предел прочности: драки, напряжение боя, наконец, ранение – в итоге организм просто не выдержал, и мозг отключился.

– Спасибо вам, господин...

– Майор Вэн Тубис, к вашим услугам.

Рониен пожал протянутую руку.

– Пойдем в кабину, посмотришь на звезды, Рон! – потянул принца за собой Унт. – В прошлый раз ведь тебе понравилось?

– Понравилось – это не совсем правильное слово, – не очень уверенно ответил принц; но все же пошел следом за лейтенантом.

– Для начала – вот тебе персональный терминал взамен разбитого, – Унт протянул Рониену браслет. – Подобрал на платформе ангара, по пути к боту; там еще несколько осталось... – принц снял с запястья разбитый терминал и нацепил новый, включил его – и сразу услышал короткий зуммер динамика в ухе. – Нам повезло, что на этой развалюхе оказался работающий гипердвигатель! – рассказывал по дороге Унт.

– Зачем он на десантном боте?

– Согласен, довольно странно. Но это ведь пираты! У них все делается или чересчур, или кое-как. Обычно они пытаются оборудовать силовыми полями, оружием и гипердвижком все,

что может летать, кроме, разве, гравикара – чтобы всегда иметь дополнительную возможность смыться... Да что говорить! Если подпространственный двигатель оказался даже на шаттле... Хотя это, конечно, шаттл, на котором прилетел принц Ложи Равновесия, да не какой-нибудь, а сам Нот Мэйдэн!..

Унт продолжал что-то объяснять, сравнивать, но тут они наконец-то добрались до кабины пилота – и Рониен уже не слушал его. В первый раз он, наверное, просто не поверил, но сейчас...

Бескрайнее чернильно-черное покрывало, все исколотое иглками, а за ним – яркий-яркий белый свет...

– У него... совсем нет дна? – тихо спросил принц.

– По-настоящему этого до сих пор никто не знает.

Принц подумал, что звезды, планеты, их корабль и вообще все, что он видел и знал, существует лишь для того, чтобы показать бесконечность пространства, объемлющего их – как пылинки в луче света помогают увидеть его границы.

– Добро пожаловать на Мумбар! – в пилотском кресле бота сидел неизвестный Рониену офицер; он утопил штурвал в панель, и нос корабля мягко поплыл вниз.

Сначала в поле зрения появилось светлое зарево атмосферы, а следом за ним выплыл чуть изогнутый горизонт планеты; ясно видны были острова в океане и разноцветные поля облаков.

– Значит, вы и есть Рониен, тот самый знаменитый пришелец из другого измерения? – спросил пилот.

– Видимо, да, – ответил Рониен.

(– Я кое-что рассказал ребятам, пока ты был в отключке. После церемонии прощания с погибшими, – шепнул ему на ухо Унт. – О тебе и о том чуде-юде, из-за которого мы попали в этот переплет.)

– А я лейтенант Виареззим Ноггerti, – представился пилот.

– Какое странное имя для солярианца.

– Каждый день благодарю за него моих родителей! – усмехнулся Виареззим. – И, кстати, никому не разрешаю сокращать его до Виа или Ви. Схватили намек?

– Наверное, – пробормотал принц. – Но для меня это не так важно...

В узкую кабину протиснулся Пат Дибан:

– Рад видеть вас в добром здравии, ваше высочество!.. Лейтенант! Я тут покопался в архивах и выяснил кое-что про Мумбар – та планета, на которую мы летим...

– Считаю, уже прилетели, – вставил слово Виареззим.

– Так вот, Мумбар – планета, почти полностью покрытая водой, со сложным климатом из-за высокой вулканической активности и множества холодных и теплых течений. Основные поселения – в центре самого крупного континента Мумбара, посреди пустыни Халлар: там расположены кристаллические карьеры – главный источник существования планеты. Но самое интересное...

– С нами пытаются связаться – похоже, местные власти, – перебил его Виареззим. – Кто будет разговаривать?

– Я все еще являюсь руководителем экспедиции, – немного обиженно заметил лейтенант Дорон.

– Нет проблем! – ответил пилот и включил изображение на основной монитор.

Принц с любопытством взглянул на желто-зеленое существо с короткими малоподвижными пальчиками на забавных тонких ручках и умильным выражением кроткой, чуть вытянутой мордочки.

– Вот черт, хризелиане! – не сдержался Унт.

– Именно об этом я и хотел сказать: Мумбар является хризелианской колонией, и эти милые гуманоиды составляют девяносто процентов населения планеты, – закончил свою речь Пат.

– А теперь дружно скажите мне «спасибо» за предусмотрительность – и я включаю звук! – весело выдал Виареззим, на всякий случай подождал несколько секунд и щелкнул тумблером.

– ...Неизвестный корабль, назовите себя, – унылым голосом (видимо, уже далеко не первый раз) повторял хризелианин.

– Полномочный представитель Ложи Равновесия Высокого Сената Звездной Федерации Унт Дорон на борту корабля, реквизируемого Федерацией, просит разрешения на вход в порт Мумбара, – Рониен даже не ожидал от лейтенанта такой солидности.

– Сообщите название корабля и цель визита, пожалуйста, – все так же уныло сказал хризелианин.

– Регистрационный номер корабля: десантный бот номер один тяжелого крейсера «Катрин VII». Цель визита – коммерческая.

– Имеются ли на борту корабля больные опасными или неустановленными заболеваниями, наркотики в размере свыше десяти стандартных единиц на одного пассажира или члена экипажа, а также оружие массового поражения? – голос хризелианина выражал невообразимую скуку.

– Нет, сэр.

– Таможенная служба Мумбара дает вам разрешение на приземление в порту Халлар, терминал триста четыре. В течение десяти минут после приземления просьба ответственному лицу – господину Унту Дорону – не покидать корабль. Дождитесь представителя таможенной службы для улаживания всех формальностей, – хризелианин не дождался ответа и прервал связь.

– Угроздило же нас устроить точку randevu на хризелианской планете! – было первое, что сказал Унт после того, как монитор погас.

– А что в них такого страшного? – удивился принц.

– Пристегнитесь, ребята, потом поболтаете, – встрял в разговор пилот.

Унт, Пат и Рониен вышли из кабины, сели на ближайшую скамейку и пристегнулись ремнями.

– Ты видел его? Какой он маленький и слабый? – спросил Унт.

– Да, совершенно невинное создание.

– Эволюция сыграла с этими ребятами забавную шутку: чтобы как-то защититься от хищников на своей родной планете, хризелиане получили способность в случае опасности – или просто особо сильного волнения – наполнять пространство вокруг себя невыносимой вонью.

– Причем она отвратительна не только для хищников Хризела, но и для любых хоть маломальски разумных существ, – добавил Пат.

– Не понимаю, как такое может быть, – не поверил принц. – Ведь разным существам нравятся и не нравятся совершенно разные запахи... Но даже если и так: все равно, можно надеть респиратор и не обращать внимания.

– Если бы все было так просто! – воскликнул Унт.

– В том-то и дело, что защититься от этой вонии невозможно, – объяснял тем временем Дибан. – Потому что на самом деле ее не существует! Хризелиане не имеют никаких пахучих желёз. Они «воняют»... телепатически, вызывая в мозгу у окружающих ощущение наиболее омерзительного для них запаха, так что для одного это будет запах тухлых яиц, для другого – разлагающихся трупов, а для третьего – земляничного мыла или мятной зубной пасты, и при этом одновременно!

– А самое отвратительное, что хризелиане не в состоянии это контролировать. Любое волнение – и запах тут же ползет по помещению, где находится этот милый инопланетяшка.

Ведь на них самих этот телепатический отпугиватель не действует совершенно! Так что, как ты понимаешь, желающих общаться с ними не так уж много. Нам еще повезло, что в таможне у них служат одни флегматики – в исключительных случаях телепатическая вонь передается даже по каналам связи...

Еще некоторое время Унт и Пат рассказывали принцу разные забавные истории, связанные с ароматическими особенностями хризелиан, но потом корабль начало так трясти, что все разговоры на время пришлось прекратить.

– А это не опасно?! – удалось прокричать принцу, ни разу не прикусив себе губу или язык.

– Приземление?! – крикнул в ответ Унт. – Еще как! Но с лейтенантом Ноггерти за штурвалом – можешь не бояться!

Через несколько минут тряска прекратилась. Унт, еще не отстегнув ремней безопасности, нажал на кнопку подъема оконной брони; в стенах медленно открылись овальные отверстия. Теперь от внешней среды пассажиров корабля отделяли только толстые кварцопластовые стекла.

– Картинка довольно безрадостная, – заметил лейтенант Дорон.

– А чего вы хотели? – сказал Пат. – Я же говорил: пустыня, да еще и изрытая кристаллическими карьерами!

Повсюду был красный песок; лишь кое-где сквозь него проглядывало голубое небо.

– Там сильный ветер, – заметил принц.

– Девять метров в секунду, – Виареззим вышел из кабины пилота; принц увидел, что этот человек выделялся из экипажа «Катрин VII» не только своим именем и эксцентричным поведением, но и внешностью: лейтенант Ноггерти позволял себе иметь небольшое брюшко и носил волосы такой длины, что они даже закрывали уши! – И я думаю, что это далеко не предел: при «нормальной» погоде он будет подниматься до пятнадцати-семнадцати, а во время песчаных бурь... в общем, лучше не забывать белье на веревке! Зато газовый коктейль в атмосфере – в самый раз для дыхания! – пилот замолчал на несколько секунд, а потом без лишних экивоков поставил ребром самый животрепещущий вопрос:

– Ну что, господа? Я доставил вас в точку randevu – что будем делать дальше?

– Это зависит от того, будет ли за нами погоня, – Унт вопросительно посмотрел на принца.

– Не знаю, – раздумчиво сказал Рониен, медленно отстегивая ремни безопасности. – Тедди Бёр помог нам, это ясно. Значит, мои слова достигли его души... Если бы решение зависело только от его желания, могу сказать точно – мы были бы в безопасности. Но насколько он волен в своих действиях?

– Пиратский анклав – сообщество нестабильное... – поддержал его Пат Дибан.

– Да уж, похуже стаи керзодов! – усмехнулся Виареззим. – Держи ухо остро, а то вмиг сожрут!

– С одной стороны, мы угнали у них два корабля, набитых награбленным. С другой, гоняться по всей галактике за офицерами Федерации – не самая разумная стратегия поведения, – подытожил Унт.

– Я согласен, – поддержал его Пат. – После нашего побега пираты действительно могут сместить Тедди, но нас это уже вряд ли коснется – мы не такая уж жирная дичь; вряд ли пираты станут рисковать просто из мести...

– Интересно, Рон, как тебе вообще удалось уговорить этого ржавого головореза не выпускать нам кишки? – Унт задал вопрос, интересовавший практически всех офицеров крейсера.

– Не знаю, как вам объяснить, – замялся принц. – Еще увидев первую передачу Тедди, я почувствовал, что этот человек – вовсе не такой, каким хочет казаться. Корень его поступков – не злость, а боль. Не в силах справиться с этой болью, он несет ее другим. Сильный дух, изувеченный, но не сломленный... И я подумал, что он давно ждет, когда кто-то заметит это.

Заметит – и скажет об этом ему... Враги в моем мире совсем не такие; зло и ненависть – их основа, сердцевина, из которой они черпают силы. Таков Черная Тень. Он не остановится, не устанет, не бросит своих безумных замыслов. Он будет идти до конца в надежде уничтожить все, что дорого живым.

– Значит, продолжаем погоню, – кивнул Унт.

– Можно направиться навстречу адмиралу Кирду, – осторожно предложил Пат. – При поддержке тяжелой эскадры можно разобраться с любыми тенями...

– Нет, мы и так уже потеряли слишком много времени, – покачал головой принц. – К тому же адмирала больше заинтересует пиратский флот, чем прогулочная яхта с непонятной и плохо представимой угрозой на борту.

– Это точно! – воскликнул Виареззим. – Адмирал в погоне за... как ты говорил, Унт? Некро-макросом?

Дорон помрачнел, чем очень порадовал Рониена:

– Это совсем не смешно, лейтенант Ноггерти, – сказал Унт. – Вряд ли нам всем пришлось хоть раз сталкиваться с проблемой такого уровня.

– Прекрасно, прекрасно! Отбой! – выставил перед собой раскрытые ладони пилот.

– Я рад, что ты согласен со мной, Унт, – сказал принц. – Но все же, что именно ты собираешься делать?

– Для начала – дожждаться представителя таможенной службы, – таинственно ответил агент Ложи Равновесия.

В эту минуту к их небольшой компании присоединилась Лира Тайрэн:

– Я с парнями тут покопалась в награбленном... Скажу вам, у этих пиратов руки из нужного места растут! За неполный час они успели снять пару сотен голопроекторов из кают, упаковали запасной курсопрокладчик... так что в смысле финансов – у нас неплохой запас прочности!

– Спасибо, мисс Тайрэн, – улыбнулся Унт Дорон. – Ну что ж, теперь, я думаю, можно изложить мой план в общих чертах: мыждемся, пока в точке randevу соберутся все, кто бежал с «Катрин», продадим и сами посудины, и все ценное, что на них найдется, а потом купим на Мумбаре два корабля: один прочный и вместительный, и другой – маленький, быстрый и хорошо оснащенный. Большая часть офицерского состава крейсера на первом корабле направится навстречу адмиралу Ниру Кирду и его эскадре. А второй продолжит преследование «Невероятного Гадагоса». Вот только, боюсь, след его уже давно простыл...

– Я могу попытаться выяснить что-нибудь здесь, на Мумбаре, – предложил Виареззим. – Прогуляюсь по самым значным пабам Халлара, поболтаю с завсегдатаями – слухами галактика полнится...

– Я помогу ему, – поддержал пилота Пат Дибан. Все с удивлением посмотрели на уравновешенного супер-майора службы внутренней охраны. – Покопаюсь в местной сети, – улыбнулся Пат. – Знать бы только, что именно нам искать...

– Единственный совет, который я могу дать: обращайтесь внимание на все сверхъестественное и просто необычное, – сказал принц. – Я не знаю, какими силами обладает мой враг в вашем мире, и как может проявить себя. Но думаю, что если «Невероятный Гадагос» останавливался на какой-нибудь космической станции или планете, сам по себе корабль, управляемый зомби под командованием живого скелета, должен был обратить на себя внимание.

– Точно! – восхищенно воскликнул Ноггерти. – Спорю на свои локоны, он не мог проделывать такой путь вообще без дозаправки.

– В таком случае, осталось решить лишь один принципиальный вопрос... – начал было Унт, но его прервал требовательный стук по обшивке бота.

– Таможенники. Как всегда, на самом интересном месте! – проворчал Виареззим и спрятался в кабине пилота.

Унт Дорон пошел открывать. Лира, Пат и Рониен, естественно, последовали за ним.

Люк в шлюзовую камеру открылся бесшумно, а люк наружу – с резким коротким шипением: атмосферное давление уравнивалось с давлением внутри корабля.

Пол внутри бота находился почти на уровне земли: пираты с какой-то, известной только им одним целью отломали у этого корабля выдвижные опоры-шасси. Но, несмотря на это, два хризелианина, ожидавшие снаружи, смотрели на людей снизу вверх.

– Нам нужен... – малыш, доходивший принцу только до пояса, с серьезным видом посмотрел в бумаги, которые держал в тонюсеньких ручках. – Унт Дорон, кто это?

– Я, – ответил Унт. – Проходите, пожалуйста, господа!

Хризелианин подозрительно оглядел лейтенанта, кивнул и вошел внутрь бота.

– Довольно убогая посуда, – заявил он, бросив взгляд влево и вправо. – Интересно, зачем Федерации ее реквизируют?.. Ну да ладно, это не мое дело. У меня тут записано: цель визита – коммерческая. Будете закупать кристаллы? На этой развалюхе все равно много не увезете.

– Нет, мы, пожалуй, сначала купим корабль попросторнее, – сказал Унт.

– А! Ну, это совсем другое дело! – расплылся в острозубой улыбке таможенник. – Что у вас за груз?

– В основном голопроекторы и навигационная техника, – ответила Лира.

– Мне нужно провести оценку, чтобы взыскать таможенную пошлину, – продолжал улыбаться хризелианин.

– Никаких проблем! – улыбнулся Унт.

– Э-э, лейтенант! – Лира вдруг взяла его под руку. – Можно вас на секундочку?

– Не беспокойтесь, я подожду, – улыбка таможенника стала просто медовой: этот парень, похоже, нюхом чувствовал возможность погреть свою волосатую лапу.

Лира отвела Унта на несколько метров в сторону и прошептала:

– Вы не забыли о наших друзьях-киборгах? Мои парни до сих пор держат их под прицелом на корме бота...

– Да, совсем вылетело из головы... Ну ладно, я думаю, с этим малышом особых проблем не будет.

– А-а-а, уважаемый сэр! – Унт Дорон вернулся к таможенникам. – Возникли некоторые сложности: дело в том, что я и моя команда, мы очень спешим... у нас неотложное дело в Халларе. Может, есть какая-нибудь возможность провести досмотр... заочно?

– Таможенная служба Мумбара всегда готова помочь гостям планеты, – елеинно проговорил хризелианин. – Оценим ваш груз по тарифу «ничтожно мелкий», что в общем-то соответствует размеру корабля; то есть с вас – две с половиной тысячи кредитов таможенных сборов. Это в валюте Федерации; кстати, она имеет хождение на всей территории Мумбара. Вас устроит такая сумма?

– Пожалуй, да, – Унт прикинул, что это, наверное, раза в полтора меньше, чем они должны были бы заплатить на самом деле: таможенник всерьез думал, что они просто хотят сэкономить пару сотен.

– И триста кредитов – за особую услугу «заочный досмотр». Оплатите все сразу?

– Хм, как раз с наличностью у нас немного не очень... – замялся Унт, – может быть, в Халларе есть филиал банка Звездной Федерации? Мы легко обналичили бы нужную сумму.

Таможенник мгновенно помрачнел:

– Откуда здесь возьмется банк Федерации? Вы в Согнутом Пальце – скажите спасибо, что вам вообще разрешили совершить посадку на нашей чудесной планете! – но тут же подобрел снова (настроение хризелианина менялось с такой поразительной скоростью, что это наводило на мысль о позерстве), – таможенный сбор в две с половиной тысячи можете заплатить позднее, а вот что касается оплаты особой услуги – тут задержка *очень* не приветствуется.

Вдруг второй хризелианин, так и не сказавший за все это время ни единого слова и даже не бросивший на собеседников или их корабль заинтересованного взгляда, заразительно зевнул. Принц подумал, что, если физиология этих существ хоть чуть-чуть похожа на человеческую, то этому парню уже порядком надоело изо дня в день слышать один и тот же разговор...

– Кажется, я знаю, как решить нашу проблему! – вмешалась в разговор Лира. – Как насчет новенького голопроектора в счет оплаты?

Таможенник почмокал губками и вальяжно проговорил:

– Покажите...

– Сейчас, – Лира направилась на корму.

Вдруг из кабины пилота высунулась озаренная проказливой улыбкой голова Виареззима:

– Оба отставших корабля вышли к точке randevu и уже заходят на посадку! – заорал он громким голосом и немедленно спрятался назад в кабину.

У принца тотчас же слезы навернулись на глаза от невообразимой вони; он задержал дыхание – но это, естественно, не помогло...

Люди из всех сил старались ничем не выразить своего отвращения. Лица же таможенников при этом совершенно не изменились: они даже не заметили своего невольного испуга.

Когда Лира в сопровождении одного из офицеров притащила, наконец, ящик с голопроектором, лейтенант Дорон смог выдавить из себя лишь:

– Прошу вас, быстрее! Мы очень спешим!

И таможенник не стал долго упираться...

– Кстати, за стоянку корабля на терминале будете платить пять сотен в день, – порадовал он на прощание.

– Между прочим, проектор стоит кредитов восемьсот, – покачал головой Унт, глядя вслед удаляющейся парочке хризелиан, толкавшей перед собой тележку-антиграв с огромным ящиком на ней. – Вот пройдохи!

– Думаю, вряд ли нам стоило торговаться, – вытирая слезы, пробормотал принц. – Я одного не понимаю: как на Мумбаре выживают те десять процентов населения, которые *не* хризелиане?! – задался он неожиданным вопросом.

– Они не на континенте селятся, а на островах, у них закрытые колонии, – расставил точки над «ё» Пат Дибан.

– Второй бот и шаттл приземлятся на соседних терминалах, – как ни в чем не бывало, снова высунулся из кабины Виареззим. – Мы будем метрах в тридцати от них; на самом деле вообще не понимаю, зачем делить на квадраты эту голую пустыню.

– Лейтенант Ногерти, – ледяным голосом произнес Унт Дорон. – Еще одна такая выходка – и вы окажетесь в карцере.

– Интересно, где вы найдете карцер? – парировал пилот; но все же веселый тон немного сбавил.

– Был бы кандидат на десять-двадцать суток ареста – а уж карцер найдется, – в голосе лейтенанта чувствовался опыт работы в службе внутренней охраны.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пассажиры бота ожидали приземления двух других кораблей-беглецов, но лейтенант Дорон решил не тратить время зря и послал Пата Дибана с пятью офицерами к зданию космопорта – договориться насчет аренды гравикаров и арендовать помещение на складе; в кредит.

– Похоже, что наша первая коммерческая миссия увенчалась успехом, – заметил Унт, когда три потрепанные погрузочные машины подъехали к кораблю; в этот момент на соседних терминалах как раз приземлялись шаттл и пиратский бот.

– Даже не знаю, как сказать... – Пат, подъехавший на первом гравикаре, спрыгнул с него и протянул лейтенанту какой-то пластиковый бланк. – Они предложили в аренду три гравикара и пятьдесят квадратных метров склада за полторы тысячи в день, я подписал договор... но просмотрел его только на обратном пути, слишком торопился... – похоже, командир службы внутренней охраны крейсера был растерян – чувство, посещавшее его крайне редко. – Вот тут, мелкими буквами...

– «В случае неуплаты указанной суммы в течение часа с момента заключения контракта будет конфискована часть имущества», – щурясь, прочитал Унт. – «Оценка конфиската производится на месте таможенной службой...» Они нас как листовенное дерево разденут со своими правилами!

– Теперь уже вряд ли, – покачала головой стоявшая поблизости Лира.

– У вас есть предложение? – с надеждой посмотрел на нее принц Рониен.

– У меня – нет, а вот у него – наверняка, – десантница глазами указала на молодого офицера, который только что вышел из шлюза приземлившегося бота.

– Суперкарго Мар Хинум, – представил офицера принцу лейтенант Дорон.

– А вы наш таинственный спаситель? – хитро прищурился на Рониена Мар.

– Его высочество Рониен, принц Аниара, – закончил представление Унт. Суперкарго и принц пожали друг другу руки. – У нас тут небольшие проблемы, – лейтенант протянул Мару бланк договора.

Хинум бросил взгляд на кусок пластика и криво усмехнулся:

– Ага, разводка на цейтноте... А сколько эти сквалыги берут за использование терминала? – он поднял глаза на лейтенанта Дорона.

– Пятьсот кредитов.

– В неделю?

– Нет, в день...

– Пятьсот кредитов за сто квадратов песка?! – взъярился Мар. – Какой кретин назвал вам такие цены?

– Вон он как раз идет, – Рониен указал рукой: к группе кораблей приближались уже знакомые таможенные чиновники, только на этот раз перед собой они толкали уже *две* антигравитационные тележки.

– Эти? – презрительно сощурился Мар. – Ну, этим-то я хребет легко сломаю...

Когда хризелиане приблизились к шлюзу бота, на котором прилетел суперкарго, тот как раз встал у них на пути, загородив проход.

– Могу я увидеть... – таможенник посмотрел в свои бумаги, – Мара Хинума?

– К вашим услугам, – улыбнулся Мар, сложив руки на груди.

(– Прежде чем пойти на службу в Звездный Флот, Хинум был суперкарго на контрабандистском транспорте, – прошептал на ухо Рониену лейтенант Дорон. – Во всяком случае, это записано у него в досье. Как специалисту узкого профиля ему сразу дали чин супер-майора...)

– Разрешите ознакомиться с грузом корабля? – лениво поинтересовался хризелианин.

– С удовольствием, – Мар не двинулся с места. – Но прежде разрешите ознакомиться с копией четвертого приложения прайс-договора Мумбара с Торговым Союзом, – и он многозначительно взмахнул зажатым в кулаке бланком грабительского контракта.

Рониен, стоявший рядом, невольно чихнул и попятился: такая жуткая вонь вдруг заполнила все вокруг! У других офицеров наблюдалась похожая реакция; только Мар и бровью не повел: все так же улыбался, сложив руки на груди.

– Э-э... четвертое приложение... – пробормотал хризелианин, и ушки, торчавшие по сторонам его милой мордашки, стремительно поползли вниз. – Да, конечно... – он сделал вид, что сосредоточенно роется в своих бумагах.

– И заодно найдите распечатку двенадцатого пункта Соглашения о режиме благоприятствования коммерции в области высоких технологий, – продолжил Хинум. – Мумбар ведь подписывал его?

– А при чем здесь Соглашение?! – сразу отвлекся от «поисков» приложения таможенник.

– А при том, что у нас тридцать процентов груза – навигационные системы, – елеинным голосом протянул Мар; и вдруг взорвался, – а ты, крохобор, посмел заикнуться о пятистах кредитах в день за необорудованный терминал!

Вонь стала убийственной.

– Э-э, режим благоприятствования... – забормотал хризелианин, – э-э, конечно...

Но Мар снова заулыбался:

– В общем, так: четыреста пятьдесят кредитов в день – плата за все три терминала, – сказал он.

– Таможенная служба Мумбара выражает согласие, – тут же скороговоркой протараторил малыш.

– И бесплатно предоставляет в наше распоряжение три гравикара и пятьдесят квадратных метров склада взамен оборудования на терминалах, – закончил за него Мар.

– Согласен... – понуро ответил хризелианин.

– Тогда мы, во-первых, оба дружно забываем об этом юридическом нонсенсе, – Хинум демонстративно порвал пластиковый бланк; таможенник благодарно кивнул. – А во-вторых, примите от нас в качестве платы за услугу «заочный досмотр» *двух* только что прибывших кораблей вот этот *один* голопроектор.

На этот раз хризелианин печально сгорбился и снова кивнул:

– Еще пять тысяч кредитов налоговых сборов за груз, оцененный по тарифу «ничтожно мелкий», потрудитесь внести в течение десяти календарных дней Мумбара, – буркнул он. – За оба корабля, естественно...

Глядя, как чуть солоно хлебавши удаляются здорово помрачневшие таможенники, Мар пробормотал:

– Приземлись я раньше вас, втюхал бы им один проектор за все три корабля – взяли б, как миленькие!.. Ну да ладно, тут уже ничего не сделаешь.

Унт, Рониен и Мар осмотрели все три корабля и их груз. На небольшом шаттле не было почти ничего, что можно было бы продать: его пираты не использовали для транспортировки награбленного. А на втором боте оказались процессоры для каютных терминалов, элементы сложного радарного оборудования и все те же настенные голопроекторы.

Посоветовавшись, решили перевести четырех пленных пиратов на шаттл, весь груз при помощи гравикаров переправить на склад и продать вместе с пиратскими ботами, а на вырученные деньги купить один быстроходный и хорошо вооруженный корабль гоночного класса – «пустынный охотник» от «Дженерал космикс» или «бесшумный разведчик» Объединенных Коммерческих Верфей, а в крайнем случае – один из кустарных контрабандистских нарковозов, которые делались в расчете на то, чтобы избежать встречи с любым патрульным кораблем, а в случае обнаружения – уйти от преследования.

– В погоню за «Невероятным Гадагосом» отправится человек двенадцать, не больше, – прикинул Мар. – Значит, на randevу с адмиралом надо доставить – девяносто четыре...

– Столько шаттл не сможет принять, – покачал головой Унт. – Я же говорил: придется покупать два корабля...

– Если я буду их размещать – сможет, – уверенно сказал суперкарго. – Я в город, договарюсь о транзакциях, а вы, лейтенант, проследите за разгрузкой.

Унт Дорон кашлянул:

– Если уж на то пошло: вы, мистер Хинум, отправляйтесь в город, а я возьму на себя разгрузку кораблей.

– Простите, сэр, – поджал губы супер-майор. Лейтенант удовлетворенно кивнул:

– Хорошо же. Сколько людей возьмете с собой?

– Двух вооруженных десантников будет достаточно.

– Мисс Тайрон, берите одного из своих и сопровождайте супер-майора, – приказал Унт.

– Если никто не против, я хотел бы пойти с вами, – попросил Рониен. Никто не был против.

Первым делом Мар Хинум получил кредит в Независимом Коммерческом банке Мумбара – двадцать тысяч на накладные расходы. Часть денег он сразу же выдал Виареззиму Ногерти, который, взяв в помощь несколько человек, занялся выполнением своей части плана по поиску следов «Невероятного Гадагоса».

Потом суперкарго погасил задолженность по таможенным сборам – семь с половиной тысяч кредитов с хвостиком уже набежавших процентов, которые, как Мар и предполагал, у таможенников оказались намного выше, чем в банке.

Потом все четверо: Мар, Рониен, Лира и младший лейтенант Кит Мунис (второй десантник в их маленьком отряде) – погрузились в аэротакси с живым водителем. Выбрал его Мар, и сначала этот выбор показался остальным странным – ведь водителем был хризелианин...

– Слушай, приятель, – обратился к нему Мар, усевшись на переднее сиденье. – Не знаешь, где найти приличную контору по ремонту запчастей к межзвездникам?

– Ну знаю, и что? – мрачно воззрился на него водитель.

– А вот что, – Мар протянул ему десятикредитный пластиковый жетон.

– Ах, вам нужна *лучшая* мастерская по ремонту запчастей? – переспросил хризелианин, расплывшись в довольной улыбке. Суперкарго в ответ многозначительно приподнял и тут же опустил брови. Флайер сорвался с места. – Добро пожаловать на борт такси «Комфортабельных Воздушных Перевозок Халлара»! – любезно воскликнул водитель, плавно набирая высоту.

Рониен, боясь моргнуть, смотрел в окно аэрокара: высокие и стройные дома делового центра, улицы, прохожие и всевозможные транспортные средства проносились под ним, словно в волшебном сне; ощущение скорости овладело им целиком; на губах принца играла легкая улыбка.

– Какого керзода этому пижону надо в мастерской для запчастей? – шепотом недоумевала рядом с ним Лира.

– Понятия не имею, – так же шепотом ответил ей Кит. – Нам нужен оптовик, способный купить разом большую партию электронных систем; потом – рынок подержанных кораблей... При чем тут запчасти?

– Терпеть не могу эти контрабандистские штучки... – неприязненно скривилась Лира.

Неожиданно земля под окном флайера провалилась вниз, и у принца захватило дух: они летели над огромным кратером. Увидев на дне его множество огромных машин, Рониен догадался, что это – карьер по добыче кристаллов.

– Когда прилетим, дождись нас, – договаривался тем временем с водителем Мар. – Если все пройдет как надо – получишь сверх счетчика еще десятку.

– Это уж само собой, мистер, – усмехнулся хризелианин.

Кратер остался позади, а под окном аэрокара потянулись бесконечные бедные кварталы: приземистые дома из материала того же красного цвета, что и вездесущий песок пустыни.

Такси вдруг резко замедлило ход и стало снижаться, а потом глухо стукнулось о поверхность планеты.

Они вышли на пустынной узкой улочке, зажатой с двух сторон унылыми домами из красного песчаника.

Принц обратил внимание на несколько рекламных надписей или вывесок над входами внутрь зданий – но понял, что прочитать их не может. Правила письменности солярианского языка были заложены в его подсознание гипносуггестивной машиной; но других языков это вселенной Рониен не знал. Он подумал, что мог бы использовать универсальный переводчик у себя в терминале... но пока что не видел в этом особой необходимости.

Однако его спутники, похоже, не были столь же невежественны:

– «Модный салон сумочек, шляп и перчаток», – прочитал Кит вывеску над домом, у которого они остановились.

– Что это значит? – воззрилась на суперкарго Лира.

– Ну... вообще-то так незамысловато хризелиане маскируют свои бордели, – с улыбкой пояснил Мар. – Но нам не сюда, а вот в этот подвальчик... – не дождавшись ответа, он спустился по полустертым, припорошенным песком ступеням и открыл полипластовую дверь, прикрепленную обыкновенными боковыми петлями к стене – и принц вдруг замер, пронзенный непонятным острым чувством. Первый раз в этом мире дверь не уехала в стену и не спряталась в пол или потолок, а просто открылась, как и положено всякой порядочной двери. Рониен подумал, что за суетой трех последних дней он совершенно забыл о чем-то важном, о том, что всегда было вместе с ним в его мире. Как быстро растет трава, и какие запахи разносит ветер в последний зябкий час перед рассветом, когда даже шерстяной плащ кажется ледяным и ломким. Принц тихонько застонал, стиснув зубы, и посмотрел в голубое небо Мумбара. Высокое и яркое, на фоне красного песка оно могло бы быть прекрасным и могучим... Но это небо было лишь началом бесконечной ночной тьмы, у него не было ни мощи, ни лица, ни тоски.

Тем временем Мар вошел в лавку; Лира и Кит последовали за ним. Принц встряхнул головой, отгоняя печальные мысли, и последним спустился по ступенькам; на двери, так неожиданно тронувшей его, он разглядел потертую вывеску с несколькими мелкими надписями на разных языках. Среди них был и солярианский; надпись оказалась довольно лаконичной: «Комплектующие».

«Комплектующие – к чему?» – подумал принц и вошел.

Магазин запчастей был похож на самую обыкновенную лавку мира Рониена; вернее, на самую обыкновенную бедную лавку. Дальний правый угол довольно просторного помещения с низким потолком был отгорожен прилавком, за которым стоял продавец. За спиной продавца висели полки, уставленные совершенно одинаковыми пластиковыми бутылками с яркими надписями.

Слева от входа на полу лежал какой-то большой сложный механизм. Судя по всему, механизм был не в порядке, потому что два хризелианина в спецовках, уныло переругиваясь, колдовали над ним при помощи целого набора замасленных инструментов.

Единственное яркое впечатление во всей лавке производил только ее продавец: он был похож на огромную монету, стоящую на ребре – плоский и круглый, покрытый чешуей, с двумя глазами на ниточках, растущими из верхней части той стороны «монеты», которой продавец был обращен к клиентам. По бокам туловища существа располагались две пары клешней: две большие и мощные, и две поменьше, тонкие и более подвижные.

Существо принялось яростно жестикулировать своими конечностями, и принц подумал, что оно сейчас нападет на них... но Мар бесстрашно приблизился к «крабу» и поймал его в поле зрения видеокамеры своего терминала.

– ... просто безумно! – заговорил мягкий женский голос универсального переводчика. Краб продолжал дергать клешнями. – Просто безумно рад приветствовать столь дорогих обоим моим сердцам клиентов в моем скромном магазине.

– Мы тоже чрезвычайно рады, – чуть поклонился Мар.

Стоило ему произнести первое слово, как в крышке прилавка открылся хитрый паз, из которого вырос излучатель голопроектора, и в воздухе над стойкой тут же нарисовался мини-

атюрный иллюзорный крабик, который немедленно принялся шевелить всеми своими конечностями. Продавец скосил один глаз на изображение, воспринимая перевод слов суперкарго; второй его глаз пристально вглядывался в Мара, чуть подрагивая на своей ниточке.

– Как поживает великая и несравненная солярианская Звездная Федерация? – учтиво поинтересовался «краб».

– Процветает, вашими благословениями, – ответил Мар.

– Да воздастся хвала доблестным воинам прославленного Звездного Флота, и в особенности – мужественным супер-майорам, – продолжил приветствие продавец.

«Надо же, это чудо разбирается в солярианских шевронах!» – изумился про себя принц.

– Пусть размоют дожди песок под лапками риберианцев, и да купаются они вечно в жидкой грязи, – ответил любезностью на любезность Мар.

– Что привело столь почтенного и учтивого покупателя, гордость человеческой расы, в мой скромный магазин? – «краб», похоже, решил перейти к делу...

– Небольшое дело, к вящей славе Риберии и материальной выгоде их недостойных солярианских партнеров по бизнесу, – поклонился Мар.

(– Что ему надо от этого таза с глазами? – прошептал Кит.

– Вроде как уговаривает его приступить к совместному икрометанию, – ответила Лира.)

Рониен наблюдал за происходящим с искренним любопытством.

– Что же за сделка сможет принести материальную выгоду моему многоуважаемому гуманитарному другу и покровителю? – поинтересовался «краб». – Починка астроскопа? Замена плазменных фильтров?

– Нам нужен немного более сложный ремонт... – неопределенно заметил Мар.

– Перебрать ходовую флайера?

– Нет, другое...

– Замена видефона в вашем аэрокаре?

– Да, вроде того... – кивнул Мар. – Но еще барахлит автопилот, и неплохо бы проверить обзорные экраны...

– Насколько велики масштабы проблемы?

– Видефон – семь с половиной стандартов, правда, без комплектации, но в хорошем состоянии, «Голо Полайрис».

(– Ничего не понимаю, – прошептал Кит. – «Голо Полайрис» – это марка голопроекторов на «Катрин VII»...

– А я, кажется, начинаю понимать, – хмыкнула Лира.)

– ...А вот автопилот и экраны придется смотреть, там по договоренности, но приблизительно – стандартов пять. Да, и еще мозги бортового компьютера полетели, не меньше двух стандартов.

Краб «помолчал» какое-то время, замерев в неподвижности, и вдруг ответил:

– Двести сорок длинных за все.

– Вор, – спокойно ответил Мар. – Восемьсот за все.

– Крохобор и сквалыга! Сын презренного двуногого слизняка, – ровным женским голосом универсального переводчика заявил «краб». – Двести шестьдесят пять.

Мар тоже помолчал, кое-что прикидывая, и вдруг выдал:

– Встречный ремонт. Починю разбитое корыто.

– Хорошее корыто легко не починишь.

– Продолговатое, чуть больше мыльницы – без проблем починю.

Риберианец еще немного подумал.

– Разбойник. Поедатель беззащитных икринок. Мироед, – ответил он.

– Две антигравные тележки сверху. Целиком нуждаются в ремонте – минимум полтора стандарта каждая. Но придется накинуть не меньше сотни длинных.

– Девятьсот больших – последнее слово; если автопилот и экраны действительно разломаны на пять стандартов, – поддел «краб».

– И если корыто действительно продолговатое, – не остался в долгу Мар. – В нем хоть белье не плавает?

Продавец видимо замялся.

– Не понял, ты мне грязное корыто хочешь втереть, жадная мокрица?! – завелся суперкарго.

– Нет-нет! – поспешно замахал клешнями риберианец. – Назови меня рыбой, если на корыте хоть пятнышко найдется! Но действительно есть небольшие проблемы, самые малюсенькие, вам нисколько не повредит!

– А ну выкладывай, сухопутная крыса, а то вообще ничего чинить у тебя не буду! – насупил брови Мар.

– Маленький древоточец. Маленький и безвредный, но невыводимый.

– Один?

– Да. Почти... Вообще, три.

– Но починка хоть стопроцентная, без рекламаций? – уточнил Мар.

– Ты меня за моллюска принимаешь?! – обиделся «краб».

– Ну ладно, ладно! – примирительно поднял вверх открытые ладони суперкарго. – А жуки как, приличные?

– Чистые и непорочные, как слеза дерева И! – уверил риберианец. – К тому же двое – люди. Без обмана, как негоциант – негоцианту.

– Предварительно – по клешням, – согласился Мар. – Через час, терминал триста четыре.

– Будут четыре хризелианина, от Липкого Ва, – предупредил продавец. – Липкий Ва – это я.

– Я их встречу, – кивнул Мар. – Где корыто?

– Тысяча двенадцатый терминал.

– Подойдут люди от Мара Хинума. И предупреди, чтобы древоточцы были на месте.

– Само собой, – ответил «краб» и протянул клешню для скрепления договора. Мар стукнул по ней сверху кулаком.

– Да продлятся дни моего друга и покровителя, хлюпающего по слякоти Липкого Ва, – попрощался суперкарго и направился к выходу.

Риберианец замахал что-то клешнями на прощание, но что он хотел сказать – никто из людей так и не узнал, потому что камера терминала Мара больше не фиксировала его жесты.

– Теперь к оптовикам? – спросил Кит Мунис, когда все четверо выбрались из подвала.

Мар расхохотался:

– Теперь – подсчитывать барыши и осматривать наш новый корабль! – он открыл дверь такси и сел.

– Ну как, все в порядке? – спросил водитель, и принц почувствовал, как по салону пополз легкий запашок.

– Не беспокойся, дружище, все пр-осто замечательно! – улыбнулся Мар. – Десятка твоя, и вот еще одна – можешь забыть про эти центы на счетчике.

– «Комфортабельные Воздушные Перевозки Халлара» ценят особых клиентов! – расплылся в улыбке хризелианин. Запах исчез; принц из любопытства бросил взгляд на счетчик, пока водитель не обнулil его: там было чуть больше двух с половиной кредитов. – Куда теперь?

– Назад в порт.

Такси взлетело в воздух, а Мару, похоже, не терпелось поделиться со своим отрядом тонкостями коммерческой кухни; при этом водителя он не стеснялся совершенно.

– Черный рынок – лучший выход, если хочешь скинуть серый товар, быстро и без вопросов. Такие конторы есть почти в каждой свободной колонии, и даже на некоторых планетах

Федерации. По негласному договору, они маскируются под мелкие ремонтные мастерские. У этих ребят обычно все схвачено в полиции и в налоговой службе, к тому же они не занимаются крупными партиями – поэтому серьезным корпорациям на них наплевать. Цены у них, конечно, похуже, чем у легальных оптовиков, но за счет экономии на налогах мы еще и выигрыше окажемся!

– Черный рынок? – переспросила Лира. – Мафия! А это не опасно?

– Не особенно, если знать правила, – беспечно заметил Мар. – Синдикат не будет идти на необоснованный риск, когда можно спокойно заработать свои десять-двадцать тысяч. Но и глупостей не прощает! Поэтому я и попросил в сопровождение десантников.

– Так что, на нас могли напасть в том подвале? – угрожающе спросила Лира. – Профессионалов о таких вещах надо предупреждать заранее!

– Нет, на предварительных переговорах никакой опасности нет, – помотал головой Мар. – Они ведь еще не видели наш товар, а рисковать жизнью на «гоп-стопе» ради тех же десяти тысяч, которые можно без проблем заработать за два часа – какой смысл? Вот когда они оценят барахло, которое мы пытаемся им скинуть, прикинут, стоит ли связываться – тут можно ожидать от них какой-нибудь неводержанной глупости. Хотя я и попытался минимизировать такую возможность: этот пройдоха-риберианец хорошо разглядел троих вооруженных телохранителей, и теперь они семьдесят один раз подумают, прежде чем играть с нами в игры.

– Каких именно эксцессов ты ожидаешь? – спросила Лира.

– Чего-нибудь brutального и неизобретательного. Эти парни не утруждают себя сложными схемами разводов. Надо просто держать ухо востро и, чуть что, нещадно бить детишек по рукам...

Когда они вернулись в порт и вышли из аэрокара, Рониен задал давно уже мучивший его вопрос:

– Господин Хинум, вы уверены, что стоило выкладывать все наши планы в присутствии водителя такси? Я знаком с обычаями городских трущоб и могу вас заверить, что этот хризелианин связан с мастерской, раз так легко отвез нас туда.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – улыбнулся Мар. – Он не только прямо сейчас передает все до единого слова Липкому Ва, но еще и замечает в скобках, что я намеренно раскрывал их маленькие секреты прямо в его присутствии. Теперь синдикат знает, что имеет дело с опытным торгашом, а это само по себе повышает наши шансы избежать проблем.

Небольшой отряд добрался до триста четвертого терминала на гравикаре космопорта. Разгрузка ботов к этому моменту была практически завершена.

– Уже вернулись? – Унт посмотрел на них с тревогой. – Ну, какие новости?

– Через пару часов можно будет отправляться, – уверенно ответил Мар. – Если, конечно, будут новости от супер-майора Дибана или лейтенанта Ноггерти.

– Неужели так скоро?! – удивился лейтенант. – Я думал, мы задержимся на сутки, не меньше...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.